

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 1(40) 2021

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 1(40) 2021

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» включен в перечень ведущих научных изданий, в котором публикуются результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс – 34121 в объединенном каталоге «Пресса России».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия.

Технический редактор – О.В. Сулемина.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Фактический адрес издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2021

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index – 34121 in the united catalog «Press of Russia».

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;
Technical editor – O.V. Sulemina.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394006, Russia, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

Factual address of the publisher: 394006, Russia, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Russia, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского	
<i>Чуйков П.Л.</i> «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского в художественной рецепции Ю.С. Семенова (на материале романа «Семнадцать мгновений весны»).....	7
Лингвистика	
<i>Меркулова И.А., Паненко М.В.</i> Терминология <i>хендмейд</i> в современном русском языке: особенности функционирования и фиксации	11
<i>Шульдишова А.А.</i> О подражателях и продолжателях (поэтонимологический этюд).....	17
<i>Буркова С.С.</i> Этимология словесных названий российского вооружения.....	24
<i>Штеба А.А.</i> Энергонапряженность слова (на примере смешанных эмоций).....	29
Методика преподавания языков	
<i>Уланович О.И.</i> Дискурсный подход как методологическая основа обучения иностранному языку в вузе и технология дидактики перевода.....	35
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Патроева Н.В., Мухина Е.А.</i> Функционирование вставных конструкций в поэзии И.А. Крылова.....	45
<i>Петрачкова И.М.</i> Ономастические универсалии при создании поэтонимов в пьесах Людмилы Николаевны Разумовской	54
<i>Бугакова Н.Б.</i> Аспекты изучения ономастики А. Платонова.....	62
<i>Хабидуллина А.З.</i> Элегия в русской и татарской поэзии XIX - начала XX вв: категория времени.....	67
<i>Крылова М.Н.</i> Образ женщины в творчестве В.Т. Шаламова	75
<i>Карташова Е.Н.</i> Творчество В.М. Шукшина: перспективы лингвистических исследований.....	82
<i>Халилов Р.О.</i> Общность комедий Плавта и комедии В. Катаева «Квадратура круга».....	88
Лингвокультурология	
<i>Цзяньминь Чу</i> Лингвистические особенности наименований зданий, дорог и ландшафтов в китайских учебных заведениях	94
<i>Ingrid Ospald</i> <i>Wegzweigungen (rezeption des daoismus durch Alfred Döblin)</i>	101
Межкультурная коммуникация	
<i>Сичинава Н.Г.</i> Стратегии интерпретации новеллы И.А. Бунина «Ворон» в контексте интегрального анализа	106
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Воронова Т.А., Самойленко Н.С., Казаков В.В.</i> Доступная городская среда: степень участия СМИ в решении проблемы.....	112
Язык СМИ	
<i>Магировская О.В., Влодарчик Е.А.</i> Репрезентация научного знания в дискурсе экспертных блогов врачей (на материале английского и русского языков).....	117
<i>Мифтахова О.В., Мокрова К.Г.</i> Языковые средства создания имиджа политика (на материалах СМИ Германии).....	124
События, обзоры, рецензии	
<i>Булгакова И.В., Панова М.В., Швецова О.А.</i> Анализ уровня читательской грамотности обучающихся нефилологических факультетов воронежских образовательных организаций высшего образования в аспекте процесса повышения качества образования в высшей школе.....	131
<i>Клюшина А.М., Хохлова А.А.</i> Итоги международного методологического семинара «Динамические процессы в семантике и грамматике» (научная школа Е.П. Иванян).....	140
Правила оформления статей	146

CONTENTS

<i>Kovaleva L.V.</i> Opening remarks of the chief editor	6
On the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky	
<i>Chuykov P.L.</i> «The Brothers Karamazov» by F.M. Dostoevsky in the artistic reception of Yu.S.Semenov (based on the novel «Seventeen moments of spring»).....	7
Linguistics	
<i>Merkulova I.A., Panenko M.V.</i> Terminology of HANDMADE in modern Russian language: features of functioning and fixation	11
<i>Shuldishova A.A.</i> About imitators and successors (poetonymology exercise).....	17
<i>Burkova S.S.</i> Ethymology of word names of Russian weapons	24
<i>Shteba A.A.</i> Energy intensity of a word (based on mixed emotions).....	29
Methods of teaching languages	
<i>Ulanovich O.I.</i> Discourse approach as methodological basis of a foreign language teaching at university and technology of translation didactics.....	35
Literary text: aspects of study	
<i>Patroeva N.V., Mukhina E.A.</i> Functioning of inserted structures in the poetry of I.A.Krylov.....	45
<i>Petrachkova I.M.</i> Onomastic universal in creation of poetonimes in the plays by Lyudmila Nikolayevna Razumovskaya.....	54
<i>Bugakova N.B.</i> The aspects of study of the onomastics in A. Platonov's works.....	62
<i>Khabibullina A.Z.</i> Elegy in Russian and Tatar poetry of the XIXth – early XXth centuries: the category of tense.....	67
<i>Krylova M.N.</i> The woman's image in creativity of V.T. Shalamov.....	75
<i>Kartashova E.N.</i> V.M. Shikshin's creativity: the prospects of linguistic research.....	82
<i>Khalilov R.O.</i> Commonality of Plautus comedies and V. Kataev's comedy «Quadrature of the circle».....	88
Language and culture studies	
<i>Jianmin Chu</i> Linguistic features of names of buildings, roads and landscapes in Chinese educational institutions.....	94
<i>Ingrid Ospald</i> Wegzweigungen (rezeption des daoismus durch Alfred Döblin).....	101
Intercultural communication	
<i>Sitchinava N.G.</i> Strategies for interpreting I.A. Bunin's short story «The Raven» in the context of integral analysis.....	106
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Voronova T.A., Samoilenko N.S., Kazakov V.V.</i> Accessible city environment: the participation of mass media in the salvation of the problem.....	112
Language of mass media	
<i>Magirovskaya O.V., Vlodarchik E.A.</i> Scientific knowledge representation in the discourse of medical expert blogs (the case of English and Russian language blogs).....	117
<i>Miftakhova O.V., Mokrova K.G.</i> Language means of creating politician's image (on Germany media materials).....	124
Events and reviews	
<i>Bulgakova I.V., Panova M.V., Shvetsova O.A.</i> Analysis of reading literacy level of students of non-philological departments of Voronezh higher education institutions in the aspect of enhancing of higher education quality.....	131
<i>Klyushina A.M., Khokhlova A.A.</i> The results of the international methodological seminar «Dynamic processes in semantics and grammar» (scientific school of E.P. Ivanyan).....	140
Layout of the articles	146

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сороковой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии». Отдельно представлен раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа.

В раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» входит работа, посвященная исследованию рецепции творчества великого писателя в романе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» (П.Л. Чуйков). Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие особенности терминологии *хендмейд* (И.А. Меркулова, М.В. Паненко), этимологию словесных названий русского вооружения (С.С. Буркова), понятие энергонапряженности слова (А.А. Штеба), а также поэтонимологический этюд, в котором представлен анализ поэтики образов музыки (А.А. Шульдишова). В разделе «Методика преподавания языков» исследуется дискурсный подход как методологическая основа обучения иностранному языку (О.И. Уланович). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, затрагивающие проблемы литературной ономастики в творчестве Л.Н. Разумовской (И.М. Петрачкова) и А. Платонова (Н.Б. Бугакова), функционирования вставных конструкций в поэзии И.А. Крылова (Н.В. Патроева, Е.А. Мухина), анализирующие категорию времени в русской и татарской элегии (А.З. Хабибуллина), особенности создания женского образа в творчестве В.Т. Шаламова (М.Н. Крылова), выявляющие общность комедий Плавта и В. Катаева (Р.О. Халилов), обозначающие перспективы лингвистического анализа шукшинских текстов (Е. Н. Карташова). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу топонимии в китайских учебных заведениях (Цзяньминь Чу) и рецепции даосизма в творчестве А.Дёблина (И. Оспальд). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлены стратегии интерпретации новеллы И.А. Бунина «Ворон» (Н.Г. Сичинава). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает работу, анализирующую степень участия СМИ в решении проблем доступной городской среды (Т.А. Воронова, Н.С. Самойленко, В.В. Казаков). В разделе «Язык СМИ» рассматриваются особенности репрезентации научного знания в дискурсе экспертных блогов врачей (О.В. Магировская, Е.А. Влодарчик) и выявляются языковые средства создания имиджа политика (О.В. Мифтахова, К.Г. Мокрова). Раздел «События, обзоры, рецензии» содержит статью, в которой представлен анализ уровня читательской грамотности (И.В. Булгакова, М.В. Панова, О.А. Швецова), и работу, посвященную международному методологическому семинару «Динамические процессы в семантике и грамматике» (А.М. Ключина, А.А. Хохлова).

Содержащиеся в выпуске 1(40) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ON THE 200-TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.54.58.001

*ФГБУ «Управление по эксплуатации зданий
высших органов власти» Дирекция по
обслуживанию и эксплуатации Дома
Правительства Российской Федерации
кандидат филологических наук
Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва, тел. 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

*Federal State Budgetary Institution «Management for the
Operation of Buildings of Higher Authorities» Directorate
for Maintenance and Operation of the House of Govern-
ment of the Russian Federation
PhD in Philology
Chuykov P.L.
Russia, Moscow, tel. 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

П.Л. Чуйков

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ Ю.С. СЕМЕНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ»)

В статье рассматривается образ солдата Гельмута в романе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» (1969). В статье говорится о влиянии Ф.М. Достоевского и Э.М. Ремарка на мироощущение и поэтику Ю.С. Семенова. Сделанные выводы позволяют выдвинуть гипотезу о влиянии романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880) и романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» (1954) на поэтику Ю.С. Семенова в период создания произведения «Семнадцать мгновений весны». Высказывается предположение, что Ю.С. Семенов проводил параллели с произведениями Ф.М. Достоевского, осмысливая их идеи. В работе прослеживается развитие Ю.С. Семеновым в романе «Семнадцать мгновений весны» мыслей Ф.М. Достоевского и устанавливается, что Ю.С. Семенов не раз обращался к произведению «Братья Карамазовы», размышляя над религиозно-философской проблематикой этого романа.

Ключевые слова: Семенов, Достоевский, «Семнадцать мгновений весны», «Братья Карамазовы», Розанов, Ремарк, «Время жить и время умирать», «слеза ребенка».

P.L. Chuykov

«THE BROTHERS KARAMAZOV» BY F.M. DOSTOEVSKY IN THE ARTISTIC RECEPTION OF YU.S. SEMENOV (BASED ON THE NOVEL «SEVENTEEN MOMENTS OF SPRING»)

The article discusses the image of the soldier Helmut in the novel by Yu. Semenov «Seventeen Moments of Spring» (1969). The article says about the impact on F.M. Dostoevsky and Ju.S.Semenov attitude and poetics. The findings allow to form a hypothesis about influence of F.M. Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» (1880) and the novel by E.M. Remarque «Time to live and time to die» (1954) on Yu.S. Semenov's poetics during the creation of the work of fiction «Seventeen Moments of Spring». It is suggested that, Ju.S. Semenov thus drew the parallels with F.M. Dostoevsky novels, reflecting over their ideas and meaning. The paper traces Ju.S. Semenov's development of F.M. Dostoevsky's thought in the novel «Seventeen Moments of Spring» and it was discovered that Ju.S. Semenov had turned to the book «The Brothers Karamazov» more than once, thinking about the religious and philosophical issues of this novel.

Keywords: Semenov, Dostoevsky, «Seventeen Moments of Spring», «The Brothers Karamazov», Rozanov, Remarque, «Time to Live and a Time to Die», «a child's tear».

Вопреки устоявшемуся в литературоведении мнению о том, что творчество Ю.С. Семенова (1931-1993) относится исключительно к массовой культуре, а сам писатель – представитель детективного жанра, есть основания полагать, что Семенов опирался на богатый опыт русской классической литературы

XIX века, следовательно, его поэтика богаче, а проблематика произведений автора значительно шире и серьезнее. Так, в романе «Семнадцать мгновений весны» (1969) обнаруживается реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880).

Обратимся к сцене допроса советской радистки Кэт из произведения Семенова, во время которой гестаповец Рольф раздевает на глазах у матери ее младенца перед распахнутым окном холодной зимой для того, чтобы женщина выдала немцам русского разведчика. Семенов несколько раз подчеркивает, что ребенок надрывно плакал: «Мальчик кричал, заходясь, – крик его был пронзителен. Личико сделалось синим, веки набухли, и губы обметало белым» [1; с. 206]. Немецкий солдат Гельмут, желая прекратить издевательство над младенцем, хочет унести его под тем предлогом, что ребенку пора есть, но Рольфа это не останавливает. На некоторое время попытка все же прекращается из-за обморока Кэт, и Гельмут уходит с мальчиком в другую комнату, но, когда женщина приходит в сознание, Рольф продолжает мучить младенца. Из милосердия к ребенку Гельмут убивает Рольфа и его помощницу Барбару, спасая тем самым жизнь радистки и ее сына.

В романе «Братья Карамазовы» Иван рассказывает Алексею о маленьком дворовом мальчике, замученном генералом за то, что нечаянно ранил его любимую собаку: «... ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... “Гони его!” – командует генерал, “беги, беги!” – кричат ему псари, мальчик бежит... “Ату его!” – вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!...» [2; I; с. 314]. Услышав эту историю, даже схимник Алеша Карамазов говорит сначала, что генерала надо расстрелять. Солдат Гельмут так и поступает, когда видит, что Рольф делает с младенцем. Любовь к детям – общее у всех людей, независимо от их национальной принадлежности. Гельмут заботится о своей маленькой дочери, которую сдала в приют сбежавшая от него жена, и понимает, что Кэт испытывает к детям те же чувства, что и он: «... любовь к дочке стала главным в его жизни. Он увидел, как русская радистка укачивала своего мальчика, и тогда впервые отчетливо спросил себя: “Что же мы делаем? Они такие же люди, как мы, и так же любят своих детей, и так же готовы умереть за них”» [1; с. 242].

Когда-то Гельмут, как и большинство немцев, поверил в национал-социалистические идеи Гитлера, невольно став исполнителем его бесчеловечных планов: «Он (Гельмут – П.Ч.) знал, что воюет за свою родину, за жизнь матери, трех братьев и сестры. Он верил в то, что воюет за будущее Германии против неполноценных славян, которые захватили огромные земли, не умея их обрабатывать; против англичан и французов, которые продались заокеанской плутократии; против евреев, которые угнетают народ, спекулируя на несчастьях людей» [1; с. 241]. Но постепенно для него наступает пора отрезвления, приходит горькое осознание неправильности и жестокости происходящего вокруг. Это случилось под Смоленском, где взводу Гельмута впервые поручили расстрелять заложников, матерей с детьми и стариков: «Женщины прижимали детей к груди, закрывали им глаза и просили, чтобы их поскорее убили. Он тогда по-настоящему запил; многие его товарищи тоже молча тянули водку, и никто не рассказывал смешных анекдотов, и никто не играл на аккордеонах» [1; с. 241-242]. Гибель мирных русских жителей стала незабываемым потрясением для Гельмута.

О трагических судьбах безвинных детей задумывается и Иван Карамазов. Он тоже не может найти объяснения ужасным случаям издевательств над ними, не видит смысла их мучений, поэтому обращается к Алеше: «Об остальных слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра, – я уж ни слова не говорю, я тему мою нарочно сузил. <...> если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста?» [2; I; с. 315-316]. Следует подчеркнуть, что возмущение Ивана приводит его к бунту против Бога, в результате чего герой Достоевского отказывается от некой «высшей гармонии»: «Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к “Боженьке”! <...> И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» [2; I; с. 317]. Грубая, страшная реальность и несправедливость мира пробуждают в замкнутой душе Ивана разрушительные силы. Религиозный философ В.В. Розанов, противопоставляя ему открытого, чистого душой Алексея Карамазова, отмечает: «... как в Алеше выделилась в очищенном виде мощь утверждения и жизни, так и в Иване в очищенном же виде сосредоточилась мощь отрицания и смерти, мощь зла» [3; с. 42].

Гельмут же после пережитого на фронте, став свидетелем многих слез и лишений, в результате мучительных раздумий приходит к иным выводам. Вместе с Кэт он забирает из приюта свою любимую дочь: «Гельмут всегда мечтал о том, чтобы в его доме возле вешалки стояло много детских башмачков: он лю-

бил детей. Как же ему не любить детей, ведь сражался-то он за их счастье?!» [1; с. 242]. Когда беглецам угрожает опасность, Гельмут снова, на этот раз ценой собственной жизни, спасает Кэт и малышкой. Он стреляет в своих преследователей, чтобы женщина с младенцами успела спрятаться. Даже умирая, Гельмут думает о детях, переживает за них: «Он боялся, что сейчас с ним снова случится приступ и его возьмут в беспамьятстве. “А потом схватят девочку, станут ее раздевать и подносить к окну, а ведь еще только-только начинается весна, и когда-то еще будет тепло. <...>” <...> И последнее, что он подумал, после того как услышал автоматную очередь и еще перед тем, как осознал последнюю в своей жизни боль: “Я же не сказал ей, как зовут девочку...”» [1; с. 244-245]. Увиденные страдания женщин и детей помогают немецкому солдату осознать, что он в ответе за происходящее, почувствовать раскаяние и попытаться искупить свою вину. Герой нравственно возрождается уже через пережитые собственные страдания.

Такое перерождение роднит Гельмута с Дмитрием Карамазовым. Мите снится сон, в котором он едет по степи и видит сгоревшее селение и стоящих на дороге худых, испытанных женщин с коричневыми лицами. На руках одной из них кричит ребенок: «... и груди-то, должно быть, у ней такие иссохшие, и ни капли в них молока. И плачет, плачет дитя и ручки протягивает, голенькие, с кулачками, от холоду совсем какие-то сизые» [2; II; с. 213]. На вопрос Дмитрия, почему люди рыдают, ямщик отвечает, что это плачет дитё: «И поражает Митю то, что он сказал по-своему, по-мужицки: “дитё”, а не “дитя”. И ему нравится, что мужик сказал “дитё”: жалости будто больше.

– Да отчего оно плачет? – домогается, как глупый, Митя. – Почему ручки голенькие, почему его не закутают?» [2; II; с. 213].

В рассматриваемой нами сцене допроса из «Семнадцати мгновений весны» гестаповец Рольф, в отличие от ямщика из романа Достоевского, наоборот, употребляет слово «дитя», а не «дитё», которое понравилось Мите. Вместо жалости в словах гестаповца слышится только трезвый расчет: «Я не зря напомнил вам о морозе. Достаточно подержать ваше дитя три или пять минут вот на этом столе – голенького, без пеленок, – и он умрет» [1; с. 204].

Беспокоясь о том, почему замерзает голодное «дитё» и как случилась беда с погорельцами, Митя испытывает незнакомое чувство, от которого готов заплакать. Дмитрий ощущает прилив новых сил и желание помочь сразу всем людям: «И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого ...» [2; II; с. 213]. Когда Гельмут видит, как Кэт заботливо берет на руки его дочь, в глазах немецкого солдата тоже появляются слезы. Вид русской женщины с его дочкой на руках придает добросердечному Гельмуту смелости и уверенности в желании помочь Кэт спастись.

Дневники Семенова свидетельствуют о том, что он активно читал и перечитывал произведения Достоевского, во многом соглашаясь с ним. Так, создатель «Семнадцати мгновений весны» делает запись от 13 февраля 1963 года: «В прошлом году я перечитал “Братьев Карамазовых” и понял, что писатель этот – самая главная, наравне с Пушкиным, глубина прошлого века, “Карамазовы” – страшная книга. Она страшна так, как бывает страшна истинная правда, но не абстрактная правда, а правда того или иного кровавого события» [4; с. 257]. Подробно размышляя над созданными Достоевским образами и над структурой его произведений, Семенов ставит создателя «Идиота» и «Бесов» в один ряд с А.С. Пушкиным, называя обоих писателей одинаково гениальными. При этом дневниковые записи Семенова характеризуют его как читателя внимательного и вдумчивого: «Читаю я Достоевского по страницам. Возвращаюсь к фразе один, два и три раза, потому что его литература где-то сродни иллюстрированному толкованию Библии» [4; с. 258]. Автор «Семнадцати мгновений весны» был верующим человеком, и сравнение произведений Достоевского со Священным Писанием является в глазах Семенова высшей оценкой отечественного классика XIX столетия.

Для нашего сравнения также будет полезно привести некоторые исторические факты, которые приводит Д.А. Достоевский, правнук писателя. Говоря об отношении к создателю «Братьев Карамазовых» за рубежом, он рассказывает об исторических казусах времен Второй Мировой войны: «В Германии всегда было особое расположение к Достоевскому, потому что о нем, как об учителе, говорил Ницше, а у нас его считали реакционным писателем. Когда оккупанты захватили Симферополь, там жила моя бабушка, Екатерина Петровна, ее муж, сын писателя, Федор Федорович, уже давно умер, сын Андрей (внук писателя – П.Ч.) проживал в Ленинграде и в это время находился на фронте. Несмотря на это, немцы при расквартировании повесили на ее дверях табличку на немецком: “Здесь живет невестка Достоевского, квартиру не занимать”» [5; с. 38]. Также, по словам Д.А. Достоевского, в 1945 году в Германии готовили к выпуску

юбилейное издание книги Гитлера «Моя борьба» («Mein Kampf») на дорогой мелованной бумаге. Но фашизм был повержен, и на этой бумаге уже после войны вышло полное собрание сочинений Достоевского. Приведенные факты доказывают, что немецкому народу, в том числе таким солдатам и офицерам, как Гельмут, было безразлично творчество Достоевского.

Семенов полагал, что человек интересен и сложен, поэтому всегда стремился понять его, разглядеть в нем доброе начало и благородные черты. Оптимистический взгляд прозаика на мир, потребность во всем увидеть красоту отразились в поэтическом творчестве Семенова: «Упав – восстань! Опрись о ложку, / Взгляни на склона крутизну. / Я весел. Вовсе не обижен / И в черном вижу белизну» [6; с. 93]. На примере таких персонажей «Семнадцать мгновений весны», как солдат Гельмут, пастор Шлаг, профессор Плейшнер, автор показал, что далеко не все немцы разделяли враждебные человечеству идеи Гитлера. Во многом поэтому на вопрос Штирлица, адресованный пастору Шлагу, не жаль ли ему Германии, священник отвечает, что ему жаль *немцев*, подчеркивая тем самым, что они такие же люди, только обманутые лживой гитлеровской пропагандой.

Возможно также, что во время создания образа Гельмута на Семенова повлиял роман Эриха Марии Ремарка «Время жить и время умирать» (1954). Его герой Эрнст Гребер такой же простой немецкий солдат, как и Гельмут. Он тоже не является сторонником фашистской идеологии. Во время войны сослуживец Гребера принимает решение расстрелять четырех русских пленных, которых подозревают в том, что они партизаны. Желая помешать этому, Гребер убивает своего сослуживца и освобождает русских: «Этим я хоть что-то сделаю, хоть что-то. Спасу нескольких невинных людей» [7; с. 451]. Подобную надежду на искупление вины испытывает и Гельмут, спасая Кэт с детьми: «... за это бог мне все простит. Или хотя бы тот день под Смоленском» [1; с. 244]. В письме немецкому ученому Н.Г. Мэнарту 1979 года Семенов называет Ремарка в числе наиболее близких ему зарубежных авторов, повлиявших на его творчество: «Самовыражение, любовь, горе, счастье моих героев не отличаются от таких же чувств персонажей моих западных коллег, только, может, разнится м е т о д, ибо мои героини часто действуют в экстремальных ситуациях борьбы против гитлеризма или в годы революции; впрочем, и в этом мы не разнимся – вспомните книги Хемингуэя, Ремарка ...» [4; с. 201]. Автор романа «Время жить и время умирать» был одним из тех, кто стал для Семенова «высоким откровением и счастьем» [4; с. 201].

Тем не менее, романы «Семнадцать мгновений весны» и «Братья Карамазовы» объединяет общая философская проблематика: авторы говорят о возможности нравственного возрождения человека через страдание, и толчком к этому может послужить «слеза ребенка», а именно сопереживание, сочувствие трагическим судьбам несчастных детей.

Библиографический список

1. Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. М.: Известия, 1980. 320 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2 т. М.: Правда, 1991. 416 и 529 с. Далее указ. том римскими цифрами и стр. арабскими цифрами.
3. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 7-156.
4. Неизвестный Юлиан Семенов. Умру я ненадолго... Письма, дневники, путевые заметки. Сост. О.Ю. Семенова. М.: Вече, 2008. 608 с.
5. Достоинство Достоевских. Правнук великого русского писателя – о «Братьях Карамазовых» и ответственности за фамилию // Российская газета. Неделя № 101 (4925) от 04.06.2009. С. 38.
6. Семенов Ю. Экспансия. Книга вторая (Окончание) // Роман-газета. М., 1988. № 20 (1098). 94 с.
7. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать. Вильнюс: Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР, 1957. 455 с.

References

1. Yu. Semenov Seventeen Moments of Spring. M., 1980. p. 320.
2. F.M. Dostoevsky The Brothers Karamazov. In 2 vol. M., 1991. p. 416 and p. 529.
3. V.V. Rozanov The Legend of the Grand Inquisitor of F.M. Dostoevsky M., 1996. pp. 7-156.
4. Unknown Julian Semenov. I won't die for long... Letters, diaries, travel notes. M., 2008. p. 608.
5. The dignity of the Dostoevskys. Great-grandson of the great Russian writer - about the "The Brothers Karamazov" and the responsibility for the surname // Rossiyskaya gazeta. Week No. 101 (4925) 04.06.2009. p. 38.
6. Yu. Semenov Expansion. Book two (Ending) // Roman-gazeta. M., 1988. No. 20 (1098). p. 94.
7. E.M. Remarque Time to Live and Time to Die. Vilnius, 1957. p. 455.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1' 373.46

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.98.81.002

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук
доцент кафедры теоретической и прикладной
лингвистики*

Меркулова И.А.

Россия, г. Воронеж, тел. + 79204102569

e-mail: igell@yandex.ru

*студент факультета романо-германской
филологии*

Паненко М.В.

Россия, г. Воронеж, тел. + 79092176027

e-mail: masha.panenko2000@yandex.ru

Voronezh State University

Doctor of Philology

Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department

Merkulova I.A.

Russia, Voronezh, tel. + 79204102569

e-mail: igell@yandex.ru

3rd year student of the Faculty of Romance and Germanic Philology

Panenko M.V.

Russia, Voronezh, tel. + 79092176027

e-mail: masha.panenko2000@yandex.ru

И.А. Меркулова, М.В. Паненко

ТЕРМИНОЛОГИЯ ХЕНДМЕЙД В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ФИКСАЦИИ

В статье рассматриваются специфические черты терминологии *хендмейд* – творческой деятельности, связанной с созданием изделий ручной работы. В современном русском языке это динамически развивающаяся область терминообразования, которая требует лингвистического описания и словарной фиксации. Объектом исследования являются лексические единицы тематической группы «Хендмейд» в количестве около 200 слов. Целью исследования является определение состава и особенностей данной терминологии. С одной стороны, она демонстрирует основные черты отраслевой терминологии, с другой, – для терминологии хендмейд характерны образность, экспрессивность, полисемия, что показано на примерах. Данная терминология формируется преимущественно стихийно в рамках разговорной профессиональной коммуникации в интернет-дискурсе. Выделяются шесть основных тематических групп рассматриваемых терминов. Терминологию хендмейд можно рассматривать как систему систем, так как вокруг центрального понятия «техника или вид рукоделия» формируется разветвленная система номинаций, связанных с этой понятийной областью. Терминология хендмейд не имеет лексикографической фиксации в виде специального словаря, и нормы правописания многих слов еще только формируются. Очевидно, что в дефиницию подобных лексических номинаций желательно включать элементы толкования, а сам словарь считать толково-дефиниционным.

Ключевые слова: термин, терминология, хендмейд, терминография, толково-дефиниционный словарь.

I.A. Merkulova, M.V. Panenko

TERMINOLOGY OF HANDMADE IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE: FEATURES OF FUNCTIONING AND FIXATION

The article studies the specific features of hand-made (creative activity associated with handwork) terminology. This is a dynamically developing area of the term formation in modern Russian, which requires linguistic description and dictionary fixation. The object of the research is the lexical units of the thematic group "Handmade" in the amount of about 200 words. The purpose of the research is to determine the composition and features of this terminology. On the one hand, it demonstrates the main features of industry terminology. On the other hand, handmade terminology is characterized by imagery, expressiveness, polysemy, as shown in examples. This terminology is formed mainly spontaneously in the framework of spoken professional communication in the Internet discourse. There are six main thematic vocabulary groups. Handmade terminology can be viewed as a system of systems. Around the central concept

of “technique or type of handiwork” is formed a ramified system of nominations. Handmade terminology does not have a lexicographic fixation in the special dictionary, and the spelling norms of many words are still being formed. Obviously, that the definition of such lexical nominations should include elements of interpretation. And the dictionary itself should be considered explanatory and definitional.

Key words: term, terminology, handmade, terminography, explanatory and definitional vocabulary.

Различные сферы профессиональной деятельности и знания связаны с понятиями, имеющими особые наименования. Речь идёт о *терминах* (от лат. *terminus*), которые обычно не являются общеупотребительными и представляют собой элементы конкретной системы. По определению лингвистического словаря, «термин – это слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции» [1; с. 474]. В современной лингвистике отмечается многообразие определений данного понятия, так как каждая специальная область стремится выделить признаки, существенные с ее точки зрения [2]. Термины образуют свои группы, называемые терминологиями, в которых слова согласованы между собой так же, как и называемые ими реалии. Эти группы формируются постепенно вместе с составляющими их понятиями, за счёт чего выступают как незаконченные либо постоянно претерпевающие изменения структуры. Появляются и новые области терминообразования. Например, сфера туризма, сфера наружной рекламы, индустрия красоты и моды и другие.

Целью исследования является определение состава и особенностей терминологии *хендмейд* (от англ. *handmade* ‘сделанный руками’) – творческой деятельности, связанной с созданием изделий ручной работы. Продукты такой деятельности выполняют одновременно утилитарную и художественную функции. Отметим, что само слово *хендмейд* является неологизмом, не имеющим лексикографической фиксации и устоявшейся нормы правописания. Встречаются варианты *handmade*, *хэндмэйд*, *хенд-мейд*, *хэнд-мэйд*. Само занятие рукоделием имеет давние традиции и представлено как стандартными видами женских досуговых занятий (вышивание, вязание), так и современными модными практиками, являющимися одновременно и новыми формами заработка. Большое количество периодики, книг, посвященных различным видам рукоделия, специализированные сайты и форумы в интернете красноречиво свидетельствуют о возрастающем интересе к этому виду деятельности и о широком распространении терминологии *хендмейд*.

Между тем примеров научных и лексикографических описаний данной терминологии немного. Существующие словари по большей части относятся к искусствоведческим и включают в себя более широкий круг лексических единиц. Например, «Иллюстрированный художественный словарь» В.Г. Власова – одно из первых справочных изданий, в котором собраны основные термины эстетики, истории и архитектуры, а также изобразительного и декоративно-прикладного искусства [3]. Есть немногочисленные работы, посвященные отдельным областям, в частности живописи или графике [4; 5]. Определение и классификация специальных понятий в них становится основной проблемой. Также встречаются исследования терминов отдельных техник и видов прикладного творчества, например, скрапбукинга – техники изготовления и оформления фотоальбомов, открыток и т. п. [6]. В данной работе особое внимание уделяется семантико-деривационным особенностям лексических номинаций, имеющих отношение к теме.

Объектом нашего исследования являются лексические единицы тематической группы «Хендмейд» в количестве около 200 слов.

Несмотря на то, что исследуемый нами материал связан с бытовой сферой, в которую вовлечены представители (чаще представительницы) самых разных социальных групп, а не с научной отраслью знания, терминология *хендмейд* демонстрирует основные признаки отраслевой терминологии. Главным отличием можно считать лишь стихийный характер ее формирования. Есть ненормализованная и неупорядоченная совокупность терминов – терминология и явление иного характера – терминосистема, которая является результатом целенаправленной работы специалистов по созданию, отбору и упорядочению специальных номинаций [7; с. 54-55]. По мнению А.М. Плотниковой, «связь рукоделия с обыденными практиками оставляет дискуссионным вопрос об отнесении единиц, обслуживающих эту сферу, к терминам либо предтерминам» [8, с. 154].

Несмотря на это, можно выделить основные тематические подгруппы внутри данной терминологии:

- 1) всевозможные техники и виды рукоделия (*аппликация, айрис-фолдинг, батик, бисероплетение, ганутель, карвинг, квиллинг, киригами, маркетри* и др.);

- 2) инструменты и различные приспособления для работы (*вилка, гребень, дистрессер, дырокол, клеевой пистолет, кисть, куколка, лекало, мастихин, молд* и др.);
- 3) операции и действия в процессе рукоделия (*биговка, бэжать, валять, гравировка, кракелюр, кроить, обметать, патинирование* и др.);
- 4) материалы, используемые в работе (*бичева, гофробумага, калька, шнурок* и др.);
- 5) характеристики изделия, работы, действия (*ажурный, буклированный, декоративный, лицевой, петельный* и др.);
- 6) полученные изделия либо иные результаты деятельности (*модуль, мозаика, панно, прогон, скульптура, шпички* и др.)

Предполагаем, что терминологию хендмейд можно рассматривать как систему систем, так как каждая техника или вид рукоделия является центром, формирующим свою область обозначений. Например, *энкаустика* – техника живописи красками с воском, нанесение которых на поверхность происходит в расплавленном состоянии – образует зону, включающую материал (*воск, темпера, смола*), действия (*плавить, лить*), инструмент (*утюг*).

При более детальном анализе терминов хендмейд были выявлены некоторые особенности их функционирования.

Во-первых, слова, не являющиеся терминами, могут приобретать специальное значение в рамках терминологии. Приведём в пример хорошо знакомое слово *писать*, которое является многозначным. Когда эту лексему используют специалисты, в первую очередь художники, они могут употребить её в значении, непривычном для остальных: *писать* – это создавать произведение живописи (рисовать). Подобное специфичное переосмысление узальной лексики характерно для терминологии хендмейд. Многие лингвисты склонны полагать, что термин может быть многозначен в терминологии или терминосистеме (сфере фиксации) и однозначен в контексте (сфере употребления). Например, есть два словосочетания: *шить платье* и *шить по канве*. Понятно, что это два значения одного слова в разных контекстах. *Шить платье* – это скреплять, соединять нитью края материала для изготовления какого-либо швейного изделия. *Шить по канве* – вышивать чем-либо (узорами, бисером) на готовом материале, в данном случае, канве. Эти же примеры показывают, что в роли специального понятия может выступать всякая лексема, то есть термин – это не особое слово, а только слово в особой функции [9; с. 5].

Во-вторых, возможна и обратная ситуация, когда одно и то же понятие может называться разными терминами (синонимия терминов). При этом часто один из вариантов начинает устаревать либо приобретает иной стилистический оттенок, так как появляется второй, который со временем становится всё более активно употребляемым. К примеру, *валяние* – технику сбивания, утрамбовывания шерсти в более или менее плотную текстуру с целью получения ткани или объёмных элементов – также называют *фелтингом* (от англ. *felt* ‘войлок, набивание’), а *лоскутное шитьё* – это *пэчворк* (от англ. *patchwork* ‘изделие из лоскутов’). Можно заметить, что дублетные варианты заимствованы из английского, что очевидно обусловлено требованием «международности» к терминам. Таким образом, даже при различном фонетическом и грамматическом оформлении специальных понятий облегчается их понимание людям, говорящим на разных языках.

В-третьих, наблюдается проявление некоторым терминам хендмейд образности или даже экспрессивности. Некоторые лингвисты полагают, что строгие требования к термину в виде краткости и стилистической нейтральности уже неактуальны для современных систем терминов [10; 11; 12]. Терминологии хендмейд в данном случае не является исключением. Например, устройство для плетения шнуров крючком называется *куколкой* из-за внешнего сходства с игрушкой (многие такие приспособления даже выпускаются в форме матрёшек и окрашены соответствующим образом) или термин *прогон*. Так называют некачественную схему для вышивания, созданную при помощи компьютерной программы. Оттенок экспрессивности проявляется в образовании термина от глагола *прогонять*, который в данном случае обозначает несерьёзное, немного халатное отношение к действию, впоследствии повлиявшее на результат. При этом такая экспрессивность отражает характерные признаки предмета речи, поэтому мы не можем её нейтрализовать. Порождается не просто термин, но и определённый визуальный образ [13]. Экспрессивность также часто выражается при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые ввиду строгих требований нейтральности к термину являются нежелательными. Тем не менее, наименования отдельных техник или видов творчества могут быть образованы от диминутивных форм слова. В частности, техника создания изделий, в которой в качестве материала используются трубочки из гофрированной

бумаги, носит название *гофротрубочки*. Здесь нельзя исключить уменьшительный суффикс, поскольку мы потеряем смысл, который он передаёт. Как правило, под *трубами* имеется в виду что-то явно небольшого размера и вряд ли предназначенное для плетения или создания каких-либо поделок или композиций. Отсюда следует, что диминутивы тоже могут быть полноценными терминологическими единицами в области хендмейд.

Термины хендмейд могут быть построены на метафоре, что делает их более доступными для неспециалистов. Значение лексической номинации становится понятным, поскольку при метафоризации обычно приобретает либо сохраняется её образность. Так, например, виды игл, которые используются при валянии (фелтинге). На первый взгляд они кажутся одинаковыми, но есть небольшие детали, определяющие их различия. *Треугольная игла* носит такое название из-за того, что имеет трёхгранное сечение на конце. Ввиду данной особенности её функции несколько иные, чем у остальных игл. То же самое можно сказать и об *обратной игле*. Здесь мы имеем обратное расположение насечек, что влияет не только на её назначение, но и на название. Существуют иглы, которые имеют четырёхгранное сечение в виде звезды, отсюда их называют *звёздчатыми иглами* или просто *звёздочками*. Профессионалы, использующие данный термин в фелтинге, конечно же, подразумевают под этим словом инструмент, который они используют для работы, а не астрономический объект. Безусловно, такие коннотации упрощают понимание терминологии. Их наличие в термине может быть его достоинством, обуславливая «меткость» и «доходчивость» и выполняя другие ономаσιологические задачи [14; с. 12].

Альтернативное название иглы *звёздочка* также является ярким примером использования краткого односложного варианта специального понятия вместо более громоздкого двухсложного. Так проявляется ещё одна особенность функционирования отдельных лексических номинаций терминологии хендмейд. Она касается требования к лексической и формальной краткости термина. Часто у таких терминов-словосочетаний бывают краткие варианты с целью экономии языковых средств. Тем не менее, в рассматриваемой нами терминологии не всегда удаётся придерживаться принципа краткости, ведь усложнённые конструкции способны передать гораздо больше признаков специального понятия. Например, употребляя немного усложнённый термин *3-D стик-арт*, мы увеличиваем степень семантической мотивированности самого названия данной техники. Все важные признаки в нём уже заложены: отношение к чему-то объёмному (3-D) и создаваемому посредством вырезания и склеивания (от англ. *stick-art*, где *stick* 'приклеивать' + *art* 'искусство'). Думается, что подобного рода номинации с полным основанием можно считать предтерминами, закрепление которых в данной системе ещё не состоялось.

Рассмотрев основные особенности функционирования терминологии хендмейд, мы переходим к не менее актуальному вопросу её фиксации в словаре. Общеизвестно, что без развития и системного упорядочения терминов невозможен прогресс сферы, имеющей к ним отношение. С целью решения данной задачи создаются терминологические и толковые словари разных типов. Этим занимается такой раздел лексикографии как терминография. Её предмет состоит в том, чтобы разработать принципы организации терминов в словаре. Составление терминологических словарей – дело сложное, трудоёмкое, и, вероятно, этим в значительной степени объясняется тот факт, что всё возрастающая потребность в них остается далеко неудовлетворённой [15; с. 3]. Основное их внимание обычно направлено на объяснение самого понятия. При этом важно не только представить термин как член системы, но и отграничить семантику одной лексической номинации от другой.

Для терминологии хендмейд нетривиальным является вопрос о том, каким способом лучше объяснять такие термины в словаре. Для этого чаще всего используют дефиницию, т.е. определение, способное раскрыть значение слова посредством описания каких-либо характерных признаков обозначаемого им предмета или явления. Она рассматривается как часть общей информации и потому не может существовать изолированно. При этом дефиниция не тождественна толкованию и представляет собой отдельный вид определения имени. Дело в том, что признаки, представленные в толковании, не всегда совпадают с видовыми особенностями, которые служат для разграничения понятий в рамках конкретной науки или иной специальной сферы [16; с. 439]. Отсюда следует, что дефиниция обычно направлена на специалистов, способных без подробного объяснения термина сообразить, о чём идёт речь. Существуют некоторые лингвистические требования к дефиниционному определению терминов, которые включают в себя краткость, чёткость и системность (содержательную, лексическую и синтаксическую) [17; с. 261-263].

Поскольку дефиниция обозначает границы лексической номинации в рамках отдельной терминологии, при раскрытии её содержания бывает важно учесть соотносённость со смежными элементами знания. Иными словами, одни термины можно определять при помощи других. Допустим, интерпретируя

термин *макраме* (от фр. *macramé*) как искусство крупнопетельного узелкового вязания, мы делаем ссылку на иное понятие в данной тематической группе, *вязание*. Данный способ определения лексических номинаций позволяет отразить системность специальной лексики. Также практически все дефиниции относятся к числу родо-видовых, то есть при их записи может быть указание на родовое понятие или видовое отличие. Отсюда термины могут формировать группы, каждая из которых имеет свой непосредственный «гипероним», с помощью которого трактовка охваченных понятий становится проще. К примеру, *кисть* и *мастихин* – это наименования двух отличных друг от друга приспособлений для нанесения краски на поверхность. Родо-видовые дефиниции дают понимание того, что данные термины относятся к понятиям, обозначающим инструменты, с помощью которых можно выполнять конкретные операции.

Необходимо отметить также важность того, какие информационные блоки представлены в составе определения (например, целеполагание, где раскрываются предназначение и функции, указание на местоположение и др.) [18; с. 64]. Так как дефиниция должна отражать научную точку зрения, следует избегать включения ненаучной информации в трактовку понятия. Тем не менее, рассматриваемая нами область, как мы уже отмечали выше, принадлежит к бытовой сфере, связана с творчеством в быту, а в качестве адресата имеет представителей самых разнообразных социальных групп, следовательно, экстралингвистическая и лингвокультурная информация тоже будет иметь важное значение для понимания данной лексики. В данном случае теоретическое и обыденное понимание склонны к сближению, и некоторые термины будут иметь скорее толкование, нежели дефиницию. Не всегда возможно передать смысл того или иного понятия с помощью специализированных языковых единиц, поэтому вместо этого используется общеупотребительная лексика, как в толковых словарях. На том основании, что словарь (либо другая лексическая) база терминологии хендмейд явно будет содержать элементы толкования в дефиниции, предлагаем квалифицировать его как не типично терминологический, *толково-дефиниционный словарь*.

Таким образом, проведенное исследование терминологии и терминографии хендмейд позволяет обобщить наши наблюдения в виде следующих выводов.

Терминология хендмейд формируется преимущественно стихийно в рамках разговорной профессиональной коммуникации в интернет-дискурсе.

Термины хендмейд имеют те же свойства, что и любые другие специальные понятия. Они отвечают требованиям однозначности в контексте, краткости (но не без исключений) и международной. В отличие от большинства терминов лексические единицы группы «Хендмейд» склонны чаще проявлять образность и метафоричность.

Терминологию хендмейд можно рассматривать как систему систем, так как вокруг центрального понятия «техника или вид рукоделия» формируется разветвленная система номинаций, связанных с этой понятийной областью.

Для терминографии данной области предлагается такой тип словаря как толково-дефиниционный словарь.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 569 с.
2. Данькова Т.Н., Загорская О.В. Проблемы современной терминологии : монография. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. 219 с.
3. Власов В.Г. Иллюстрированный художественный словарь. СПб: АО «ИКАР», 1993. 272 с.
4. Кезина С.В. «Прекрасные выражения» в лексике русской живописи // Русская речь. М.: Российская академия наук, 2008. № 6. С. 91-95.
5. Назимко Е.Г. Некоторые терминологические уточнения и современные проблемы классификации техники графики // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования», 2012. № 3. С. 220-222.
6. Косаренко О.Т., Косаренко С. В. Семантико-деривационные особенности неологизмов лексико-семантической группы «Скрапбукинг» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: ВГУ, 2015. № 4. С. 52-56.
7. Лейчик В.М. Проблема системности в отечественном терминоведении // Научно-техническая терминология (научно-реф. сборник). М., 2001. Вып. 2. С. 54-55.
8. Плотникова А.М. Становление терминологии современного рукоделия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 154-156.

9. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Сборник статей по языковедению. М.: Труды МИФЛИ, 1939. Т. 5. С. 3-54.

10. Алимуратов О.А., Лату М.Н., Раздвев А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография. Издание 2-е. Пятигорск: СНЕГ, 2012. 128 с.

11. Лейчик В.М. Метафоризация как способ образования научных и технических терминов (на материале языка компьютерного дела) // Материалы II международного симпозиума «Терминология и знание». М.: Азбуковник, 2010. С. 292–306.

12. Прохорова В.Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 153–159.

13. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1998. 250 с.

14. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексикосемантическое образование). М.: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 1996. 125 с.

15. Кауфман И.М. Терминологические словари. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с.

16. Шелов С.Д. Вопросы толкования специальной лексики в толковых словарях (из истории теории и практики отечественной лексикографии) // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2014. Т. 1. С. 434–453.

17. Азаматова А.Х. Метаязык лингвистики. Алматы: Қазақ университеті, 2008. 308 с.

18. Лату М.Н. Некоторые особенности дефиниции и толкования термина // Известия РАН. Серия литературы и языка. М.: Российская академия наук, 2017. Т. 76, № 1. С. 60–68.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M: KomKniga, 2007. 569 p.

2. Dankova T.N., Zagorovskaya O. V. Problems of modern terminology: monograph. Voronezh: Voronezh State Agrarian University, 2018. 219 p.

3. Vlasov V. G. Illustrated art dictionary. St. Petersburg: "IKAR», 1993. 272 p.

4. Kezina S.V. «Beautiful expressions» in the vocabulary of Russian fine art // Russian speech. M.: Russian academy of sciences, 2008. № 6. P. 91–95.

5. Nazimko E.G. Some terminological specifications and modern problems of classification of graphic technics // The world of science, culture and education. Gorno-Altai: The editorial of the international scientific journal «The world of science, culture and education», 2012. № 3. P. 220–222.

6. Kosarenko O.T., Kosarenko S.V. Semantic and derivational features of the lexical thematic group «scrapbooking» // Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication. Voronezh: VSU, 2015. № 4. P. 52–56.

7. Leichik V.M. The problem of consistency in Russian terminology // Scientifically technical terminology (scientifically ref. collection). M., 2001. № 2. P. 54–55.

8. Plotnikova A. M. The formation of the terminology of contemporary craft // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2013. № 31 (322). Philology. Art criticism. Issue 84. P.154-156.

9. Vinokur G.O. About some phenomena of word formation in Russian technical terminology // The proceedings of Moscow Institute of philosophy, literature and history. Collection of articles on linguistics. M.: The proceedings of MIPLH, 1939. Vol. 5. P. 3–54.

10. Alimuradov O.A., Latu M.N., Razdvev A.V. Specifics of structure and functioning of industry term systems (within the example of the nanotechnology term system): monography. 2nd edition. Pyatigorsk: SNEG, 2012. 128 p.

11. Leichik V.M. Metaphorization as a way of forming scientific and technical terms (based on computer science language) // The materials of 2nd international symposium «Terminology and knowledge». M.: Azbukovnik, 2010. P. 292–306.

12. Prokhorova V.N. About emotionality of the term // Linguistic problems of scientifically technical terminology. M.: Nauka, 1970. P. 153–159.

13. Alekseeva L.M. Term and metaphor. Perm: The publishing house of Perm State University, 1998. 250 p.

14. Prokhorova V.N. Russian terminology (lexico-semantic formation). M.: The faculty of philology, Lomonosov Moscow State University, 1996. 125 p.

15. Kaufman, I.M. Terminological dictionaries. M.: Sov. Russia, 1961. 419 p.

16. Shelov S.D. The issues of specialized vocabulary definitions in non-specialized dictionaries (within theory and practice development of Russian lexicography) // The proceedings of Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. M.: Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov, 2014. Vol. 1. P. 434–453.

17. Azamatova A.H. The metalanguage of linguistics. Almaty: Kazakh University, 2008. 308 p.

18. Latu M.N. Some specifics of technical term definitions and interpretation // Bulletin of RAS. Literature and language series. M.: Russian Academy of Sciences, 2017. Vol. 76, № 1. P. 60–68.

УДК 811.161.1:81.373.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.27.27.003

*Российский университет дружбы народов,
Медицинский институт
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка
Шульдишова А.А.
Россия, г. Москва, тел. +7(968) 366-18-36
e-mail: shuld_a@mail.ru*

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN
University), Medical Institute
Candidate of Philology, associate professor of the
Russian Language Department
Shuldishova A.A.
Russia, Moscow, tel. +7(968) 366-18-36
e-mail: shuld_a@mail.ru*

А.А. Шульдишова

О ПОДРАЖАТЕЛЯХ И ПРОДОЛЖАТЕЛЯХ (поэтонимологический этюд)

На материале стихотворений «Когда объятый туманами Шуман ...» и «Когда великий Шуман ...» представлен анализ поэтики образов музыки, созданных с использованием онимных средств. Исследуется функционирование антропоэтонимов как компонентов системы средств, формирующих индивидуально-авторское отношение к образам музыкального искусства в поэтическом мире И. Сельвинского. Уделено внимание аллюзиям и реминисценциям, формирующим связи каждого из антропоэтонимов с поэтическим целым и их взаимовлияние в поэтонимосферах двух текстов поэта. Основная цель работы состоит в выявлении приёмов и способов «внедрения» в поэтический текст реминисцентных рядов из фамилий выдающихся композиторов, приводящих к преобразованию антропоэтонимов в авторские новообразования – коннотонимы – и формирующих одну из ярких черт идиостиля И. Сельвинского. В результате анализа функционирования антропоэтонимов автор приходит к выводу о том, что поэтика «музыкальных» антропоэтонимов цикла «О музыке, но не только» является важной составляющей подтекстуально выраженной мысли поэта о «достойном» обращении автора-художника, творца, а не подражателя к великому наследию Гениев. При использовании имён для поэтических образов – *Шумана, Шопена, Пазанини, Чайковского и Гуно* – И. Сельвинский продемонстрировал не только поэтическое мастерство, но и широкую музыкальную эрудицию. Используемые в текстах цикла-диалогии музыкальные антропоэтонимы отражают не только музыкальные предпочтения, но и индивидуально-авторские способы использования поэтонимии.

Ключевые слова: антропоэтоним, поэтонимосфера, поэтоним-маска, музыкальный артионим, метонимия, музыкальное произведение.

A.A. Shuldishova

ABOUT IMITATORS AND SUCCESSORS (poetonymologyc exercise)

On the basis of the poems “When Shuman enveloped in fog ...” and “When the great Schuman ...” the analysis of the poetics for the music images, created with the help of onymic means, is presented. The article examines the functioning of anthropoietonyms as components of the means system that form the individual-author's attitude to the images of musical art in the poetic world of I. Selvinsky. It is paid attention to allusions and reminiscences that form the connections of each anthropoietonym with the poetic whole and their mutual influence in the poetonyms of the poet's two texts. The main purpose of the work is to identify the techniques and methods of “introducing” into the poetic text of the reminiscent series from the names of outstanding composers, leading to the transformation of anthropoietonyms into the author's new formations-connotonyms and forming one of the brightest features of I. Selvinsky's idiostyle. As a result of the analysis for anthropoietonyms functioning, the author comes to the conclusion that the poetics of the “musical” anthropoietonyms in the cycle “About music, but not only” is an important component of the poet's subtextually expressed thought about the “worthy” appeal of the author-artist, creator, but not an imitator to the great heritage of Geniuses. Using the names for poetic images – Schumann, Chopin, Paganini, Tchaikovsky and Gounod – I. Selvinsky demonstrated not only poetic skill, but also a wide musical erudition. Musical anthropoietonyms used in the texts of the cycle-dilogy reflect not only musical preferences, but also the individual author's ways of using poetonymy.

Key word: anthropoietonym, poetonymosphere, poetonym-mask, musical artyonym, metonymy, piece of music.

Внимание к словесным средствам «воспроизведения музыки», передачи ощущений музыкального искусства в поэтическом творчестве всё чаще становится мотивом поисков как в области музыковедения, так и в области филологии (Б.В. Асафьев «Видение мира в духе музыки (Поэзия А. Блока)» [1; с. 8–57], Н.Я. Брюсова «Музыка в творчестве Валерия Брюсова» [2; с. 123–128], Н.И. Волынская «Иван Бунин и музыка» [3; с. 22–23], Н.Г. Павлова «Народная песня в творчестве Сергея Есенина» [4; с. 18–19], Т.А. Хопрова «Музыка в жизни и творчестве А. Блока» [5], И.Е. Меречин «Музыкальность в лирике В.А. Жуковского» [6; с. 36–59], С.Н. Дурьлин «Тютчев в музыке» [7; с. 549–594], Б.А. Кац, Р.Д. Тименчик «Анна Ахматова и музыка» [8], Б.А. Кац «Об аналогиях сонатной формы в лирике Пушкина» [9; с. 151–158], Л.Л. Гервер «Л. Лермонтов: восприятие мира в категориях звука» [10; с. 76–88], Б.А. Кац «Музыкой хлынув с дуги бытия»: Заметки к теме «Борис Пастернак и музыка» [11; с. 646–660] и др.). В исследованиях аргументируются положения об особом внимании поэтов к музыкальному искусству, желании познать и передать суть *музыки* словом. Понятно, что при этом у каждого поэта обнаруживаются индивидуальные приёмы создания музыкальных образов и образов музыки.

Истолкование *музыки* в поэзии И. Сельвинского неизбежно подводит исследователя к постановке вопросов, не только касающихся отдельных проявлений «музыкального» в творчестве поэта или умелого использования музыкальных понятий, но и отношения к музыкальной науке в целом. Поскольку музыка, по мнению ряда исследователей, была значима для творчества поэта, представляется немаловажным изучение некоторых аспектов проблемы, в первую очередь вопросов музыкальной семантики, которые, по нашему мнению, исследованы недостаточно. Онимные средства в языке И. Сельвинского, как показывает наиболее полный специализированный библиографический указатель Г.Ф. Ковалёва [12], до 2010 года точно и, по всей видимости, до сих пор в зону интересов ономастов, занимающихся исследованием онимии художественных произведений, в том числе именами-масками и «говорящими» именами, вообще не попадали. Это обуславливает актуальность исследования.

Особенностью идиостиля И. Сельвинского является разнообразное использование сюжетов, образов и мотивов из области музыкальной культуры. Приведём примеры.

У поэта можно найти поэтические отклики на музыкальные произведения. К примеру, балет «Лебединое озеро» П.И. Чайковского «отмечен» названием стихотворения «Лебединое озеро» [13; т. 1, с. 205–209]; в «Улялаевщине» [13; т. 1, с. 490] зафиксированы впечатления от прослушивания произведений Ф. Шопена, «Каприччио» Ф. Листа, танцев И. Брамса; стихотворение «Я это видел» [13; т. 1, с. 354] – отклик на вальс «Голубой Дунай» И. Штрауса и др.

В стихах поэта есть упоминания о музыкальных инструментах и понятиях, жанрах и видах музыкального искусства. Среди них – восходило из мощных *прелюдий* [13; т. 1, с. 375], / То, о чем поется в *романсе* «De morte» / И еще в *народных песнях*, напр. «Ты коса ль моя» / [13; т. 1, с. 542], раскатываясь *арией* из «Демона» [13; т. 1, с. 553], и вслед за октавой глубокой, как *Гендель* [13; т. 1, с. 116], запрыгал горох *барабана* [13; т. 1, с. 505], Звучал всего лишь маленький *прелюд* [13; т. 1, с. 92], / Из *итальянских кантиленен*: / На сладкогласье кантиленен / О, драгоценность миланского «La Scala», / Звучащий бронзе в *тембр* и *тон* / Великолепный *баритон!* / Подозревал ли ты, что *песнь* твоя ласкала / <...> / Что, *ноты песни*, как неводы, развея, / Твоей груди *органный звук* / [13; т. 1, с. 110] и др.

Несомненно, изучение «музыкальных» слов обнаруживает особенности индивидуального стиля поэта. Значительная их часть – антропозтонимы, относящиеся к зарубежной музыкальной культуре (Бетховен, Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт, Шопен, Штраус, Шуман, Гуно, Лист, Брамс, Бузони, Тосканини и др.). Приведём несколько стихов И. Сельвинского, обращённых к композиторам: / и вслед за октавой глубокой, как *Гендель* / [13; т. 1, с. 116], / бурно вырвался *Штраус* / [13; т. 1, с. 128], / перебирала *Шопена* / [13; т. 1, с. 490], / каприччио *Листа* и танцы *Брамса* / [13; т. 1, с. 490], / О подбородок пальцами *Брамс* / [13; т. 1, с. 495], / Это как *Бах* – *Бузони* / Или *Гуно* – *Лист!* / [13; т. 1, с. 502], / Когда уже глухой *Бетховен* / [13; т. 1, с. 532], / Врубель, Роден, *Тосканини* // Нот перепутанных сплав / [13; т. 1, с. 285] и пр.

Для анализа функционирования антропозтонимов, относящихся к музыкальной культуре, в статье выбраны два стихотворения, объединённых автором общим названием «О музыке, но не только». В этих стихотворениях-размышлениях поэт представил с помощью «словесных» поэтических образов музыкальные особенности творчества пяти композиторов. Оба стихотворения объединены группой антропозтонимов, располагающихся по принципу парности: *Шуман* – *Паганини*; *Шуман* – *Шопен*; *Шуман* – *Гуно*; *Шуман* – *Чайковский*. Взаимодополняющие, с одной стороны, антропозтонимы-контрасты, с другой – антропозтонимы-единства соотносятся с именем-рефреном – антропозтонимом *Шуман*. Все антропозтонимы отсылают не только к именам известных композиторов, но и к их творческим биографиям и отдельным

произведениям музыкального искусства («Детские сцены» и «Альбом для юношества» Р. Шумана – «Детский альбом» П. Чайковского, «Карнавал» Р. Шумана – ноктюрны Ф. Шопена и др.). Иными словами, в большинстве случаев антропонимы употреблены метонимически.

Обратимся к первому стихотворению «Когда объятый туманами Шуман ...».

Когда объятый туманами *Шуман*
писал потрясающий свой «*Карнавал*»,
ему
по ходу темы
пришлось описывать *маски*.
Маска Шопена!
Шуман,
растягивая пальцы на клавиатуре,
подобно змеиной пасти,
играет звездный ноктюрн,
в котором легко угадать
руку великого поляка.
Вот *Паганини* под маской!
Шуман за фортепьяно
дает ощущение скрипки
в изысканной
виртуозности
гениального
итальянца.
Но и в *Шопене*
и в *Паганини*
Шуман остался *Шуманом*.
Могучий массив основного звучанья
в глубинном подтексте
преодолевал
чудесное подражанье
поляку и итальянцу.
<...> [13; т. 1, с. 651].

Начальные строки поэтического произведения содержат музыкальный артионим *Карнавал* и антропоним *Шуман*. Стихи коррелируют с творческой биографией немецкого композитора. Шуман был одним из лучших пианистов Европы. Кроме оркестровых и хоровых, он написал множество произведений для фортепиано. Одним из его любимых жанров были циклические формы (циклы небольших пьес, объединённых общей темой). В тексте стихотворения воспроизведено название музыкального цикла Р. Шумана «Карнавал».

Представляется значимым в стилистическом отношении «соположение» артионима *Карнавал* с апеллятивом *маска*. Для Европы XIX века чрезвычайно характерно обращение к карнавалу как образу, генерирующему романтическое мировосприятие, мировоззрение и символику эпохи романтизма и в музыке, и в литературе. Употреблённое в самом начале стихотворения, оно становится семантическим ключом и «камертоном» ко всем последующим использованиям генетивных словосочетаний *апеллятив + оним*, в которых *маска* является главным словом, а имена композиторов – несогласованными определениями.

В круге музыкантов, определивших структуру стихотворения, – композиторы, чьё искусство было связано с творчеством Р. Шумана. Эти музыканты были избраны поэтом так же неслучайно, как неслучайна их связь с Шуманом. В строфах поэтического произведения поэт «по-музыкальному» отобразил портреты *Шопена* и *Паганини*. В стихах экспонированы реминисценции на «миниатюрные сцены-пьесы» «Шопен» и «Паганини» из шумановского цикла «Карнавал». В воображении читателя всплывают не только музыкальные маскарадные маски Шопена и Паганини из музыкального цикла, но и сопутствующие им Пьеро и Арлекин, Панталоне и Коломбина, Танцующие буквы, Флорестан и Эвзебий, Киарина и Эстрелла. Умолчание этих имён – точный расчёт поэта. Мысль того, кто не слышал музыки Шумана, умолчание не потревожит, но музыкально образованный читатель обязательно поймёт всё.

Рассмотрим взаимоотношения антропозтонимов *Шуман* и *Шопен* в контексте стихотворения.

Для Р. Шумана Ф. Шопен был идеалом пианистического искусства. Польский композитор сам исполнял свои произведения, с восьми лет концертировал, а к шестнадцати годам уже был виртуозом. Как пианист Ф. Шопен создал свою фортепианную школу. Р. Шуман собирался тоже стать концертирующим пианистом, мечтал о карьере профессионального музыканта. Он так много занимался фортепианной игрой, что в результате повредил руку. После этого карьера артиста навсегда была закрыта для композитора. Суть «шопеновского» отражена в одноимённой музыкальной пьесе цикла «Карнавал», в которой Р. Шуман стилизует музыкальный «почерк» польского композитора.

Маску Шопена И. Сельвинский употребил для «воспроизведения» новаторских пианистических приёмов исполнения и композиторского творчества польского музыканта. В метонимической конструкции с антропозтонимом *маска Шопена* формируются индивидуально-авторские поэтические коннотации, отсылающие к пьесе «Шопен» из цикла «Карнавал». В сознании читателя возникает прозрачная фактура кантиленной шопеновской мелодики.

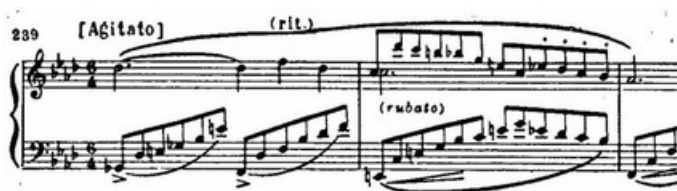

Рис. 1. Р. Шуман «Карнавал» (фрагмент пьесы «Шопен») [14]

Ещё одна важная подробность для понимания «сюжета». И. Сельвинский не только понимал музыку, но и обладал широкими музыковедческими познаниями. Стихи И.Сельвинского: / Маска Шопена! / Шуман, / растягивая пальцы на клавиатуре, / подобно змеиной пасти, / играет звездный ноктюрн, / в котором легко угадать / руку великого поляка /, почти дословно повторяющие слова венгерского композитора и пианиста Стефана Геллера, сравнивавшего руки Шопена со змеиной пастью (его рука принимала во время игры плоское положение: пальцы «внезапно расправлялись и покрывали треть клавиатуры. Это было похоже на змею, раскрывающую пасть, чтобы проглотить целиком кролика» [15]), – свидетельствуют о знании поэтом истории музыки. Побывав в Польше, Австрии, Германии, Франции, поэт, несомненно, узнал суждения С. Геллера по поводу исполнительского мастерства Шопена. Кисть Шумана в «раскрытом» положении (для охвата сложных интервалов) символизирует руку Шопена – польского композитора, пианиста-виртуоза. Немецкий композитор Ф. Мендельсон писал: Ф. Шопен – «один из самых лучших. Он придумывает новые эффекты, как Паганини на своей скрипке, и делает вещи, которых раньше никто не мог себе представить» [15].

Второй микроконтекст включает в себе центральные образы-антропозтонимы *Шуман* и *Паганини*: / Вот Паганини под маской! / Шуман за фортепьяно / дает ощущение скрипки / в изысканной / виртуозности / гениального / итальянца /. Эти стихи ассоциируются с контрастностью переливов колокольчиков и «изысканной виртуозностью» пассажей знаменитого финального рондо Второго си-минорного скрипичного концерта Николо Паганини.

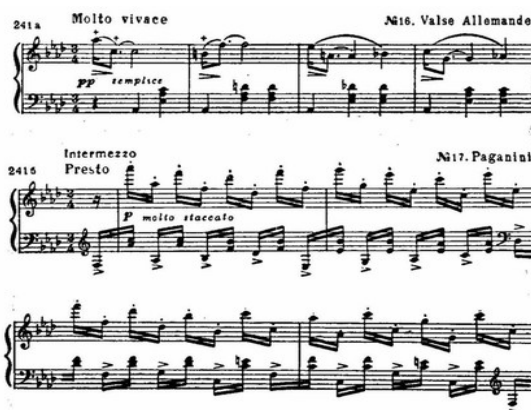

Рис. 2. Р. Шуман «Карнавал» (фрагмент пьесы «Паганини») [16]

Творчество Паганини вдохновляло многих композиторов (Ф. Лист, С. Рахманинов, А. Шнитке, И. Брамс, Г. Бреме и др.), а в исследовательской среде проводятся параллели между этюдами Р. Шумана и каприсами Н. Паганини. Virtuозный стиль композитора произвёл на Шумана неизгладимое впечатление. Именно после поездки во Франкфурт-на-Майне, послушав скрипача-виртуоза, он решает посвятить свою жизнь музыке. В шумановских записях сохранился комментарий по поводу исполнительского мастерства талантливого скрипача: «Под рукой Паганини даже самые сухие ученические формулы возгораются пламенем, одушевлявшим пророчества Пифии» [17; с. 317]. Под впечатлением от прослушанной музыки Шуман создаёт этюды по каприсам новатора и экспериментатора Никколо Паганини (opus 3, 10).

Словосочетание «*изысканная виртуозность*» характеризует приёмы исполнения музыканта. Семантика «замаскированного» Паганини углубляется благодаря словосочетанию «ощущение скрипки». Оба словосочетания, формирующие образ музыки, вызывают иллюзию звукового впечатления.

От первого своего опуса до второго Шуман рос, совершенствовал свой талант. И в «Шести концертных этюдах для фортепиано по каприсам Паганини» (opus 10) композитор уже дал «собственный» вариант транскрипции подлинника. Именно об этом он написал в своём дневнике: «Я на этот раз отказался от педантически дословного переложения и хотел бы, чтобы предлагаемое издание производило впечатление самостоятельного фортепианного сочинения, которое заставило бы слушателя забыть о его скрипичном происхождении; этим отнюдь не умаляется заложенная в оригинале поэтическая идея» [17; с. 301]. Шуман был интерпретатором Паганини, но, создавая творческий портрет виртуоза в «Карнавале» и обработав для фортепиано этюды скрипача – «24 каприччио для скрипки соло» (op. 1), он «остался Шуманом». Характерные приёмы, определяющие «почерк» композитора, имеют неповторимый стиль, хотя и родственны творениям Паганини.

И. Сельвинский, описывая одно из самых ярких музыкальных произведений Р. Шумана, не только многосторонне раскрывает фортепианный цикл композитора, но и характеризует творчество «*толяка и итальянца*».

При всём образном «многоголосии» поэтического произведения воспринимается оно цельно. Идейный поэтический смысл стихотворения – примитивная имитация и подражание вызывают отвращение: / Но если иной тамбурмажор, / по клавишам барабана, / берется / подражать / ноктюрнам и кампанеллам, / эти цитаты вмиг / нахлынивают океаном / и забивают бубен / несчастного джаз-бандиста /.

Кроме названных композиторов, Сельвинский в цикле коснулся и творчества П. Чайковского и Ш. Гуно. Рассмотрим антропонимическую составляющую второго стихотворения «Когда великий Шуман ...».

Когда великий *Шуман*
подсказывал свои ритмы
Чайковскому и *Гуно*,
Гуно
остался французом,
русским остался *Чайковский*.
Но горе лилипуту,
попавшему в паутину
звнящих золотом струн:
усваивая чужое,
становится он безродным,
безродным становится,
безликим [т. 13; с. 651–652].

В первой строфе поэтонимы *Шуман*, *Чайковский*, и *Гуно* определяют мысль автора о том, что Шуман был «*вдохновителем и водителем*» [18; с. 109] для Чайковского и Гуно. В этом стихотворении антропоним *Шуман* выполняет роль основного музыкального образа и становится семантическим ядром высказывания.

Музыкальное творчество Р. Шумана оказало заметное влияние на русских композиторов А. Бородин, М. Балакирева, М. Мусоргского, М. Римского-Корсакова, П. Чайковского, А. Скрябина, С. Рахманинова и др. Музыкальный критик Л.Л. Сабанев в статье «Роберт Шуман и русская музыка», отмечая влияние немецкого композитора на русскую музыку, писал: «Шуман играл в русской музыке огромную роль вдохновителя и водителя – может быть большую, чем все остальные западные композиторы <...> Лишь Шуман оказался композитором, наиболее возбуждательным для русского творчества и

как-то с ним глубинно сливающимся. Он присутствует в русской музыке своим влиянием почти с самого рождения её <...>» [18; с. 109].

Антропонимы *Шуман* и *Чайковский* коннотируют музыкальные аллюзии, отсылают к циклам композиторов: «Детским сценам» и «Альбому для юношества» Р. Шумана и «Детскому альбому» П. Чайковского. Как известно, Чайковский проявлял интерес к творчеству немецкого композитора. «Я хочу сделать целый ряд маленьких отрывков безусловной легкости с заманчивыми для детей названиями, как у Шумана» – писал он в письме к Надежде фон Мекк [19; С. 238.]. Первое издание «Детского альбома» было с пометой – «подражание Шуману» [20].

Влияние Шумана сказалось и на творчестве Ш. Гуно. Именно после знакомства с творчеством Р. Шумана французский композитор обращается к оперному искусству. Антропоним *Гуно*, «озвучивающий» художественный мир произведения, также вовлечён в семантическое пространство *Шуман*.

Мы уже говорили о глубоких знаниях И. Сельвинского в области музыкального искусства. В подтверждение этому приведём ещё одну изменённую цитату, употреблённую поэтом в стихотворении «Когда великий Шуман ...». Второй контекст: / *Гуно* / остался французом, / русским остался *Чайковский* / – это перефразированные слова И. Стравинского, размышлявшего о гениальных продолжателях идей немецкого композитора: «Чайковский, разумеется, тоже не мог избежать германских влияний. Но если на него даже и влиял Шуман, и не меньше, например, чем на Гуно, то это не мешало ему оставаться русским, а Гуно – французом. Они оба пользовались чисто музыкальными открытиями великого немца, который сам был превосходным музыкантом, заимствовали у него обороты фраз, характерные черты его музыкального языка, отнюдь не подчиняясь его образу мыслей» [21; с. 56]. А те, кто, не проявляя самостоятельности, оригинальности, не следуя традициям национальной школы, просто стилизуют музыку «других», «*кусаивают чужое*», превращаются в «безродных и безликих лилипутов».

В обоих стихотворениях имена композиторов являются не столько именами личностей (известнейших музыкантов), сколько трансформировавшимися в *музыку* индивидуально-авторскими коннотациями, обозначающими композиторское искусство, индивидуальный «почерк» создания музыкальных произведений, описание техники и манеры исполнения музыкальных произведений и т.д. По нашему мнению, в данном случае допустимо утверждать, что антропонимы цикла И. Сельвинского «О музыке, но не только», выступая в роли коннотаторов музыкальных аллюзий и реминисценций, громко и выразительно «говорят», причём не только о музыке, но и о высоком предназначении истинных Творцов Искусства.

Библиографический список

1. Блок и музыка: Сборник статей / составитель М.А. Элик. Ленинград; Москва: Советский композитор. Ленинградское отделение, 1972. 280 с.: ил., ноты.
2. Брюсова Н.Я. Музыка в творчестве Валерия Брюсова // Искусство. 1929. № 3/4. С. 123–128.
3. Волынская Н.И. Иван Бунин и музыка // Музыкальная жизнь. 1970. № 22. С. 22–23.
4. Павлова Н.Г. Народная песня в творчестве Сергея Есенина // Музыкальная жизнь. 1970. № 20. С. 18–19.
5. Хопрова Т.А. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л.: Музыка. 1974. 152 с.
6. Меречин И.Е. Музыкальность в лирике В.А. Жуковского // Вопросы романтизма. Казанский государственный университет. 1972. № 129. С. 36–59.
7. Дурьлин С.Н. Тютчев в музыке // Уралия: Тютчевский альманах. 1803-1928. Л.: Прибой. 1928. С. 549–594.
8. Кац Б.А., Тименчик Р.Д. Анна Ахматова и музыка: исследовательские очерки. Л.: Советский композитор. 1989. 336 с.
9. Кац Б.А. Об аналогах сонатной формы в лирике Пушкина // Музыкальная академия. 1995. № 1. С. 151–158.
10. Гервер Л.Л. Лермонтов: восприятие мира в категориях звука // Слово и музыка: Материалы научных конференций памяти А.В. Михайлова. М.: МГК. 2008. Вып. 2. С. 76–88.
11. Кац Б. «Музыкой хлынув с дуги бытия»: Заметки к теме «Борис Пастернак и музыка» // Пастернак Б. Стихотворения, поэмы, проза. М.: АСТ Олимп. 1996. С. 646–660.
12. Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. Воронеж: Научная книга. 2014. 346 с.
13. Сельвинский И.Л. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит. 1989. 607 с.
14. URL: https://www.belcanto.ru/media/images/uploaded/schumann_023.jpg (дата обращения – 10.06.2020).

15. URL: <http://aleshin.info/articles/182-romanticheskij-pianizm-shopena.html> (дата обращения – 10.06.2020).
16. URL: https://www.belcanto.ru/media/images/uploaded/schumann_026.jpg (дата обращения – 12.06.2020).
17. Шуман Р.О музыке и музыкантах: в 3 т. Т. I. М.: Музыка. 1975.
18. Сабанеев Л.Л. Воспоминание о России [Электронный ресурс] М.: Классика-XXI. 2005. 268 с. URL: http://www.belousenko.com/books/memoirs/sabaneev_vosp_o_rossii.htm (дата обращения – 15.06.2020).
19. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М.: Гос. муз. изд-во. 1962. Т. 7.
20. Айзенштадт С.А. «Детский альбом» П.И. Чайковского. М.: Классика XXI век. 2003.
21. Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. М.: Гос. музыкальное издательство. 1963. 286 с.

References

1. Block and music: Collection of articles / compiled by M.A. Elik. Leningrad; Moscow: Soviet composer. Leningrad branch, 1972. 280 p.: Ill., Notes.
2. Bryusova N.Ya. Music in the works of Valery Bryusov // Art. 1929. № 3/4. S. 123-128.
3. Volynskaya N.I. Ivan Bunin and music // Musical life. 1970. № 22. P. 22-23.
4. Pavlova N.G. Folk song in the works of Sergei Yesenin // Musical life. 1970. № 20. P. 18-19.
5. Khoprova T.A. Music in the life and work of A. Blok. L.: Music. 1974. 152 p.
6. Merechin I.E. Musicality in the lyrics of V.A. Zhukovsky // Questions of romanticism. Kazan State University. 1972. № 129, pp. 36–59.
7. Durylin S.N. Tyutchev in music // Urania: Tyutchev Almanac. 1803-1928. L.: Surf. 1928. P. 549-594.
8. Katz B.A., Tymenchik R.D. Anna Akhmatova and Music: Research Essays. L.: Soviet composer. 1989. 336 p.
9. Katz B.A. On the analogues of the sonata form in Pushkin's lyrics // Musical Academy. 1995. № 1. P. 151–158.
10. Gerver L.L. Lermontov: Perception of the World in the Categories of Sound // Word and Music: Proceedings of Scientific Conferences in Memory of A.V. Mikhailov. M.: MGK. 2008. Issue. 2. P. 76–88.
11. Katz B. “Music gushing from the arc of being”: Notes on the theme “Boris Pasternak and music” // Pasternak B. Poems, poems, prose. M.: ACT Olymp. 1996. S. 646-660.
12. Kovalev G.F. Bibliography of onomastics of Russian literature for 2010. Voronezh: Scientific book. 2014. 346 p.
13. Selvinsky I.L. Selected works: in 2 volumes. Vol. 1. Poems; Poems. M.: Art. lit. 1989. 607 p.
14. URL: https://www.belcanto.ru/media/images/uploaded/schumann_023.jpg (date of access – 10.06.2020).
15. URL: <http://aleshin.info/articles/182-romanticheskij-pianizm-shopena.html> (date of access – 10.06.2020).
16. URL: https://www.belcanto.ru/media/images/uploaded/schumann_026.jpg (date of access – 12.06.2020).
17. Schumann R. About music and musicians: in 3 volumes. Т. I. М.: Музыка. 1975.
18. Sabaneev L.L. Memories of Russia [Electronic resource] М.: Classic-XXI. 2005. 268 p. URL: http://www.belousenko.com/books/memoirs/sabaneev_vosp_o_rossii.htm (date of access – 15.06.2020).
19. Tchaikovsky P.I. Full composition of writings. Literary works and correspondence. М.: State. muses. publishing house. 1962. Vol. 7.
20. Aisenstadt S.A. “Children's Album” by P.I. Tchaikovsky. Moscow: Classic XXI century. 2003.
21. Stravinsky I.F. Chronicle of my life. М.: State music publishing house. 1963. 286 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.45.48.004

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Буркова С.С.

Россия, г. Воронеж, тел. +7 908 139 65 52

e-mail: svet-lana-burkova@mail.ru

VUNTS VVS «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin»

The department of linguistics,

PhD, associate professor

Burkova S.S.

Russia, Voronezh, tel. +7 908 139 65 52

e-mail: svet-lana-burkova@mail.ru

С.С. Буркова

ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВЕСНЫХ НАЗВАНИЙ РОССИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ

Статья посвящена анализу этимологии словесных названий российского вооружения. Помимо буквенно-цифрового обозначения боевых единиц российской армии (Ла-250, ЗУР 215) существуют официальные и неофициальные словесные названия. К официальным названиям относятся такие, как «Татьяна», «Стриж», «Волга», к неофициальным (народным, жаргонным) – «Катюша», «Ксюша». Задача данного исследования – определить этимологию официальных словесных названий российского вооружения. В качестве основных методов научного исследования были использованы анализ, обобщение, классификация. Словесные названия российского вооружения можно разделить на несколько групп по способу наименования: по литере модификации, аббревиатуре, по созвучию названия или аббревиатуры названия с именем, в честь создателей, по ассоциативному переносу и в соответствии с названием серии. Последний способ наименования является наиболее частотным. Основными сериями (по количеству входящих единиц вооружения) являются «антропонимная», «гидронимная», «топонимная», «зоонимная», «фитонимная» и «мифонимная». В ходе исследования удалось установить связь между серией вооружения и входящими в неё единицами. Так, «фитонимная» серия в основном объединяет артиллерийское оружие – пушки, гаубицы, ракетные комплексы для пушек и гаубиц, миномёты, самоходные артиллерийские установки («Гиацинт», «Астра», «Хризантема», «Пион»). Очевидна традиция называть подводные лодки и крейсера в честь российских городов («Тула», «Брянск», «Архангельск», «Северсталь», «Екатеринбург»). При анализе «зоонимной» серии была выявлена следующая закономерность: названия водных обитателей получили боевые единицы ВМФ, а также оружие, применяемое на флоте («Афалина», «Дельфин», «Касатка», «Кашалот»). Для обозначения летательных аппаратов используются названия птиц, особенности поведения которых соотносятся с функциональными возможностями единиц вооружения («Белка», «Беркут», «Буревестник», «Ворон», «Иволга», «Ласточка»). Актуальность работы обусловлена необходимостью выявить закономерности присвоения словесных названий боевым единицам российской армии. Практическая значимость заключается в том, что анализ названий оружия и их классификация позволят выявить специфику данной группы ономастических единиц, а также дать системное представление о российском вооружении иностранным военным служащим, обучающимся в российских вузах.

Ключевые слова: армия, военный, вооружение, классификация вооружения, летательный аппарат, подводная лодка, ракетный комплекс, серия, оружие, этимология.

S.S. Burkova

ETHYMOLOGY OF WORD NAMES OF RUSSIAN WEAPONS

The article is devoted to the analysis of the etymology of the verbal names of Russian weapons. In addition to the alphanumeric designation of military units of the Russian army (La-250, ZUR 215), there are official and unofficial verbal names. The official names include such as «Tatyana», «Strizh», «Volga», to unofficial (folk, slang) – «Katyusha», «Ksyusha». The objective of this study is to determine the etymology of the official verbal names of Russian weapons. As the main methods of scientific research were used analysis, generalization, classification. The verbal names of Russian weapons can be divided into several groups according to the method of naming: according to the modification letter, abbreviation, the consonance of the name or abbreviation of the name with the name, in honor of the creators, by associative transfer and according to the name of the series. The last naming method is the most common. The main series (in terms of the number of incoming weapons) are «anthroponymous», «hydronymic», «toponymic»,

«zoonymous», «phytoonymic» and «mythonymic». In the course of the study, it was possible to establish a connection between a series of weapons and their units. So, the «phytoonymic» series mainly combines artillery weapons - guns, howitzers, missile systems for guns and howitzers, mortars, self-propelled artillery mounts («Giacint», «Astra», «Hrizantema», «Pion»). The tradition of calling submarines and cruisers in honor of Russian cities is obvious («Tula», «Bryansk», «Arhangel'sk», «Severstal», «Ekaterinburg»). When analyzing the «zoonymous» series, the following regularity was revealed: the names of the aquatic inhabitants received the military units of the Navy, as well as the weapons used in the fleet («Afalina», «Del'fin», «Kasatka», «Kashalot»). To designate aircraft, the names of birds are used, the behavioral features of which correlate with the functionality of weapons («Bekas», «Berkut», «Burevestnik», «Voron», «Ivolga», «Lastochka»). The relevance of the work is due to the need to identify the patterns of assigning verbal names to combat units of the Russian army. The practical significance lies in the fact that the analysis of the names of weapons and their classification will provide a systematic idea of Russian weapons to foreign military personnel studying at Russian universities.

Key words: army, military, armament, weapon classification, aircraft, submarine, missile system, series, weapons, etymology.

Традиция давать объектам вооружения словесные названия существует в различных странах мира. Широкою известность имеют российский стратегический бомбардировщик «Белый лебедь», англо-французский истребитель-бомбардировщик «Ягуар» (Jaguar), американский многоцелевой истребитель «Раптор» (Raptor). Появление данной традиции обусловлено многими причинами. Изначально это было желание напугать противника или произвести на него впечатление. Так появились названия, связанные с опасными дикими животными или стихийными явлениями природы. Также имел значение сам способ действия оружия. Таким образом своё название получила граната: разлетающиеся во все стороны поражающие элементы гранаты напоминают зёрна одноимённого растения. Постепенно перечень словесных названий увеличивается. Претерпевают изменения и сами принципы именования оружия. В частности, в настоящее время можно выделить несколько способов наименования оружия российской армии: по первой букве модификации, аббревиатурно, по ассоциативному переносу, по имени создателя и в соответствии с названием серии. Присвоение словесного названия боевой технике в соответствии с серией вооружения является на данный момент наиболее частотным.

Объектом данного исследования являются словесные названия боевых единиц современной российской армии. Цель работы – выявить этимологию словесных названий российского вооружения, а также классифицировать названия образцов вооружения по способу наименования. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать этимологию словесных названий российского вооружения; классифицировать по способу наименования боевых единиц современной российской армии; выявить особенности функционирования словесных единиц вооружения в современном русском языке.

Актуальность работы обусловлена тем, что в настоящий момент отсутствует классификация названий российского вооружения. Также необходимо выявить закономерности присвоения словесных названий боевым единицам российской армии.

В отдельную группу можно выделить образцы вооружения, в названиях которых используются мужские и женские имена. Некоторые имена в качестве официальных названий внесены в номенклатуру российского вооружения, некоторые имеют народную этимологию.

Среди официальных можно выделить следующие «антропонимные» названия: «Берта» – возимый УКВ радиоприёмник Р-313М; «Валерия» – станция радиотехнической разведки и пассивной локации; «Владимир» – основной боевой танк Т-90А; «Диана» – корабельная центральная вычислительная система МВУ-104 для ПЛ пр. 667БД; «Иван» – 50 Мт водородная бомба (изделие 202) АН602; «Иван» – ядерная авиабомба «изделие 37д» (РДС-37); «Марина» – подводный трёхместный аппарат; «Мария» – 30-кт тактическая атомная бомба (РДС-3); «Марк» – авиационно-космический комплекс (на базе БРПЛ Р-29); «Нона» – 120-мм самоходное орудие 2С9; «Ребекка» – радиоприборный комплекс РПК-1М1 (1РЛ35М1); «Роман» – РЛС сопровождения 1Л36 (ЗПРК «Панцирь-С1»); «Руслан» – военно-транспортный самолёт Ан-124; «Саня» – индикатор оптических систем; «Светлана» – аэрофинишёр С-2; «Татьяна» – 30-кт тактическая атомная бомба 8У69 («изделие 244Н», заряд РДС-4Т); «Татьяна» – ЗУР 215 (207Т) со специальной БЧ; «Яна» – электрошоковое устройство.

Среди неофициальных названий российского вооружения следует отметить «Катюшу». Этим женским именем был назван реактивный комплекс БМ-13, выпущенный в 1941 году на Воронежском экскаваторном заводе. Наиболее известным стрелковым оружием, название которого имеет народную этимологию, является самозарядная винтовка Токарева СВТ-38. В российской армии винтовка получила назва-

ние «Света», «Светка» по созвучию с аббревиатурой СВТ. Во второй половине XX века на вооружение был принят автомат Калашникова складной укороченный АКС74У. По схожести звучания аббревиатуры АКСУ с женским именем он стал называться «Ксюхой», «Ксюшей» [1; с. 74-77].

Традиция давать «антропонимные» названия военной технике существует не только в России. Так, С.Г. Мороз в статье «И-16 против «мессеров» и «фокке-вульфов», посвящённой советским и немецким самолётам, отмечает: «Но вслед за первым Вф 109 В, который на фирме назвали «Бруно», и переходными «Цезарем» и «Дорой» появился «Эмиль» [2; с. 65].

Зачастую в качестве названий оружия используются имена известных российских полководцев и политических деятелей, значительный вклад в дело укрепления государства. В этой связи можно упомянуть головной атомный крейсер «Князь Владимир», подводные лодки «Князь Олег», «Генералиссимус Суворов», «Император Александр III», «Князь Пожарский», «Святой князь Георгий», фрегат дальней морской и океанской зоны «Адмирал флота Касатонов».

Названия артиллерийских орудий образуют «фитонимную» серию: самоходная пушка 2С7 «Пион», самоходные артиллерийские установки 2С1 «Гвоздика» и 2С3 «Акация», 152-мм самоходная пушка 2С5 «Гиацинт», 240-мм самоходный миномёт «Тюльпан», самоходный противотанковый ракетный комплекс 9М123 «Хризантема», 82-мм автоматический миномёт 2Б9 «Василёк», самоходный экспериментальный батальонный миномёт калибра 120 мм 2С8 «Астра». В данном случае «фитонимные» названия даются в соответствии с видом оружия (пушки, миномёты, ракетные комплексы), что позволяет сохранить традиции и преемственность в вопросе именования боевых единиц российской армии.

Широко известна «топонимная» серия российского вооружения. В данном случае можно говорить о названиях, данных в честь рек, городов и республик Российской Федерации, а также дружественных государств. Многие образцы противовоздушной обороны и другие виды вооружения получили свои названия в честь рек, протекающих по территории Российской Федерации. Название «Волга» получили снайперская винтовка В-94 (ОСВ-96), баллистическая ракета Р-1, корабельная радиоэлектронная станция (РЭС) МР-310У, авиационная аппаратура системы управления КР КСР-5, «Днепр» – созданная на базе межконтинентальной баллистической ракеты Р-36М ракета-носитель, РЭС противоракетной обороны, портативная УКВ радиостанция 70РТП-2-ЧМ и приёмник радиотехнического контроля и разведки ПРКР-1 (1РК-9). Название «Иртыш» имеют комплекс управления огнём 1А45 для танков Т-80У и авиационный бортовой связной КВ передатчик Р-836. Также известны зенитная самоходная установка ЗСУ-37-2 «Енисей», зенитная самоходная установка ЗСУ-23-4 «Шилка», зенитный пушечно-ракетный комплекс 2К22, ЗРК СА-75М «Двина», экспортная версия ЗРК С-125 «Печора», шахтная пусковая установка 8П775 для ракет первого поколения Р-9А и морская мина «Десна».

Названия городов также упоминаются достаточно часто. В этой связи следует сказать о подводных лодках, атомных подводных лодках и тяжёлых подводных крейсерах. В статье «Ракетные атомные подводные лодки России» Ю. Каторин упоминает К-84 «Екатеринбург», К-114 «Тула», К-117 «Брянск», К-407 «Новомосковск», ТК-12 «Симбирск», ТК-17 «Архангельск», ТК-20 «Северсталь» [3; с. 66-69]. Среди современных подводных лодок, принимающих активное участие в военных конфликтах нашего времени, можно назвать «Ростов-на-Дону» [4; с.208].

При анализе «зонимных» названий российского вооружения прослеживается следующая закономерность: названия водных обитателей получили боевые единицы ВМФ, а также оружие, применяемое на флоте; летательные аппараты именуется в честь птиц. Так, «Акулой» [5; с.52] названы десантный катер, тяжёлая ракетная атомная подводная лодка и авиационная противокорабельная торпеда. На вооружении российской армии имеются самонаводящаяся торпеда «Аллигатор» [5; с. 53], подводная лодка-лаборатория «Афалина», сторожевой корабль и спасательное судно «Дельфин», патрульный катер «Ёрш», корабельная система целеуказания «Касатка», машина химической разведки «Кашалот», противокорабельная торпеда «Кит», морской водолазный бот «Краб», судно спасения подводных лодок «Осьминог», подводная лодка «Пиранья», буксировщик водолаза «Сом», морская торпеда «Щука».

Для обозначения летательных аппаратов используются названия птиц, особенности поведения которых соотносятся с функциональными возможностями единиц вооружения. Например, беспилотный летательный аппарат (БПЛА) «Бекас», авиационный противолодочный поисково-прицельный комплекс на Ил-38 и Ту-142 «Беркут», самолёт-снаряд средней дальности «Буревестник», самолёт-разведчик «Ворон», авиационный маркерный радиоприёмник «Дятел», авиационная бортовая радиостанция «Зяблик», патрульный экраноплан «Иволга», самолёт дальней противолодочной обороны «Коршун», летающая лаборатория «Ласточка», тяжёлый самолёт Ан-124-РС-22 «Орёл», авиационный прицельно-поисковый

комплекс «Сова», авиационный скафандр «Сокол», самолёт Су-17М «Стриж», авиационный радиовысомер «Чайка», авиационный прицельный комплекс «Ястреб». А. Гончаров в статье «Беспилотники России» упоминает названные летательные аппараты: «К середине 1950-х – началу 1960-х годов КБ им. Туполева разработало и сдало в эксплуатацию такие модели, как Ту-123 «Ястреб» – БЛА-разведчик, Ту-141 «Стриж» – многоцелевой оперативно-тактический разведывательный БЛА» [6; с. 39].

Тяжёлые боевые единицы получили свои названия в честь опасных хищных животных: истребитель-перехватчик Ла-250 «Анаконда», управляемая авиационная ракета «Барс», многоцелевой мишенный ракетный комплекс «Кабан», мобильная станция наземной артиллерийской разведки «Леопард», перспективный противотанковый ракетный комплекс (ПТРК) «Росомаха», ручной огнемёт «Рысь», истребитель танков «Ягуар».

Достаточно обширна «мифонимная» серия российского вооружения. В честь героев древних мифов были названы мишень-имитатор подводных лодок «Ахиллес», сверхтяжёлый двухбалочный самолёт «Геракл», спутник фоторазведки «Гермес», катер на подводных крыльях «Икар», парашютная посадочная система «Кентавр», разгрузочная система «Немезида», спасательное судно «Нептун». Тяжёлый транспортный самолёт получил название «Атлант» в честь могучего древнегреческого титана. В данном случае название позволяет подчеркнуть мощь оружия. Выбор названия «Циклоп» для оптико-электронного прицельного комплекса ОТП-20 связан с «созвучием» задач и конструкции оружия с особенностями зрения персонажа древнегреческой мифологии. Следует отметить определённую закономерность в именовании: в каждом случае имя выбрано в соответствии с какими-либо качествами, прославившими мифологического героя: хитрость Ахиллеса (мишень-имитатор), сила Геракла (сверхтяжёлый самолёт), умение лавировать (катер на крыльях).

Проанализировав номенклатуру российского вооружения, мы пришли к следующим выводам, касающимся способов образования словесных названий боевых единиц. Присвоение официальных словесных названий моделям вооружения обычно производится в соответствии со следующими традициями:

- в соответствии с первой буквой названия модификации: «Светлана» – аэрофинишёр С-2, «Геркулес» – корабельная ГАС ГС-572;

- посредством образования аббревиатуры: «Нопа» – Новое Орудие Наземной Артиллерии;

- по созвучию названия или аббревиатуры названия с именем: радиоприборный комплекс РПК получил название «Ребекка» по близкому звучанию РПК и согласных букв имени РБК, тактическая атомная бомба – «Татьяна» (первые две буквы ТА и буква Т в слове «атомный»);

- в честь создателей: танк Т-90А «Владимир» (по имени главного конструктора – Владимира Ивановича Поткина);

- по ассоциативному переносу, по аналогии: имя «Марина» означает «морская», поэтому оно было присвоено подводному аппарату; можно предположить, что название «Берта» восходит к немецким мортирам «Большая Берта» и «Толстушка Берта», получившим свои имена в честь Берты Крупп – владелицы немецкого оружейного концерна «Крупп»;

- в соответствии с серией вооружения: так, для обозначения летательных аппаратов используются названия птиц, особенности поведения и физические возможности которых соотносятся с функционалом боевых единиц («Бекас», «Беркут», «Белый лебедь», «Чёрный лебедь», и т.д.). В частности, беркут – одна из самых известных хищных птиц – известен большими размерами, физической силой и выносливостью, стремительностью полёта и точностью нападения. Эти характеристики позволили создателям Су-47 использовать название птицы для именованья одного из самых эффективных истребителей мира. Ракетоносец-бомбардировщик «Чёрный лебедь» является модернизацией Ту-160 «Белый лебедь». Чёрный цвет сверхзвукового самолёта и особенности его конструкции (форма фюзеляжа, крыло изменяемой стреловидности), несомненно, определили выбор словесного названия. Лёгкий многоцелевой самолёт Х-32 «Бекас» получил название небольшой птицы – бекаса. Таким образом, в характере наименования летательных аппаратов можно проследить взаимосвязь физических особенностей и особенностей поведения птиц и функциональных возможностей самолётов. Миномёты и артиллерийские установки имеют «фитонимные» названия («Тюльпан», «Василёк», «Акация» и т.д.). Это связано с внешним сходством цветущего растения (астры, хризантемы, акации) и огневого потока, производимого одноимённым оружием.

Следует отдельно сказать о некоторых названиях военной техники, которые «не вписываются» в какую-либо серию и являются проявлением смелой фантазии и чувства юмора создателей российского вооружения. Эту мысль озвучивает В.П. Пономарёв: «Изобретательская фантазия конструкторов вооружения не уступает творчеству природы» [7; с. 3]. Например, противотанковая ракета «Малютка», авиаци-

онный пеленгатор перехвата «Встреча», резиновая дубинка «Аргумент», корабельный гранатомёт МРГ-1 «Огонёк», тяжёлая станция управления Р-410М «Диагноз», 23-мм резиновая пуля «Привет», осколочный боеприпас для гранатомётов ГП-25 «Подкидьш», автомобиль УАЗ-3150 «Шалун», самозарядный малогабаритный пистолет скрытого ношения «Малыш» [8; с. 69], наручники «Нежность», реактивный снаряд «Волнение». В данном способе наименования можно усмотреть иронию конструкторов-создателей. Очевидно, что уменьшительно-ласкательные суффиксы, присутствующие в названиях противотанковой ракеты («Малютка») и гранатомёта («Огонёк»), не имеют отношения к функционалу оружия, а являются исключительно выражением иронии. В некоторых случаях словесное название оружия указывает на его ключевые особенности: неожиданность действия и возможную реакцию противника (резиновая пуля «Привет», боеприпас «Подкидьш», реактивный снаряд «Волнение»), размер оружия (малогабаритный пистолет «Малыш»), потенциального адресата (женский пуленепробиваемый бронежилет «Грация»).

В заключение следует отметить, что изначально названия боевой техники представляли собой буквенно-цифровые комбинации, где буквы обозначали вид вооружения (Р – ракета, Т – танк), а цифры – модель (Р-7). Иногда к названию добавлялись буквы, обозначающие инициалы создателя и некоторые особенности модели: АК – автомат Калашникова, АКМ – автомат Калашникова модернизированный. Традиция давать словесные названия оружию получила активное развитие после Второй мировой войны. Все проанализированные в работе названия приведены в соответствии с официальной номенклатурой российского вооружения и представлены в открытых источниках.

Практическая значимость исследования заключается в том, что детальный анализ названий и их последующая классификация позволят выявить специфику данной группы ономастических единиц, а также дать системное представление о российском вооружении иностранным военнослужащим, обучающимся в российских вузах.

Дальнейшее изучение словесных названий российского вооружения и их этимологии, разработка классификации имеют не только практическую значимость для военнослужащих, но и представляют интерес для широкого круга исследователей, изучающих языковую картину мира и культурные особенности носителей русского языка.

Библиографический список

1. Куваев В. Наша «ксюха» // Мастер-ружьё. 2003. № 7 (76). С.74 – 77.
2. Мороз С.Г. И-16 против «мессеров» и «фокке-вульфов» // Наука и техника. 2015. №6 (109). С. 64 – 73.
3. Каторин Ю. Ракетные атомные подводные лодки России. Часть 1. // Наука и техника. 2015. №7 (110). С. 64 – 69.
4. Пухов Р.Н. Российские воздушные операции в Сирии // Грозное небо. Авиация в современных конфликтах. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. С. 201 – 221.
5. История «Чёрной Акулы» глазами создателей / под ред. М. Лисова // Авиация и космонавтика. 2015. №6. С. 47 – 53.
6. Гончаров А. Беспилотники России // Армейский сборник. 2015. №2 (248). С. 39 – 43.
7. Пономарёв В.П. История оружия: Вчера, сегодня, завтра. Ростов-на-Дону, 2007. 272 с.
8. Шунков В.Н. Стрелковое оружие России. Минск, 2008. 384 с.

References

1. Kuvaev V. Our «ksnuha» // Master-gun. 2003. No. 7 (76). P. 74 - 77.
2. Moroz S.G. I-16 against the Messers and the Focke-Wulfs // Science and Technology. 2015. No. 6 (109). P. 64 - 73.
3. Katorin Yu. Missile nuclear submarines of Russia. Part 1. // Science and technology. 2015. No. 7 (110). P. 64 - 69.
4. Pukhov R.N. Russian air operations in Syria // Terrible sky. Aviation in modern conflicts. M.: Center for the Analysis of Strategies and Technologies, 2018. P. 201 - 221.
5. The history of the «Chernaya Akula» through the eyes of the creators / ed. M. Lisova // Aviation and astronautics. 2015. No. 6. P. 47 - 53.
6. Goncharov A. UAVs of Russia // Army collection. 2015. No. 2 (248). P. 39 - 43.
7. Ponomarev V.P. Weapons History: Yesterday, Today, Tomorrow. Rostov-on-Don, 2007. 272 p.
8. Shunkov V.N. Small arms of Russia. Minsk, 2008. 338 p.

УДК 811.1/8

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.14.73.005

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
кандидат филологических наук
доцент кафедры романской филологии
Штеба А.А.
Россия, г. Волгоград
тел. +7-919-792-60-12
e-mail: alexchteba@yandex.ru*

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
Associate professor of the Department of Roman
Philology
PhD in Philology
Shteba A.A.
Russia, Volgograd
tel. +7-919-792-60-12
e-mail: alexchteba@yandex.ru*

А.А. Штеба

ЭНЕРГОНАПРЯЖЕННОСТЬ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ)

В статье рассматриваются процессы эмоционально-смысловых модуляций семантики слов, а также факторы, приводящие к подобным изменениям конвенциональной семантики. На примере языковой категоризации смешанных эмоций, под которыми понимается объединение в синтаксически оформленное целое номинаций моно-, поли- и амбивалентных эмоциональных переживаний, показано, каким образом вербализация данного эмоционального переживания трансформирует семантику нейтральных лексических единиц. В соответствии с концепцией контекстных переходов (или bridging context) показано, что ситуативное (новое) значение лексической единицы, актуализируемое в той или иной коммуникативной ситуации, вступает в противоречие с нормативным значением. Данная внутренняя амбивалентность и противоречивость представляются движущим фактором развития, усложнения семантики. Поддерживается тезис о том, что семантика любого слова («внутреннее» слова) представляет собой энергичную сущность, а трансформация нейтральных лексических единиц в эмотивы является приемом объективации данного скрытого энергичного потенциала слова. В результате проведенного исследования показано, что экспликация смешанных эмоций выступает в функции катализатора энергичной сущности семантики слов. При этом любая лексическая единица характеризуется конвенциональной и индивидуальной семантикой. Последнюю, в свою очередь, актуализирует ряд факторов, к которым можно отнести контекст, коммуникативную ситуацию, коммуникативные намерения говорящего, его интенциональные векторы.

Ключевые слова: эмотивность, смешанные эмоции, семантические трансформации, нейросема, амбивалентность, поливалентность, эмотивная валентность.

A.A. Shteba

ENERGY INTENSITY OF A WORD (BASED ON MIXED EMOTIONS)

The article deals with the processes of emotional and semantic modulations of word semantics, as well as factors that lead to such changes in conventional semantics. Using the example of language categorization of mixed emotions, which is understood as combining the categories of mono-, poly- and ambivalent emotional experiences into a syntactically formed whole, it is shown how the verbalization of this emotional experience transforms the semantics of neutral lexical units. In accordance with the concept of contextual transitions (or bridging context), it is shown that the situational (new) meaning of a lexical unit, which is updated in a particular communicative situation, comes into conflict with the normative meaning. This internal ambivalence and inconsistency seems to be a driving factor in the development and complexity of semantics. The thesis is supported that the semantics of any word (the interior word) is an energy entity, and the transformation of neutral lexical units into emotives is a method of objectification of this hidden energy potential of the word. As a result of the research, it is shown that the explication of mixed emotions acts as a catalyst for the energy essence of word semantics. At the same time, any lexical unit is characterized by conventional and individual semantics. The latter, in turn, actualizes a number of factors, which can include the context, the communicative situation, the speaker's communicative intentions, and his intentional vectors.

Keywords: emotivity, mixed emotions, semantic transformations, neuroseme, ambivalence, polyvalence, emotional valence.

Проблема эмоционально-смысловых модуляций семантики слов в контексте неоднократно становилась объектом лингвистических исследований. В работе Е.Ю. Ильиной высказано точное наблюдение о том, что «слова <...> повторяют смысловую неточность» представления человека об окружающей действительности [1, с. 42]. Разного рода смысловые приращения семантики лексических единиц, по мнению цитируемого автора, приводят к расширению и уточнению конвенциональной семантической составляющей. Среди наиболее частотных процессов смысловых модуляций выделены семантическая адаптация, делимитация и трансформация отдельных сем в контексте [Там же, с. 47]. К одному из основных внешних стимулов эмоционально-смысловых изменений семантики относят намерение произвести на адресата художественно-эстетический или стилистический эффект. В рамках реализации данной интенциональной составляющей В.Н. Манакин приводит две основные модуляции: семантические преобразования, обогащающие конвенциональную семантику (к примеру, перераспределение сем внутри лексемы, конкретизация сем в пределах семемы, нейтрализация прежних и приобретение новых сем) или полностью изменяющие ее [2, с. 6], т.е. обладающие деструктивно-конструктивным потенциалом, являющие собой пример семантического развития и, как следствие, укрупнения, усложнения смыслового содержания.

С.В. Полева показала, что в одном из романов Ф.М. Достоевского одно и то же слово приобретает кластер созначений в рамках художественного произведения, когда лингвокреативная деятельность писателя, реализующего указанную выше направленность на осуществление эстетического воздействия на адресата, приводит к эмоционально-смысловым «сдвигам» слова в контексте. Среди примеров подобных смысловых приращений в исследовании выделены такие семы слова «идиот», как ‘маска человека, который «себе на уме»’, ‘свойство / качество выгодного жениха’, ‘человек легковверный, доверчивый’; ‘интуитивно-чуткий’, ‘человек, умеющий быстро входить в доверие’, ‘человек, обладающий великодушием’, ‘более внимательный, чем другие’, ‘умеющий быстро и правильно оценить ситуацию’, ‘обладающий редкими качествами’, ‘человек сострадательный, гуманный’, ‘способный на переживания, чуждые окружающим’, ‘не такой, как все, непохожий на других’ [3, с. 261]. И.Ю. Третьякова не ограничивается исключительно влиянием контекста на смысловые приращения семантики. На материале окказиональной трансформации фразеологизмов автор отмечает, что наряду с контекстом значимым представляется трансформация компонентов фразеологизма, т.е. растяжение семантики (*semantic stretching*) происходит в результате действия следующих механизмов: двойной актуализации, буквализации значения, переосмысления ФЕ [4, с. 140].

В исследовании В.-Ф. Эсме анализируемая проблема рассматривается через понятие контекстных переходов или *bridging contexts*. В контексте слово приобретает новый смысл, но при этом сохраняет прежнюю семантику. Новое значение становится прагматическим (релевантным для данного контекста), что и создает «мост» между прежним и актуальным значением. Кроме того, это приводит к амбивалентности на уровне нового и старого значений, множественности интерпретаций, амбивалентности на уровне языкового значения и речевого – контекстуального [5, р. 251]:

<...> Сам он обычно вкладывал в свои слова больше – а порой меньше, - чем они значили, и ему казалось, что другие тоже слышат не просто фразу, а скрытую за нею мысль. Он воображал, что и другие вкладывают в каждое слово второй, сокровенный смысл, - и редко понимал услышанное так же просто, как оно было сказано (Р. Одингтон. Смерть героя).

З.Я. Карманова в серии статей убедительно доказывает, что одно и то же предложение в безграничном пространстве интенциональных векторов (ср. с трактовкой смысла Г.П. Щедровицкого [6]) может приобретать безграничные (энергично-смысловые потенциалы слова по А.Ф. Лосеву [7]) интенциональные смыслы. Так, автор приводит пример такого повествовательного предложения, как «это будет очень скоро», которое, в зависимости от внешних и внутренних (индивидуально-личностных) условий, может выражать нетерпеливость, пылкость, живость, энтузиазм, достоинство, доверительность, почтительность, радость, волнение, грубость, агрессивность, злобность, коварство, удивление, страх, жеманство, фамильярность, манерничанье, задумчивость, проникновенность, замешательство и пр. [8, с. 12; 9, с. 296-298].

В приводимом ниже примере семантика состояния (*быть укрытым*) приобретает новую эмоционально-смысловую окрашенности:

<...>

Но едва он очутился в постели, все вроде бы уже снова сделалось хорошо. Отец сам укрылся, а потом и с особой тщательностью укутал одеялом плечи. И на Георга теперь, снизу, смотрел вроде бы поласковее.

– Верно ведь, ты его уже припоминаешь? – спросил Георг и ободряюще кивнул отцу.

– Я хорошо укрыт? – спросил отец, будто не в силах сам взглянуть, не торчат ли из-под одеяла ноги.

– Видишь, тебе в кровати уже нравится, – приговаривал Георг, аккуратнее подтыкая одеяло.

В данной части примера семантика используемых лексических единиц характеризуется конвенциональностью, определенностью, когда контекст реализует нормативную семантику слов. Однако далее данное нейтральное слово в результате субъективной интерпретации адресата получает объективирует новую нейросему, что создает «мост» для новых сочетаемостей:

<...>

– Нет! – вскричал отец, мощью голоса разом перекрывая ответ Георга, и, отбросив одеяло с такой силой, что оно на миг развернулось в воздухе целиком, вскочил на кровати в полный рост и так воздвигся, лишь слегка придерживаясь за потолок рукой. – Ты хотел бы меня укрыть, навеки укрыть, я знаю, отродьце мое, но нет, пока что я еще не укрыт. Сил моих, пусть и последних, на тебя-то хватит, даже с лихвой! <...> По счастью, отцу, чтобы сына насквозь видеть, никакая наука не нужна. Ты-то, как я погляжу, уверился, будто родителя вконец скрутил, настолько подмял, что хоть на голову ему садись, а он и не пикнет (Ф. Кафка. Превращение).

Здесь процесс укрывания одеялом становится символом погребения, а, соответственно, нежелание быть укрытым превращается в попытку персонажа воскреснуть (навеки укрыть), преодолеть грозящую ему опасность (скрутил, подмял), продемонстрировать силу (сил на тебя хватит с лихвой). Поэтому на уровне топоса характерна отчетливая траектория движения вверх (вскочил в полный рост, воздвигся).

Любое слово (или знаковое образование) состоит из двух плоскостей – внутреннее и внешнее слово. Первое представляет энергичную сущность, второе – обладает физической реализацией [10, с. 362]. Рассмотрим следующий пример:

<...>

Когда она огорошила меня этой новостью, я повел ее в ближайшее кафе, где мы могли посидеть. В кафе были высокие потолки, беспощадный свет и адский шум.

– Почему ты так поступила? – спросил я.

– Потому что я люблю тебя, – сказала она.

– Как ты можешь любить меня?

– Я всегда любила тебя, с самого детства, – сказала она.

Я обхватил голову руками.

– Это ужасно.

– Я... я думала, что это прекрасно.

– Что же дальше? – сказал я.

– Разве это не может продолжаться?

– О, господи, как все запутано, – сказал я,

– Выходит, я нашла слова, способные убить любовь, – сказала она, – любовь, которую убить невозможно?

– Не знаю, – сказал я. Я покачал головой. – Какое странное преступление я совершил (К. Воннегут. Мать тьма)

В представленном примере показано, насколько подвижной является эмоционально-смысловая составляющая слова в зависимости от категориальных характеристик конкретной коммуникативной эмоциональной ситуации. Здесь конвенционально положительная по своей эмоционально-смысловой составляющей номинация эмоционального переживания (любовь) становится ситуативным отрицательно-оценочным эмотивом, генерирующим соответствующее эмоциональное состояние у адресата. Соответственно, энергичная эмоционально-смысловая составляющая слова объективируется не только контекстом, но и непосредственно акторами коммуникативного взаимодействия, «расшатывающими» нормативную семантику лексических единиц и раскрывающими внутреннее слово.

Во многом данное внутреннее слово (слово-нейрон или нейросема) приводит к развитию семантики, ее усложнениям. Данное внутреннее слово характеризуется разной степенью выраженности

энергетической напряженности, когда можно говорить об энергодефиците, энергоослаблении или энергонапряжении нейросем [10, с. 368]. К примеру, энергетическая напряженность «пустых слов» или словоблудья является низкой по причине внутреннего дисбаланса между наличием формы и отсутствием (максимальной редукцией) содержания. Не исключением является неформальная лексика, которой характерна, как правило, выраженная эмоциональная доминанта, но отсутствие семантической наполненности [Там же, с. 371]. Тем не менее даже пустота может быть рассмотрена как содержательно энергичная сущность. В качестве примера можно привести феномен пустоты или белого текста (в частности, протестных газет), где отсутствие формы, т.е. буквенности, сопровождается усложнением и упрочнением смысловой составляющей, которые декодируются каждым читателем по-своему [11, с. 15]

Интересными представляются механизмы преобразования нейтральных слов в эмотивы через открытие эмотивной валентности [12]. Поскольку эмотивность является ингерентным свойством семантики любого слова, любое слово может выражать эмоции, а одной из категориальных характеристик эмоциональности выступает амбивалентность и поливалентность, т.е. смешанность. Появление смешанной эмоции становится результатом онтологического размыкания слова (по З.Я. Кармановой), при этом эмоция приоткрывается изнутри, что демонстрирует свою готовность быть понятым иначе, шире, глубже. Также смешанная эмотивность способна «наводиться» на нейтральную лексему и актуализировать не столько скрытую (неконвенциональную) эмотивность семантики, сколько актуализировать эмоционально-смысловую амбивалентность. На условном первом этапе происходит выбор лексической единицы для обозначения эмоционального состояния (опредмечивание эмоциональности как объективация эмотивности). Затем следует постепенное «расшатывание» данной обнаруженной эмотивности и постепенный переход к поли- и амбивалентности (появление смешанной эмотивности). На следующем этапе у нейтральной лексической единицы, расположенной в одном микроконтексте со смешанным эмотивом, открывается скрытая эмоционально-смысловая валентность и актуализируется скрытая эмотивность, а далее – скрытая амбивалентность. На заключительных этапах приобретенный эмотивный статус конвенционально нейтральных лексических единиц может преобразоваться в коннотативный или аффективный в рамках контекста (ср. с явлением энергетической напряженности слова). Однако вне зависимости от приобретенного контекстуального статуса за словом закрепляется потенциальная эмотивность.

<...> Впившись в Грина глазами, Карл, кажется, заметил, как на *лице* его стыд внезапного разоблачения борется с удовлетворенным злорадством (Ф. Кафка Пропавший без вести).

<...> Коренастый солдат не ответил. По его лицу пробежала неуверенность, и он сверкнул на Акселя *взглядом*, в котором презрение смешивалось со страхом (К. Исигуро. Погребенный великан)

<...> Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в *глазах* светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость (А. Моравиа. Презрение).

<...> Сидя рядом с Баттистой, еще не захлопнув дверцы, она смотрит на меня, и я вижу в ее растерянном *взгляде* то было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрек, смешанные с отвращением. Но тогда я не придавал значения тому, что прочел в ее *глазах*, и решительным жестом, точно человек, закрывающий сейф, захлопнул тяжелую дверцу (А. Моравиа. Презрение).

<...> Он досадовал, потому что не понимал, что означает этот *взгляд*. Ему казалось – нечто среднее между бесчувственностью и отчаянием (Р. Арундати. Бог мелочей).

<...> Ослепительно яркие голубые *глаза* Кодуэлла взирали на меня сейчас с убийственной смесью недоверия и презрения (Ф. Ротт. Возмущение).

<...> И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, *лицо* его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду. Генералы песчаных карьеров).

В представленных выше примерах показано, как нейтральные по своей эмоционально-оценочной (словарной) составляющей слова (лицо, взгляд, глаза) трансформируются в контекстуальные эмотивы. Эмотивность данных лексических единиц будет характеризоваться как амбивалентная через контаминирование их семантики расположенными в ближайшей дистрибуции словами. Частотно в данной выборке примеров используются лексико-грамматические маркеры одномоментности, быстроты (глаголы совершенного вида – «заметил», «сверкнул», «прочел»; прилагательные

«внезапный», «решительный»), что может указывать на неконтролируемый характер «высвобождения» скрытого энергичного потенциала семантики конвенционально нейтральных слов.

Объективация смешанной эмотивности в коммуникативной ситуации становится стимулом не только к модуляциям эмотивной семантики нейтральных лексических единиц, что приводит к созданию поливалентных эмотивов, но и к появлению новых образов, нарушающих привычную лексическую сочетаемость, например:

<...> Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свернутые, как *злая пружина* (Р. Арундати. Бог мелочей).

Словосочетание «злая пружина» наглядно изображает как результат создания смешанных эмоций, так и эмотивную неопределенность подобного способа выражения эмоционального переживания, где совмещается как поли- и/или амбивалентность, так и внутренняя напряженность объективируемого внутреннего слова.

Слово представляет собой энергичную сущность, характеризующуюся неограниченными эмоционально-смысловыми валентностными зарядами. В зависимости от контекста и конкретной коммуникативной ситуации данный скрытый потенциал может объективироваться и приводить к трансформации конвенциональной семантики, конкретизации интенционала и экстенционала лексических единиц. Выражение смешанных эмоций является одним из катализаторов опредмечивания неявной эмоционально-смысловой поливалентности языковых знаков.

Библиографический список

1. Ильинова Е.Ю. Стилистический аспект семантической модуляции значения слова в ироническом контексте // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2013. № 3 (19). С. 40-47.
2. Манакин В.Н. Семантические преобразования слов в художественном тексте (на материале произведений А.П. Чехова). Дис. ... канд. филол. н., Кировград, 1984. 175 с.
3. Полева С.В. Семантические преобразования лексемы «идиот» в одноименном романе Ф.М. Достоевского // Вестник Нижегородского Университета Им. Н.И. Лобачевского. № 6. 2008. С. 259-262.
4. Третьякова И.Ю. Семантические виды окказиольного преобразования фразеологизмов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4. 2010. С. 139-142.
5. Esme W.-F. Les changements sémantiques et les ambiguïtés au niveau du discours : l'exemple du fr. *On* // Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF, 2012 P. 247-259
6. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 книгах. Книга 2. Понимание и мышление. Смысл и содержание. М.: Восточная литература, 2005. 352 с.
7. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // ИАН, сер. «Литературы и языка». № 5. 1981. С. 403-412.
8. Карманова З.Я. Слово в контексте феномена интенциональности // Человек в информационном пространстве: Сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. Ярославль: Ярославльский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 9-16.
9. Карманова З.Я. Феноменология грамматики или феноменологическая грамматика // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: Изд-во Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 294-303.
10. Карманова З.Я. Феномен сознания vs феномен слова // Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017: материалы Всероссийской конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 361-372.
11. Шаховский В.И. Семиотика пробела / пустоты / белого пятна в сми-дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 21-45.
12. Штеба А.А. Структурно-функциональный аспект эмотивных валентностей слова (на примере слова *coeur/cердце*). Дис. ... канд. фил. н., Волгоград, 2012. 218 с.

References

1. Ilinova E.Yu. Stylistic aspect of semantic modulation of word meaning in an ironic context // Vestn. Volgogr. state. university. Ser. 2, Linguistics. 2013. № 3 (19). Pp. 40-47.

2. Manakin V.N. Semantic transformations of words in an artistic text (based on the works of A. p. Chekhov): abstract ... PhD in Philology, Kirovgrad, 1984, 175 p.
3. Poleva S.V. Semantic transformations of the lexeme "idiot" in the novel of the same name By F. M. Dostoevsky // Bulletin Of The Lobachevsky University Of Nizhny Novgorod, No. 6, 2008, Pp. 259-262.
4. Tretyakova I.Yu. Semantic types of occasional transformation of phraseological units // Bulletin of the KSU named after N.A. Nekrasov, No. 4, 2010. Pp. 139-142.
5. Esme W.-F. Les changements sémantiques et les ambiguïtés au niveau du discours : l'exemple du fr. On // Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF, 2012 P. 247-259
6. Shchedrovitsky G.P. Sign and activity. In 3 books. Book 2. Understanding and thinking. Meaning and content. Moscow, 2005. 352 p.
7. Losev A.F. On the concept of language valence // IAN, ser. "Literature and language", no. 5, 1981, Pp. 403-412.
8. Karmanova Z.Ya. Word in the context of the phenomenon of intentionality // Man in the information space: Collection of scientific articles of the XVI all-Russian interdisciplinary scientific and practical conference with international participation. Yaroslavl: Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2019, Pp. 9-16.
9. Karmanova Z. Ya. Phenomenology of grammar or phenomenological grammar // Russian grammar: active processes in language and speech: collection of scientific papers of the International scientific Symposium. Yaroslavl: Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2019, Pp. 294-303.
10. Karmanova Z. ya. The phenomenon of consciousness vs the phenomenon of words // All-Russian conference on cognitive science KISE-2017: proceedings of the all-Russian conference. Kazan, 2017. Pp. 361-372.
11. Shakhovsky V. I. Semiotics of the gap / void / white spot in the media-discourse// The world of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2020. no. 2. Pp. 21-45.
12. Shteba A. A. Structural and functional aspect of emotive valences of the word (on the example of the word coeur / heart): abstract ... PhD in Philology, Volgograd, 2012. 218 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 371.39 ББК 74.268.13

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.22.74.006

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
кандидат психологических наук, доцент кафедры
теории и практики перевода
Уланович О.И.
Беларусь, г. Минск, тел. +375(29)25-89-227
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru*

*Belarusian State University
The department of social and cultural
communication
The chair of translation theory and practice PhD,
associate professor Ulanovich O.I.
Republic of Belarus, Minsk
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru*

О.И. Уланович

ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ И ТЕХНОЛОГИЯ ДИДАКТИКИ ПЕРЕВОДА

В статье представлены результаты концептуализации ключевых положений дискурсного подхода как современной дидактической технологии в обучении иностранному языку в вузе в целом и в дидактике перевода в частности. Знание и владение иностранным языком для участия в межкультурном диалоге оценивается автором в параметрах владения дискурсом как единством деятельности, действительности и соответствующих коммуникативных жанров и речевых форм. Автором осуществлен понятийный анализ ключевых категорий и предлагаются дефиниции конститутивных понятий – «дискурсивный подход», «дискурсный подход», «дискурсивная компетенция», «дискурс-компетенция», «дискурсная компетенция», что позволило концептуализировать содержательное пространство дискурсного подхода в языковом образовании и унифицировать специализированный предметный язык для его дальнейшего системного описания и методического моделирования. Как частный случай дискурсного подхода в языковом образовании рассматривается его проекция в дидактике перевода, содержательное пространство которого предстает в аналогичных концептуальных категориях. Специфика переводческой деятельности акцентирует специфичные компоненты в структуре дискурсивной переводческой компетенции: владение жанровым многообразием текстов в дискурсивном пространстве профессионального перевода, владение технологиями транскрибирования дискурсообразующих элементов переводимого текста, знание социальной реальности в актуальных сферах современной переводческой практики.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный подход, дискурсный подход, дискурсивная компетенция, лингво-методическая система, дидактика перевода.

O.I. Ulanovich

DISCOURSE APPROACH AS METHODOLOGICAL BASIS OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT UNIVERSITY AND TECHNOLOGY OF TRANSLATION DIDACTICS

The results of conceptualization of key provisions of discourse approach as a modern didactic technology in teaching a foreign language in a university as a whole and in didactics of translation in particular are presented in the article. Knowledge and proficiency in a foreign language for participating in intercultural dialogue is assessed by the author in terms of discourse mastery, where discourse is viewed as a consistency of activity, reality, and corresponding communicative genres and speech forms. The author carried out conceptual analysis of key categories – discursive approach, discourse approach, discourse competence, discursive skills, discourse knowledge, which allowed to substantiate the existential content of discourse approach in language education and unify a particular subject language for its further systemic description and methodological modeling. As a particular case of discourse approach in language education is considered its actualization in didactics of translation, the framework of which is determined by the same conceptual categories. Specificity of translation as professional practice emphasizes specific components in the structure of discourse translation competence: mastery in genre diversity of texts in the discursive area of professional translation,

skills of transcoding technologies application (for rendering key discourse-forming elements of the translated text), knowledge of social reality in timely areas of modern translation practice.

Key words: discourse; discursive approach; discourse approach; discourse competence; linguistic method; didactics of translation.

Дискурсивная коммуникация является сегодня одним из стремительно развиваемых акцентов современного языкового образования. Понимание дискурса как совокупности текстов (результатов речемыслительной деятельности человека), речевых действий в социокультурном и историческом контексте – т.е. речевых продуктов, в которых воспроизводятся коллективное знание, мышление, оценки, модель коллективного сосуществования и взаимодействия, акцентирует в понятии *дискурсивной коммуникации* связь использования языка с общественной практикой, социальной структурой и культурно детерминированным знанием. Тем самым в основу дискурсивного универсума заложены доминанты целостности, динамичности, социоисторической и этнокультурной детерминированности, интеракции на уровне деятельности (а не на уровне действия и операции), принципы конвенциональности и институционализированности речи и т.д.

Смещение фокуса внимания с теоретического изучения дискурса на исследование прикладной значимости дискурса в языковом образовании, наблюдаемое на рубеже XX–XXI вв. в отечественной и зарубежной науке, свидетельствует о кардинальном повороте в понимании и оценке владения человеком языком (как родным, так и иностранным). Сегодня наблюдается единогласие в признании *дискурсивной компетенции* в качестве одного из важнейших компонентов формирующейся коммуникативной способности личности специалиста. Тем не менее, труды ученых, более или менее относящиеся к области реализации дискурсивного подхода и формирования дискурсивной компетенции при обучении иностранному языку в вузе, немногочисленны как за рубежом, так и в отечественной науке (Н. Boyer, J. A. van Ek, S. Moirand, И.Ф. Ухванова, Н.Н. Гавриленко, О.В. Лушинская, Я.Р. Зинченко, Т.В. Ситникова, А.В. Бурак, Л.Д. Грушова, Н.В. Елухина, О.Г. Поляков, Е.В. Тихомирова, О.И. Кучеренко, Ю.А. Сеница, Н.А. Баранова, О.В. Аникина, С.А. Бойко).

Современную стадию в разработке дискурсивного подхода в языковом образовании можно называть этапом становления, когда разрозненные фрагментарные наработки и идеи далеки от системной интегративности, отсутствует единообразие терминологического употребления, нет единодушия в категориальном определении понятий. При этом говорить о зарубежных или отечественных разработках дискурсивного подхода в дидактике перевода и об определении и структурировании понятия «дискурсивная переводческая компетенция» даже не приходится. Отмеченное определяет актуальность концептуализации ключевых положений дискурсивного подхода как современной дидактической концепции в языковом образовании и их проецирование на столь специфичный вид профессиональной речевой деятельности как перевод с целью формулирования единых теоретических и методологических установок для последующего структурирования целостной лингвометодической системы в дидактике перевода.

Человек живет, развивается, трудится и взаимодействует с другими лицами в глобальном и активно изменяющемся сегодня пространстве разнообразных деятельностных сфер (экономика, политика, медицина, образование, право, культура, спорт и т.д.) – в *дискурсивном пространстве*, которое является «жилищем» языка, ибо язык «живет» вовсе не в учебнике по учебному предмету «Иностранный язык» (содержание учебника – производное от дискурсивного пространства). Отсюда, дискурсивный подход в лингводидактике, в целом, предполагает дидактическое конструирование при обучении иностранному языку в вузе динамичной, актуальной, социально значимой вербальной интеракции в разнообразии дискурсивных практик в различных сферах общественной и профессиональной деятельности, представленных в синхронной проекции, и формирование у обучающихся в данной лингводидактической среде дискурсивной компетенции.

Как точно замечает И. Ф. Ухванова, суть и специфика дискурсивного подхода заключается в переводе акцента с изучения языка на изучение коммуникации, понимаемой как «событийный ряд». При этом «одна и та же тема разговора становится *событием* разного рода, а значит, «одевается» в разные форматы, жанры, словарь, речевые обороты, синтаксис» [1, с. 25].

Традиционная и по сей день все еще практикуемая при обучении иностранному языку как в школе, так и в вузе опора на информативную сторону общения (тематическое содержание) и нивелирование интерактивной стороны общения (институциональный вид и жанровый формат диалога, коммуникативно-прагматический контекст, статусно-ролевые и личностные характеристики комму-

никантов и т.д.), безусловно, не способны обеспечить полноценное формирование коммуникативной компетенции учащихся. В соответствии же с дискурсным подходом обучение языку строится как обучение общению в пропорционально соразмерной естественному общению представленности в этом обучении всех трех сторон общения: информационной, интерактивной, перцептивной, органично интегрированных в событийный ряд, поскольку дискурс «дает нам сценарий чувств, действий, оценок, сценарий того, как и что делать, хотеть и говорить» [2, с. 29].

Научный подход, представленный в иноязычной литературе как *discourse approach*, в русскоязычной научной литературе именуется либо как *дискурсивный*, либо как *дискурсный* подход при частой взаимозаменяемости понятий; при этом оба определения производны от термина «дискурс». Важным представляется дифференцировать понятия «дискурсный подход» и «дискурсивный подход» в зависимости от уровня решаемых дидактических задач и области реализации подхода в дидактических целях.

Дискурсивный подход как междисциплинарный антропоцентрический вектор с фокусом внимания на дискурсивной реализации вербальных структур и элементов в текстах (т.е. в зависимости от социального, исторического, коммуникативного, экономического и прочих контекстов) завоевал право гражданства и утвердился в лингвистических исследованиях во второй половине XX в. Дальнейшее его развитие в лингвистике воплотилось в формировании в 80-х гг. XX в. отдельного научного направления – дискурсологии, а далее и целой научной парадигмы – когнитивно-дискурсивной (Е.С. Кубрякова), интегрирующей несколько подходов к изучению языковых явлений: когнитивный, семиотический, дискурсивный. Проникновение дискурсивного подхода в область лингводидактики – веяние современной эпохи, что, при этом, не предполагает принципиальную трансформацию сущности самого дискурсивного подхода.

Дискурсивный подход в лингводидактике предлагаем определять (в согласии с его сущностной спецификой в лингвистике) как реализуемый при формировании и структурировании *лингвистического содержания* обучения иностранному языку в соответствии со следующими постулатами:

1) *дискурс* – проекция социальной реальности («Дискурс – атрибут коммуникативно-социального поля» [2, с. 28], в нем манифестируется некоторая плоскость социального бытия через актуализацию языка (как абстрактной знаковой системы) и текстов (как абстрактных ментальных конструктов) в определенных социально значимых ситуациях.

2) *текст* – реифицированный дискурс (дискурс эксплицирован в массиве текстов, текст – инструмент объективации дискурса.);

3) *словесная составляющая дискурса* – это «язык в языке» (особая лексика, семантика и прагматика – знаки языка в их дискурсивной актуализации).

Примером определения *лингвистического содержания обучения иностранному языку в контексте дискурсивного подхода* является структурирование иноязычного лексического минимума и профессиональной лексики с учетом контекстуального функционирования лексем – их актуализации в профессиональном иноязычном дискурсе (экономическом, медицинском, юридическом, дипломатическом и т.д.). Также на основе дискурсивного подхода осуществляется отбор того или иного текстового материала в качестве языкового содержания обучения, например, актуальных аутентичных текстов, материалов СМИ, телерепортажей, а также текстов международных соглашений, юридической и бизнес документации, экономических отчетов, технических руководств пользователей, уставов, договоров и т.д. Данные тексты репрезентируют различные виды современных дискурсивных практик как актуальных социально значимых моделей вербального взаимодействия (преимущественно профессионального) в плоскости горизонтального среза общества (сегодняшнего дня), что особенно актуально при обучении в вузе профильно ориентированному иностранному языку.

Дискурсный же подход предлагаем рассматривать как особую лингво-методическую систему, реализуемую при обучении иностранному языку в вузе, специфика которой обнаруживается в рамках следующих четырех системных компонентов: *целевом, содержательном, процессуальном и результативном*. Данные компоненты, ранее выделенные Л.А. Силкович в рамках практической разработки системы развития коммуникативной культуры лингвиста-преподавателя [3, с. 127], в своей взаимообусловленности формируют, по сути, эталонную модель для концептуального осмысления, теоретико-методологического обоснования и разработки методического обеспечения любой педагогической технологии.

Целевой компонент дискурсного подхода в языковом образовании предлагаем понимать как формирование *дискурсивной компетенции* изучающих иностранный язык.

Содержательный компонент (субъектно-объектный) предлагаем определять в соответствии с общедидактическим пониманием содержания образования и обучения. В рамках дискурсного подхода – это, во-первых, *знание-умениевый комплекс*, обеспечивающий владение личностью языком в массиве дискурсивных практик и, тем самым, структурирующий дискурсивную компетенцию (субъектная составляющая). Во-вторых, это *лингвистическое содержание* обучения иностранному языку: профессионально ориентированный текст (дискурс) и его языковое наполнение (язык в его дискурсивной данности) (объектная составляющая).

Процессуальный компонент – использование определенного *методического инструментария* при обучении иностранному языку: лингводидактическое конструирование разнообразных дискурсивных практик и их внедрение в учебный процесс.

Результативный компонент – формирование «дискурсивных черт» в языковой личности обучающегося или «дискурсивной личности», если речь идет о профессиональном лингвистическом образовании.

Доминирующей тенденцией категориального использования в научной и методической литературе терминов «дискурсивная компетенция» и «дискурсивная компетенция» является их взаимозаменяемость, недифференцированность вплоть до признания отношений синонимичности. Помимо отождествления понятий «дискурсивная компетенция» и «дискурсивная компетенция» в методической литературе присутствует еще и понятие «дискурс-компетенция», используемое, опять же, как альтернативный синонимичный термин выше упомянутых категорий для эстетики стиля словесного изложения в научной литературе. Предлагаем разграничить данные три термина в соответствии с установленными нами различиями в их понятийной референции.

В качестве концептуального фокуса дефиниции разграничиваемых понятий (производных от понятия «дискурс») предлагаем принять интегративную парадигму, отмеченную Е.В. Савич как определяющую категориальное пространство самого дискурса, в которой дискурс – это: а) *деятельность*, актуализированная в определенных социально маркированных условиях); б) *действительность*, социально сконструированная, репрезентирующая дискурсивные сообщества, социально-дифференцированные отношения в рамках субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимодействий; в) *набор знаков в их функциональной данности*, реализующий все *функции* знаков (организационную, субъектно-ориентационную и актуализирующую) [4, с. 60].

Дискурсивную компетенцию предлагаем понимать как владение формами речевой стереотипии дискурсивных практик: функционально-коммуникативной и структурной моделями текстов различного институционального типа и жанровой принадлежности, включая лексическую и стилистическую специфику словесности дискурса, логику структурирования текстов, нормы и правила оформления, коммуникативный контекст. В определение этой компетенции предлагаем заложить понимание дискурса как *комплекса инструментов (набора знаков)* обеспечения взаимодействия / общения в их функциональной и контекстуализированной данности, или, в терминологии Е.А. Кожемякина, понимание дискурса как «*актуализирующей практики*»: дискурс «актуализирует язык (как абстрактную знаковую систему) и тексты (как абстрактные ментальные конструкты)» [2, с. 28].

Дискурс-компетенцию предлагаем понимать как владение проблемной областью того или иного типа дискурса, знание в глубину и в ширину сущностной стороны определенной сферы социального континуума, эксплицированной в определенном дискурсе (медицинском, педагогическом, правовом, политическом и т.д.) и в некотором комплексе дискурсивных практик. В определение этой компетенции предлагаем заложить понимание дискурса как *действительности*, социального конструкта определенных субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений и практик взаимодействия в некотором социокультурном и историческом разрезе общества. По сути, дискурс-компетенция – это предметная компетенция специалиста в той или иной области деятельности.

Дискурсивную компетенцию во владении языком предлагаем понимать максимально широко как включающую обе выше отмеченные компетенции (дискурсивную компетенцию и дискурс-компетенцию) и оцениваемую, вслед за Е.М. Бразаускане, как «умение быть в дискурсе, владеть дискурсом и соответствовать дискурсу» [5, с. 14]. В категориальном содержании дискурсивной компетенции предлагаем акцентировать понимание дискурса как *деятельности*, осуществление которой невозможно без владения предметным полем дискурсивной области (дискурс-компетенции) и инстру-

ментами манифестации дискурса в социальном контексте – формами речевой стереотипии (дискурсивной компетенции). В качестве ключевого категориального акцента в дискурсивной компетенции важно признать ее профессионально ценностную актуализацию. Итак, дискурсивную компетенцию максимально полно и оптимально лаконично можно определить как владение специалистом комплексом нормативно одобренных моделей речевого взаимодействия (устного и письменного) в коммуникативном пространстве профессионального дискурса, что предполагает также и использование релевантных лингвистических средств и форм речевой стереотипии.

Заявляя о формировании *дискурсивной компетенции* при обучении студентов вуза иностранному языку в предлагаемом нами понимании данного понятия, важно признать возможность различных уровней сформированности дискурсивной компетенции и, в частности, отдельных составляющих в структуре дискурсивной компетенции. Предположительно, структурирование некоторой единой инвариантной модели компонентного состава дискурсивной компетенции вполне осуществимо. Однако это допущение должно неизбежно предусматривать различные варианты комбинации уровней сформированности ее компонентов в понятии «профессиональная дискурсивная компетентность» с учетом профессиональных качеств специалиста в той или иной области дискурсивной практики. Безусловно, владение иностранным языком в профессиональной деятельности международного обозревателя, востоковеда-международника, либо для целей преподавания иностранного языка (или на этом языке), для перевода художественной или научно-технической литературы, для делового документирования в бизнес-коммуникации и пр. актуализирует разные стороны дискурсивной компетенции специалиста. В связи с этим можно утверждать о «специализированности» структуры дискурсивной компетенции, формируемой при овладении иностранным языком, в зависимости от профессиональной деятельности и специфики области реализации профессиональных умений. Тем самым, квалиметрия профессиональной компетентности специалиста, в терминологии Н.И. Мицкевича, предполагает, что дискурсивная компетенция и ее возможные отдельные компоненты могут иметь тот или иной уровень, больший или меньший вес в ряду иных параметров в квалиметрической модели профессиональной компетентности специалиста в той или иной сфере деятельности [6, с. 29].

Выделенные нами выше акценты дискурсивного подхода при обучении иностранному языку формируют концептуальную основу разработки проекции дискурсивного подхода при подготовке профессиональных переводчиков и формулирования содержания и структуры *переводческой дискурсивной компетенции*.

Как отмечает Н.Н. Гавриленко, «Дидактика перевода – совсем молодая наука, и, конечно же, ей свойственны все метания, характерные для данного возраста». И далее ученый замечает, что вплоть до начала XXI в. вопрос о необходимости разработки методики обучения переводу и вовсе не стоял: считалось, что «достаточно быть переводчиком, знать эту профессию “изнутри” и можно спокойно научить студентов данной профессиональной деятельности» [7, с. 17]. В итоге традиционный и по-прежнему реализуемый подход в переводческой лингводидактике является закономерным следствием укоренившегося в теории перевода узко лингвистического подхода к переводу, в соответствии с которым переводчик должен знать и владеть рядом лингвистических переводческих приемов и трансформаций, а также некоторым параллельным корпусом иноязычных-русскоязычных аналогов и / или эквивалентов. Недостатком лингвистической теории перевода, сформулированной без малого век назад классиками перевода (М.М. Морозов, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров и др.), представляется достаточно формальное видение технологии перевода как последовательности действий: а) правильного выбора и б) грамотного применения того или иного переводческого приема / трансформации.

Основывающийся на лингвистической теории перевода методический подход к подготовке переводчиков закономерно выступает преемником все тех же недостатков:

а) игнорирование лингвокогнитивных механизмов речемыслительной деятельности человека (продуцента оригинала, переводчика) – существенный пробел, восполнить который пытается активно развивающаяся сегодня когнитивная транслатология;

б) игнорирование специфики контекстного функционирования тех или иных единиц перевода, жанровых характеристик переводимого текста в целом и дискурсивной специфики реализации переводческих приемов / трансформаций – особенностей, учет которых, по нашему убеждению, оптимально может быть предусмотрен в рамках дискурсивного подхода в переводческой лингводидактике.

Междисциплинарный характер собственно теории перевода (никак не сводимый к его сугубо лингвистической трактовке) предопределяет и междисциплинарность дидактики перевода с позиции знаний в области психологии, педагогики, когнитивистики, дискурсологии, лингвистики, социологии, этнокультурологии. В силу многоаспектности ядерной основы дискурсного подхода – собственно явления «дискурс» – данный подход, по нашему убеждению, является максимально учитывающим сложность, многоаспектность и полидетерминированный характер самого процесса перевода.

В соответствии с вышеизложенным нами пониманием *дискурсивного* и *дискурсного* подходов в обучении иностранному языку в вузе, дифференцирование которых мы осуществили в зависимости от уровня решаемых дидактических задач и области реализации подхода в дидактических целях, важным видится и разграничивать *дискурсивный* и *дискурсный* подходы в дидактике перевода.

Дискурсивный подход «обуславливает целесообразность введения понятий “дискурс” и “дискурсивный анализ” в содержание обучения переводу» [7, с. 23] и предусматривает организацию обучения «на материале высказываний, типичных для реальной профессиональной деятельности, что обуславливает использование при обучении подвидов и жанров специального дискурса, которые наиболее часто встречаются в деятельности переводчика» [7, с. 22]. Тем самым, как собственно и акцентирует Н.Н. Гавриленко в приведенных выше цитатах, *дискурсивный подход в дидактике перевода* (равно как и в методике обучения иностранному языку) непосредственно воплощается в определении *лингвистического содержания обучения переводчиков* – в релевантном современному социумному континууму выделении актуальных дискурсов, дискурсивных практик, жанровых форматов текстовых материалов и их языкового воплощения в качестве дидактического материала.

Как частную проекцию *дискурсного подхода* в языковом образовании, *дискурсный подход в переводческой лингводидактике* предлагаем аналогичным образом рассматривать в качестве самоценной лингво-методической системы по подготовке переводчиков, которая обнаруживается в *целевом, содержательном, процессуальном и результативном* системных компонентах.

Целевой компонент – формирование *дискурсивной переводческой компетенции* специалиста. *Содержательный* (субъектный и объектный компоненты) – знание и владение дискурсом, дискурсивными практиками, дискурсивными технологиями перевода, опора в обучении на материалы профессионально актуальной дискурсивной и жанровой принадлежности (область непосредственной реализации дискурсивного подхода в обучении). *Процессуальный* – использование определенного методического инструментария при обучении и иностранному языку, и переводу будущих переводчиков (лингводидактическое конструирование разнообразных дискурсивных практик коммуникации и перевода). *Результативный* – формирование дискурсивной личности профессионального переводчика.

Разработка дискурсного подхода в дидактике перевода требует детальной и тщательной проработки отмеченных системных компонентов. На данном этапе предлагаем акцентировать отдельные методологические установки, исходные для системного моделирования дискурсного подхода при обучении переводчиков как современной методической концепции в переводческой лингводидактике.

Во-первых, дискурсный подход в подготовке переводчиков акцентирует знание и владение переводчиками моделями, стратегиями, приемами и алгоритмами передачи / перевода (интегративно структурирующих технологии перевода) тех или иных речевых единиц, которые в текстах того или иного дискурса выступают дискурсо- и жанрообразующими элементами (обладают специфическими дискурсивными характеристиками), а, следовательно, являются ключевыми единицами перевода. К такого рода единицам перевода следует отнести: реалии (ментефакты, социофакты, артефакты, натурфакты), стилистические обороты речи, паремии и фразеологические выражения, прагмемы любого грамматического и семантического класса, лингвокультуремы, клишированные обороты речи, окказионализмы, термины, номинаты и позицинаты. Учет при передаче на другой язык специфики дискурсивной данности ключевых единиц перевода в том или ином дискурсе предопределяет смещение акцента с владения общими лингвистическими приемами перевода (переводческими трансформациями, никак не учитывающими специфику дискурсивной реализации языковых / речевых единиц) на владение технологиями перевода.

Достаточно обширный в его категориальном понимании термин «технология» в понятии «переводческая технология» предлагаем определить следующим образом. *Переводческая технология* – это совокупность возможных приемов транскодирования (преобразования с одного кода-языка в другой код-язык) дискурсообразующих элементов переводимого текста с учетом специфики их дискурсивной актуализированности в социокультурном пространстве обоих языков и переводческой стратегии. Пе-

реводческая стратегия при этом может быть как объективной (например, стратегии лингвокультурной адаптации к принимающей культуре или языковой норме), так и субъективной (индиостиль переводчика). Технические приемы транскодирования включают широкий список трансформаций от простых до весьма сложных: транслитерация / транскрипция, калькирование, подбор или построение эквивалента (семантического или коммуникативно-функционального, полного или частичного), модуляция, описательный или объяснительный перевод, гипонимический и гиперонимический перевод, уподобляющий перевод, контекстуальная замена и т.д. Специфика тех или иных дискурсообразующих единиц текста, а также дискурсивная принадлежность переводимого текста предусматривают включение в переводческую технологию весьма ограниченного количества приемов перевода.

Принимая предлагаемое нами понимание переводческой технологии, мы можем говорить о технологии транскодирования сленгизмов / жаргонизмов в кинопереводе, технологии передачи правовых реалий в юридическом переводе, технологии передачи аббревиатур в деловом документе, технологии передачи прагмем в рекламном дискурсе, технологии передачи лингвокультурем при переводе художественного исторического романа и т.д. Последняя, например, отлична от технологии передачи тех же единиц (лингвокультурем) при переводе, скажем, исторических источников, архивных документов или библейских текстов – различие дискурсов предусматривает различие в переводческих технологиях передачи аналогичных единиц перевода. Наличие некоторых схожих приемов передачи лингвокультурем в переводческих технологиях, что вполне закономерно, при переводе, скажем, исторического романа и исторических документов неизбежно сопровождается разной степенью предпочтительности этих схожих приемов в зависимости от дискурсивной принадлежности переводимых текстов, в которых по-разному актуализируется культурема.

Как видим, технология перевода никак не сводима к формальному обобщенному комплексу переводческих трансформаций, поскольку воплощает дискурсивный вектор в традиционно выделяемой технической компетенции переводчика (знание приемов, трансформаций, стратегий перевода). Отсюда, *дискурсивная переводческая компетенция* в качестве ключевого, по нашему убеждению, компонента включает *владение технологиями перевода* как комплексами приемов транскодирования дискурсообразующих элементов переводимого текста (единиц перевода). Владение переводческими технологиями вовсе не лишает специалиста права на некоторую «свободу переводческого решения» в силу предусмотренности в технологии альтернативных приемов передачи дискурсивных единиц перевода. При этом приемы в технологии уже отмечены как релевантные и маркированы по степени их предпочтительности с учетом специфики дискурса и стратегии перевода. Первоначально сознательное усвоение студентами – будущими переводчиками – технологий и обширная практика их применения в дидактической среде постепенно переводит владение технологиями на уровень интуитивного применения.

Во-вторых, специфика *дискурсивного подхода в методике обучения переводу* обнаруживается в акцентировании владения переводчиками жанровым многообразием текстов в различных видах дискурса (в первую очередь институционального) в различных лингвокультурах, в формировании умений структурирования текстов различного жанрового формата, умений сохранения дискурсивной жанровой специфики текста при переводе.

Перевод – это специфический «диалог» – диалог языков, культур, диалог национальных дискурсов и институциональных форм общения. Это предусматривает передачу текста с одного языка на другой с учетом специфики конвенциональных институциональных социокультурно маркированных форм взаимодействия в лингвокультуре и автора оригинала, и адресата перевода – с учетом жанрово-дискурсивных характеристик текста (документа) и его «логоса» в том или ином лингвокультурном пространстве.

Так, проведенное нами исследование дискурсивных характеристик англо- и русскоязычных документов в сфере правового регулирования отношений выявило явную асимметрию речевого сегмента юридического языка в русско- и англоязычной правовой коммуникации, что обнаруживается в «более высокой степени стандартизованности и шаблонности русскоязычного правового текста и языка права в целом по сравнению с англоязычным юридическим языком» [8, с. 300]. Также можно утверждать, что стиль научной литературы на русском языке является более дифференцированным и четче окрашенным по языковым формально-стилистическим признакам, чем научный стиль в английском языке. А текстовое документирование в бизнес-коммуникации, напротив, обнаруживает тенденцию конвергенции «логоса» мирового бизнес-диалога: стремление к стандартизации и унификации делового общения во всех его форматах и в ряде аспектов – текстовой организации, специфике

жанров бизнес документов, понятийного аппарата, а также собственно в аспекте морфологии, лексики, синтаксиса.

А.П. Пониматко в содержании обучения в рамках интегративной модели обучения переводу отмечает значимость такого компонента как «профессионально ориентированный текст и его жанры, наиболее распространенные в деятельности переводчика (письменные – инструкция, патент, раздел веб-сайта, реферат, комплект документации, статья, договор, соглашение, меморандум и др.; устные – сообщение, стендовый доклад, торжественная речь, дискуссия, выступление, доклад и др.)» [9, с. 16].

Таким образом, важной составляющей формируемой *дискурсной компетенции переводчика* (интегративной по сути) должна стать его *жанровая компетенция* как владение специалистом жанровым многообразием текстов в пространстве разных типов дискурса для понимания, порождения текстов и для их перевода с учетом конвенциональности и институционализированности дискурса, т.е. для обеспечения институционального форматирования перевода.

В-третьих – дискурсный подход при подготовке переводчиков акцентирует формирование дискурс-компетенции как знания переводчиком фактов социальной реальности в самых различных областях человеческой социальной практики. Ролевой статус переводчика как медиатора в коммуникативном пространстве различных дискурсов (общественно-политическом, дипломатическом, экономическом, юридическом, медицинском, бизнес-дискурсе, спортивном, научном и т.д.) требует ориентирования в глобализованном пространстве современной цивилизации с учетом полифонии окружающей среды, формирования широкого и глубокого понимания феноменов жизни мирового сообщества как противопоставляемого монополярному мировоззрению.

Парадоксально, но в целом массиве существующих моделей структуры переводческой компетентности и компонентного состава переводческих компетенций, коих предложено немало (Н.В. Комиссарова, Л.К. Латышев, К. Норд, М. Пресас, А.Д. Швейцер, Ю. Хольц-Мантгяри, Н.Н. Гавриленко и др.), компонент, представляемый нами как дискурс-компетенция, часто либо вовсе отсутствует, либо сводится к акцентированию владения переводчиком определенным минимумом «‘фоновых знаний’, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста», «‘знанием предмета’, необходимым для успешного перевода в рамках специализации переводчика» [10, с. 20]. Можно уверенно заявлять, что наличие минимума фоновых знаний явно не достаточно.

Утверждая о значимости *дискурс-компетенции* в компонентном составе *дискурсной переводческой компетентности*, мы заявляем о необходимости формирования у студентов осознания и готовности к аналитической обработке внешнеполитической, международной экономической и правовой информации, событий культурной и спортивной жизни мирового сообщества, научных открытий и новейших технологий в области коммуникаций, энергетики, инженерии и т.д. на основе усвоения содержательного компонента современного экономического, политического, юридического, дипломатического, экологического и т.д. дискурса как современной действительности – актуальной глобальной социальной реальности. Нельзя заниматься переводом, не обладая значительным набором знаний в разных сферах: компетентный переводчик должен быть готов «вступать в диалог» с самыми различными предметными областями, обладать коммуникативной поливалентностью. Отмеченное предъявляет особые требования к определению содержательной стороны традиционной дисциплины по практике иноязычной речи для будущих переводчиков как в плане тематического наполнения, так и в плане учебного материала.

В сегодня предлагаемой Н.И. Гавриленко *интегративной* модели в дидактике перевода автор проецирует устоявшийся в лингводидактике понятийный аппарат на обучение профессионально ориентированному переводу, объединяя в единую дидактическую систему *личностный, деятельностный, социокультурный* и *дискурсивный* подходы, что, собственно, предопределило название автором модели как интегративной [7]. На наш взгляд отмеченные подходы оптимально и органично заведомо интегрированы в предлагаемом нами *дискурсном* подходе как лингвометодической системе по подготовке профессиональных переводчиков, априори обладающей интегративным, междисциплинарным и ценностно-ориентационным характером в силу концептуальной многослойности конститутивного понятия «дискурс».

Личностный подход воплощается в формировании дискурсной переводческой компетентности и дискурсивной личности переводчика: специалиста эрудированного, обладающего многомерным межкультурным сознанием, органичного в полифонии глобального социального пространства – в дискурс-пространстве. *Деятельностный* подход заложен в самом существовании дискурса как дея-

тельности и обобщенной сущности дискурсной компетенции как умения «быть в дискурсе, владеть дискурсом и соответствовать дискурсу» (Е.М. Бразаускене). Это предопределяет обучение через практику дискурсивной деятельности. *Социокультурный* подход заведомо заложен в факте институционализированности, социокультурной атрибуции, прагматической маркированности дискурсивных практик – моделей взаимодействия в социальном пространстве. *Дискурсивный* подход реализуется в обращении к моделям коммуникативного поведения в дискурсе, к жанровому многообразию текстов в различных видах дискурса, к языку дискурса (лексике, семантике и прагматике, актуализируемых в дискурсе – политическом, экономическом, правовом, экологическом, научном и т.д.) как к материалу обучения.

Выстраивание и кристаллизация любого научно-методологического подхода в дидактике, а уж тем более его методическое воплощение – проекция долгосрочной перспективы, требующая консолидирующих действий и усилий, которые могут показаться титаническими в условиях повальной приверженности принципу «проще жить в своем огороде». Это порождает потребность в преподавателях языка и перевода новой формации, ориентированных, в первую очередь, на инновационное развитие себя в деятельности и педагогической профессии, готовых все время учиться самим и обучать дискурсу, в дискурсе и через дискурс. По нашему убеждению, дискурсивному подходу как методологической концепции в языковом образовании даже в максимально отдаленной перспективе не грозит дискредитация, ибо дискурс развивается и обновляется с ошеломляющей скоростью, что запускает параллельную модернизацию и своевременное реформатирование системных компонентов в данной лингво-методической системе, а, значит, обеспечивает ее гибкость, адаптивность и готовность к вызовам завтрашнего дня.

Библиографический список

1. Ухванова И.Ф. Лингвистика дискурса и принципы дискурсивного подхода в преподавании иностранного языка // Дискурсивный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения / отв. ред. И.Ф. Ухванова. Минск: БГУ, 2011. С. 25–34.
2. Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. №3. С. 25–39.
3. Силкович Л.А. Лингвометодическая система развития коммуникативной культуры будущего лингвиста-преподавателя в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник МГЛУ. Серия 2. №1 (33). 2018. С. 125–136.
4. Савич Е.В. Воздействующая функция языка и речи как объект дискурс-исследований // Дискурсивный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения / отв. ред. И.Ф. Ухванова. Минск: БГУ, 2011. С. 56–66.
5. Бразаускене Е. М. Методика преподавания иностранного языка: осмысление опыта // Дискурсивный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения / отв. ред. И.Ф. Ухванова. Минск: БГУ, 2011. С. 6–16.
6. Мицкевич Н.И. Квалиметрические основы компетентности // Вестник МГЛУ. Серия 2. Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. №1 (27). 2015. С. 26–32.
7. Гавриленко Н.Н. Возможность использования лингводидактических подходов к обучению профессионально ориентированному переводу // Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте. Вып. 2. Т. 10. Одесса: Куприенко, 2012. С. 15–26.
8. Уланович О.И. Специфика передачи стилиобразующих элементов языка права при переводе международных соглашений // Язык. Право. Общество / О.В. Барабаш (отв. ред.). – Пенза: Издательство ПГУ, 2018. С. 299–302.
9. Пониматко А.П. Система подготовки переводчиков в Минском государственном лингвистическом университете // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам / В. Г. Шадурский (отв. ред.). Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 13–17.
10. Коньшева А.В. Структура и содержание переводческой компетенции в сфере профессиональной коммуникации // Инновационные образовательные технологии. 2014. № 3 (39). С. 19–25.

References

1. Ukhvanova I.F. Discourse Linguistics and Discourse Approach Principles in Foreign Language Teaching // Discourse approach in teaching a foreign language in a non-linguistic university and its place in the creation of a new generation of teaching materials. Minsk, 2011. Pp. 25–34.
2. Kozhemyakin E.A. Discourse analysis in modern socio-humanitarian knowledge // Man. Community. Management. 2006. № 3. P. 25–39.

3. Silkovich L.A. Linguistic-methodical system for the development of the communicative culture of the future language teacher in the aspect of intercultural communication // MGLU Bulletin. Ser. 2. №1 (33). 2018. P. 125–136.
4. Savich E.V. Language and speech appealing function as an object of discourse research // Discourse approach in teaching a foreign language in a non-linguistic university and its place in the creation of a new generation of teaching materials. Minsk, 2011. P. 56–66.
5. Brazauskene E. M. Foreign language teaching methodology: understanding experience // Discourse approach in teaching a foreign language in a non-linguistic university and its place in the creation of a new generation of teaching materials. Minsk, 2011. P. 6–16.
6. Mitskevich N.I. Qualimetric foundations of competency // MGLU Bulletin. Ser. 2. №1 (27). 2015. P. 26–32.
7. Gavrilenko N.N. The possibility of using linguodidactic approaches to teaching professionally oriented translation // Advanced innovations in science, education, production and transport. Ser. 2. Vol. 10. Odessa, 2012. P. 15–26.
8. Ulanovich O.I. Specificity of rendering of the style-forming elements of the language of law in international agreements translation // Language. Law. Society. Penza, 2018. P. 299–302.
9. Ponimatko A.P. The system of training translators at Minsk State Linguistic University // Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Minsk, 2013. P. 13–17.
10. Konysheva A.V. The structure and content of translation competence in the field of professional communication // Advanced educational technologies. 2014. Vol. 3 (39). P. 19–25.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 81'367

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.57.17.007

*Петрозаводский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русского языка
Патроева Н.В.*

Россия, г. Петрозаводск, тел. +79110517091

e-mail: nvpatr@list.ru

*Петрозаводский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент*

Мухина Е.А.

Россия, г. Петрозаводск, тел. +79114163438

e-mail: kareliaptz@mail.ru

*Petrozavodsk State University
The chair of Russian language
Doctor of Philological Sciences,
full professor, the head of the chair
Patroeva N.V.*

Russia, Petrozavodsk, tel. +79110517091

e-mail: nvpatr@list.ru

*Petrozavodsk State University
PhD, associate professor*

Mukhina E.A.

Russia, Petrozavodsk, tel. +79114163438

e-mail: kareliaptz@mail.ru

Н.В. Патроева, Е.А. Мухина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЭЗИИ И.А. КРЫЛОВА

Статья посвящена анализу функционирования в поэтическом тексте вставных конструкций (парантез) как одного из видов экспрессивных синтаксических построений. Данная работа сосредоточена на исследовании данного синтаксического явления в поэтическом творчестве И.А. Крылова и выполнена по преимуществу на материале его басенного творчества. Активность парантез в баснях обусловлена не только жанрово-стилистической принадлежностью крыловских произведений, но и той прагматической задачей, которой обусловлено введение вставок в стихотворный XVIII – начала XIX в. Использование автором вставных конструкций в первую очередь демонстрирует углубление аналитических тенденций в синтаксисе русской литературной речи под влиянием живой устной речи, а также указывает на постепенную демократизацию книжно-письменного языка. Вставные конструкции употребляются Крыловым по преимуществу для характеристики басенных персонажей, мотивации поведения героев, пояснения намерений автора, выражения иронии, способствуя авторизации, «интимизации», диалогизации басенного дискурса; но необходимо отметить, что в речи персонажей парантезы встречаются спорадически.

Ключевые слова: вставные конструкции, парантеза, поэтический синтаксис, И.А. Крылов.

N.V. Patroeva, E.A. Mukhina

FUNCTIONING OF INSERTED STRUCTURES IN THE POETRY OF I.A. KRYLOV

The article is devoted to the analysis of the functioning of inset structures (parantez) in the poetry as a type of expressive syntactic constructions. The present research is concentrated on this phenomenon in poetic works by I.A. Krylov and is mainly based on the material of fable creativity. The activity of parantez in fables is due both to the genre and stylistic affiliation of Krylov's works, and to the pragmatic task of introducing inserts into the verse of the XVIII – early XIX century. It demonstrates the deepening of analytical trends in the syntax of Russian literary speech under the influence of live oral speech, and the gradual democratization of the book-written language. Inserted constructions are used to characterize fable characters, to explain the motives of their behavior, to clarify the author's intentions, to express irony, which contributes to authorization, "intimatization", dialogization of fable discourse; but it must be mentioned that in the speech of characters parantheses are rare.

Keywords: inserted structures, parantez, poetic syntax, I.A. Krylov.

Вставные конструкции (вставки, парантетические компоненты, парантезы) распространены во всех жанрово-стилистических разновидностях русского литературного языка и обладают широкими выразительными возможностями, являясь одним из видов экспрессивных синтаксических построений. Введение в высказывание различного рода пояснений, добавочных замечаний, способствует экономичности и компактности фразы [1], позволяет «удержать в памяти две и больше линий мысли» [2; с.306], поэтому введение вставки в сообщение обусловлено. Вставки как средства текстовой импликации демонстрируют не только стремление создателя текста к передаче большего объема информации и увеличению информативной емкости высказывания, но и интенцию писателя помочь читателю в декодировании сообщения, добиться точной и адекватной замыслу автора интерпретации сообщаемого.

Семантика структурно факультативной парантезы носит чаще всего избыточный, необязательный для понимания смысла главного сообщения характер [3], не заслоняя основного содержания высказывания и «сепаратизируясь» [4] как дополнительная рема, принадлежащая иному коммуникативному плану в структуре сообщения.

Интенсивный рост вставных синтагм – это, прежде всего, проявление тенденции к углублению анализма в синтаксическом строе русского языка, которая берет свое начало в карамзинский период. Закрепление вставных конструкций в литературном языке XVIII века положило начало процессу активного распространения вставочных компонентов во всех разновидностях книжной речи и жанрово-стилистической дифференциации их функций. Если в XVIII веке парантезы регулярно употребляются в документах, а в ораторской и научной прозе, поэзии, встречаются еще редко, то на протяжении XIX столетия сфера использования вставок все более расширяется, охватывая практически все литературные роды и жанры. Важнейшая причина активизации использования парантез – совершавшаяся под талантливим пером Н. Карамзина, И. Дмитриева, И. Крылова и их последователей демократизация художественной речи (по данным сравнительного исследования «синтаксических портретов» русских поэтов, вставные конструкции наиболее активны в стихотворных произведениях) [5; с. 203-232]. Кроме того, распространение парантезы обусловлено поиском разнообразных средств выражения авторского мировосприятия (оценки, версии окружающего мира) и стремлением к установлению более близкого контакта с предполагаемым читателем, то есть разработкой приемов «интимизации», авторизации, диалогизации и поэтического дискурса. Между тем в спектре усложнителей как средств субъективации и адресации текста упоминаются обычно не парантезы, а вводные синтагмы и обращения [6].

Язык И.А. Крылова изучен пока недостаточно, особенно в части небасенных жанров, между тем роль великого русского баснописца в становлении лексических и грамматических норм современного русского литературного языка трудно переоценить: как отмечал В.В. Виноградов, «здесь – сначала в узком жанровом кругу – наметились своеобразные принципы и возможности интенсивного – на народной закваске – смешения и объединения всех тех разнообразных стилей русской литературы, которые после ломоносовской теории и практики распределялись по трем разным литературно-языковым категориям – высокому, посредственному и простому стилю. Здесь устная народная русская речь с пестрой гаммой ее сословных и профессиональных тональностей и язык фольклора с его богатой художественной традицией и испытанной веками мудростью широким потоком прорвались в стили русской книжной литературы и, образовав с ними новые сплавы, новые амальгамы, показали свою чудодейственную силу в образцах нового русского литературного языка» [7; с. 148]. И.А. Крылов, сохраняя и приумножая старую литературную традицию, смело пользовался оборотами, формами, конструкциями «простонародной», устно-бытовой русской речи, что позволяет предположить высокий удельный вес и большую функциональную нагруженность в крыловских баснях (как жанре синкретическом, сочетавшем особенности эпоса, лирики, драмы, сатирического, афористического, публицистического слога) таких свойственных живой беседе, диалогу конструкций, как вводные и вставные. Целью данной статьи является исследование вставных структур в поэзии И.А. Крылова с точки зрения их семантики, функционального потенциала, жанровой закрепленности. Материалом статьи стали стихотворные произведения малых и средних жанров, вошедшие в собрание сочинений И.А. Крылова [8] и извлеченные методом сплошной выборки.

В.В. Виноградов, показывая экспрессивную роль разговорных синтаксических построений в басенном творчестве Крылова, приводит два примера использования вставок: «Этот экспрессивный

контраст между главной цепью повествовательного стиля и авторскими заметками, иногда поставленными в скобки, эта разоблачающая функция скобок является одним из любимых стилистических приемов Крылова. В басне «Рыбья пляска»:

«Великий государь! Здесь не житье им – рай.

Богам о том мы только и молились,

Чтоб дни твои бесценные продлились».

(А рыбы между тем на сковородке бились.)

Сказовая экспрессия в басенном стиле Крылова иронически противоречива. Особенно контрастно-лукавы помещенные в скобках примечания автора. В басне «Осел»:

Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться

(Про ордена, конечно, он слышал)

И думает, теперь большой он барин стал.

Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, боком

(То может не одним Ослам служить уроком)»

[7; с. 115-116].

Как следует из приведенных примеров и итогов работы над синтаксическим словарем русской поэзии XVIII – середины XIX в. [9], [10], парантетические конструкции на фоне иных поэтов его эпохи у Крылова активны, многофункциональны, включаются, как правило, в авторскую речь и очень редко в речь прямую.

Достаточно многочисленна группа вставных единиц служащих характеристике, оценке героя стихотворного произведения:

Същи ей жениха, чтоб был хорош, умен,

И в лентах, и в чести, и молод был бы он

(Красавица была немножко прихотлива):

Ну, чтобы всё имел – кто ж может всё иметь?

[8; с. 12]

Зачнет считать своих подруг

(А ей считать большой досуг)

Иной бы был такой доволен частью;

[8; с. 13]

Но Скворушка услышь, что хвалят соловья,—

А Скворушка завистлив был, к несчастью,—

И думает...

[8; с. 86]

Тут двое принялись судить и рассуждать

(Они же грамоте, к несчастью, знали:

Газеты и, подчас, реляции читали)...

[8; с. 194]

Лишь до Царя о том донесся слух

(А Царь был строг и не охотник

Таким соблазнам потакать),

Он Многоженца вмиг велел под суд отдать...

[8; с. 28]

В храме проповедник

(Он в красноречии Платона был наследник)

Прихожан поучал на добрые дела.

[8; с. 172-173]

Заключенные между скобками или (реже) двойным тире или запятыми уточнения могут касаться предположений о действиях и мотивах поведения героя, комментариев автора к происходящему:

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;

Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),

Но, кажется, не прав и тот,

Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

[8; с. 135]

Лишь вон из жи́ла
(Как будто бы над ним Фортуна подиштила),
По озерку
Гуляют утки целым стадом...
[8; с. 133]

В жилище мрачное теней
На суд предстали пред судей
В один и тот же час: Грабитель
(Он по большим дорогам разбивал,
И в петлю, наконец, попал);
Другой был славою покрытый Сочинитель...
[8; с. 146]

Запаханный Голик попал в большую честь –
Уж он полов не будет в кухнях мести:
Ему поручены господские кафтаны
(Как видно, слуги были пьяны).
[8; с. 163]
Слепой Осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь было пустился).
[8; с. 189]

В баснях встречаются вставные синтагмы, содержащие суждения общие суждения о жизни, сентенции, ссылки на обычное «положение дел»:

Но как они уж понаелись –
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем –
Так рассуждать они пустились вдвоем...
[8; с. 38]

В Восточной стороне какой-то был Брамин,
Хоть на словах и теплой веры,
Но не таков своим житьем
(Есть и в Браминах лицемеры)...
[8; с. 124]
Смекнул, как делом тем поправить
(Где силой взять нельзя, там надо полукавить).
[8; с. 194]

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
[8; с. 145]
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примерз.
[8; с. 197]

На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
[8; с. 75]

Эмоционально-оценочные восклицания автора и басенных персонажей оживляют повествование, приближают «образ автора» к читателю, усиливают «полифонизм» (в терминах М. Бахтина) и экспрессивное воздействие художественного текста на адресата, создают психологическое напряжение:

Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!)...

[8; с. 58]

... подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети – бремя,
Пока они не по местам!)...

[8; с. 115]

... даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно...

[8; с. 33]

В Оракула все верят слепо;
Как вдруг, – о чудо, о позор! –
Заговорил Оракул вздор...

[8; с. 16]

Ты зла – твое смертельно жало,
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь без вины (и то не мало!)...

[8; с. 119]

Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яйца несла,
Но не простые,
А золотые.

[8; с. 130]

Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (ка́к людям то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки...

[8; с. 136]

Парантезы могут включать не только риторические восклицания, но и медитативные либо субъективно-модальные вопросы, также усиливающие эмотивность текста:

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали...

[8; с. 16]

Овечек бедненьких – за что? – совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда – кто без греха?
Случалось, драл и пастуха...

[8; с. 36]

Так всё равно (не ясно ль это учит?),
Что быть в венце, что просто в колпаке.

[8; с. 303]

У кошек, как у нас (кто этого не знает?),
Не без греха в надсмотрщиках бывает.

[8; с. 61]

Авторизующие поэтический дискурс парантезы сообщают читателю о намерениях, планах субъекта речи, включают его самооценки и «жалобы». Автор может предлагать во вставке комментариев к продолжению сюжета или к замыслу своего произведения, справку об источнике информации или цитаты, замечания о манере изложения:

Видали и таких Волков, и многократ, –
Примеры эти не забыты, –

Которые ходили близко стад...

[8; с. 198]

Видал я иногда,

Что есть такие господа

(И эта басенка им сделана в подарок),

Которым тысячей не жаль на вздор сорить,

А думают хозяйству подспорить...

[8; с. 152]

По счастью, или нет *(увидим это вскоре),*

Услышав про цареву горе,

Такой же царь, пернатых царь, Орел,

Который вел

Со Львом приязнь и дружбу,

Для друга сослужить большую взялся службу...

[8; с. 30]

И нынешней еще весной

С него обрушились *(весь город это знает)*

Два журналиста, да портной.

[8; с. 46]

Он даже *(говорит его историк верной)*

Мог поднимать больших ячменных два зерна!

[8; с. 137]

Ну, выдывал ли ты, *я на тебя пошлюся,*

Чтоб этому была причастна я греху?

[8; с. 43]

Он в сеть ударился, но сети не прошиб –

Запутался *(ловец тут кончил спор и дело) –*

Искусство силу одолело,

И бедный Лев погиб.

[8; с. 209]

Многие вставки способствуют выявлению в лирическом монологе скрытого диалога между лирическим «я» и внешним адресатом адресатом, «интимизируя» текст и прогнозируя возможную реакцию читателя:

И с обществами та ж судьба *(сказать меж нами),*

Что с деревянными домами.

[8; с. 35]

Какой же выдумал он вздор, –

Читатель говорит, – тут нет ни складу,

Ни ладу.

[8; с. 199]

Представь – *дай волю воображенью –*

И рассуди ты это сам,

Какому должно быть движенью,

Каким быть должно чудесам

В горящем сердце, в сердце новом,

Когда ее увидел я?

[8; с. 249]

Вставные синтагмы Крылова играют важную роль в формировании новой для русской литературы постклассицистического периода личности автора, свидетельствующей о кризисе концепции «абсолютного» [11; с. 66], всезнающего повествователя – не случайно так часто в субъективно-модальный парантетический фрагмент включается вводная синтагма:

Лисицу нарядил

Он от себя для этого разбору,

Примолвля про себя *(как видно, знал он свет)...*

[8; с. 35]

Ослы, *не знаю как-то*, знали,
Что прежде Музы тут живали...

[8; с. 15]

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (*а может быть, и князь*),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал...

[8; с. 45-46]

Преобладая в речи автора, все же иногда парантетические синтагмы оказываются (4 репрезентации из 50 анализируемых) включенными в реплики, прямую речь персонажей с целью создания эффекта живой, естественного речевого потока, непринужденной беседы, имитации свойственных диалогу спонтанных перебивов, возникающих как бы вдруг, неожиданно, по ассоциации с главной мыслью:

Не думаю, – сказал мудрец в ответ, –
И с обществами та ж судьба (*сказать меж нами*),
Что с деревянными домами.

[8; с. 35]

А с доброю женой, *кто этого не знает*,
Живется как-то веселей.

[8; с. 58]

К тебе бы рады мы, сосед,
И никогда ты нас (*об этом слова нет*)
Не огорчил ничем, ни опечалил...

[8; с. 156]

Переключение модусных регистров, смена субъективных планов, *я-, ты-, он-*рамок – одна из важнейших функций парантетических компонентов, особенно часто в момент введения в речь персонажей реплики автора:

Теперь, *вы спрóсите*, что ж третий получил?

[8; с. 126]

Так дом мой, как он есть,
Велю машинами к реке я перевезть
(*Как видно, молодец механикой был страстен!*)...

[8; с. 89]

Смотри (*тут свет ему узреть она дала*),
Смотри на злые все дела
И на несчастья, которых ты виною!

[8; с. 147]

Создавая подтекст, чаще всего иронический, парантезы выступают в качестве средств дискурсивной импликации. Использование вставки совершается и для намеренного «остранения», «очуждения» высказывания, подчеркивания логического противоречия, «ошибки» во фразе:

Тут – делать нечего – друзья поцеловались,
Простились и расстались.

[8; с. 26]

Всё в них казалось мне умно:
Ужимки, к щегольству охота,
Кокетство – *даже и зевота* –
Всё нежно...

[8; с. 248]

Да только я видал: до этих пор, –
Хоть говорят, Волкам и не спускают, –
Что будь Овца ответчик иль истец:
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

[8; с. 199]

Вставные синтагмы могут актуализировать позицию тропов – метафоры, перифраза:

Поддельна грудь из тонких флеров,

Приманка взору – *сердцу яд* –

Была милей всех их уборов...

[8; с. 248]

Анализ вставных конструкций в поэзии И.А. Крылова позволяет прийти к следующим выводам:

1. Именно в поэтическом дискурсе создаются благоприятные условия для тесного взаимодействия, аппликации присущих парантезе смыслов, коннотаций, раскрывается во всей своей полноте функционально-семантический спектр и экспрессивный потенциал вставных конструкций, которые оказываются удобным средством столь необходимого малой лирической форме «сгущения» авторского знания о мире [12; с. 96-97], [13; с. 242-250], увеличивая в качестве добавочной ремы «глубину» диктума и расширяя модус сообщения, его субъектно-предикатную перспективу.

2. Важнейшее для лирического и лиро-эпического родов литературы предназначение вставных конструкций – участие в субъективации и адресации поэтической речи как трансформированной, или «превращенной», формы коммуникативного события. Понимание семантики парантезы при этом, несомненно, требует от читателя широких «фоновых» знаний для их использования в процессе интерпретации поэтической версии мира. Функциональная нагрузка вставных синтагм связана также с обеспечением ритмо-мелодической суперсегментации стихотворного произведения и внутритекстовой когезии.

3. Средний объем (длина, размер) парантез составляет два-четыре слова, и потому границы вставки обычно совпадают с рамкой построенного по ямбической схеме стиха, что оказывает влияние на степень самостоятельности вставной синтагмы, существенно увеличивая ее, и подчеркивает параллелизм синтаксического – с одной стороны – и стихового – с другой – членения строки, тем самым усиливая напевность мелодики и связность поэтический текст по вертикали. Применительно к поэзии можно считать нормой использование протяженных (до нескольких десятков слов и даже строк) вставных синтагм.

4. Демократизация литературного языка, усвоение устно-разговорных по своему происхождению синтаксических феноменов (к которым принадлежат, в частности, и вставки) книжно-письменным слогом интенсивнее совершались в новой прозе Карамзина и его последователей, однако толчок к освоению парантез русской поэзией, несомненно, во многом обусловила поэтическая практика И.А. Крылова. Парантетические единицы, за редким исключением, не использовались в «высоком штиле», например, в оде, и, напротив, были характерны для «средних» и «низких» жанров (крыловские басня, послание, внежанровое стихотворение).

Библиографический список

1. Иванова Е.Ю. Вставные конструкции как реализация субъективно-авторского плана высказывания // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1987. № 3. С. 84-87.
2. Кожевникова К. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 301-315.
3. Шаймиев В.А. К вопросу о соотношении между вставными предикативными единицами и придаточными предложениями // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий: межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1984. С. 38-46.
4. Аникин А.И. Семантическое соотношение вставной единицы с основной семантической частью предложения // Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М.И. Калинина. 1969. Т. 66, ч. 1. С. 199-212.
5. Патроева Н.В. Поэтический текст: категория осложнения. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2002. 322 с.
6. Шмелева Т.В. Диалогичность модуса // Вест. МГУ. Сер.9. Филология. 1995. № 5. С. 147-156.
7. Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 148-181.
8. Крылов И.А. Полное собрание сочинений: в 3-х т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1945-1946. Т. 3. 979.

9. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 574 с.
10. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 603 с.
11. Бройтман С.Н. Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века. Махачкала: ДГУ, 1983. 80 с.
12. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков: Типография К. Счастни, 1894. 164 с.
13. Патроева Н.В., Дьячкова И.Н., Мухина Е.А. Функциональный потенциал вставных конструкций в русской поэтической речи // Научный альманах. Тамбов, 2018. № 11-3(49). С. 241-251.

References

1. Ivanova E.J. Inserted structures as implementation of the author's subjective plan of utterance // The Bulletin of LSU. Ser. 2. History, linguistics, literary studies. 1987. Vol. 3. P. 84-87.
2. Kozhevnikova K. Formation of the content and syntax of literary text // Syntax and stylistics. Moscow, 1976. P. 301-315.
3. Shajmiev V. A. On the question of the relationship between inserted predicative units and subordinate clauses // Complex sentence in the system of other syntactic categories. Leningrad State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 1984. P. 38-46.
4. Anikin A.I. Semantic relation of the inserted unit to the main semantic part of the sentence // Scientific notes of the Kalinin State Pedagogical Institute named after M.I. Kalinin. 1969. Vol. 66, part 1. P. 199-212.
5. Patroeва N.V. Poetic text: the category of complications. Petrozavodsk State University, 2002. 322 p.
6. Shmeleva T.V. Dialogic mode // The Bulletin of MSU. Ser.9. Philology. 1995. Vol. 5. P. 147-156.
7. Vinogradov V.V. Language and style of Krylov's fables // Vinogradov V.V. Selected works. Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol. Moscow, 1990. P. 148-181.
8. Krylov I.A. Completed works: in 3 volumes. Moscow, 1945-1946. Vol. 3. 979 p.
9. Syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII century: in 4 vols. / Ed. by N.V. Patroeва. Vol. 1: Kan-temir, Trediakovsky. St.-Petersburg, 2017. 574 p.
10. Syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII century: in 4 vols. / Ed. by N.V. Patroeва. Vol. 2: Lo-monosov. St.-Petersburg, 2018. 603 p.
11. Brojtman S.N. The problem of dialogue in Russian lyrics in the first half of the XIX century. Makhachkala, 1983. 80 p.
12. Potebnja A.A. From lectures on the theory of literature. The fable. The proverb. The saying. Kharkov, 1894. 164 p.
13. Patroeва N.V., Dyachkova I.N., Mukhina E.A. Functional potential of inserted constructions in Russian po-etic speech // Scientific almanac. Tambov, 2018. Vol. 11-3(49). P. 241-251.

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1
DOI 10.36622/AQMPJ.2021.94.67.008

*УО «Гомельский государственный медицинский университет»
заведующий кафедрой русского языка
как иностранного
кандидат филологических наук,
доцент
Петрачкова И.М.
Республика Беларусь, г. Гомель
тел. +37529 538 09 20*

*EI "Gomel State Medical University"
Head of the Department of Russian as a Foreign
Language
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Petrachkova I.M.
Republic of Belarus, Gomel
tel. +37529 538 09 20*

И.М. Петрачкова

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ ПРИ СОЗДАНИИ ПОЭТОНИМОВ В ПЬЕСАХ ЛЮДМИЛЫ НИКОЛАЕВНЫ РАЗУМОВСКОЙ

Статья посвящена исследованию имен собственных в контексте таких драматургических произведений Л.Н. Разумовской, как пьесах «Под одной крышей», «Дорогая Елена Сергеевна», «Сад без земли», «Майя», «Домой!..», «Медея», «Моя сестра Русалочка». Новизна работы состоит в том, что ранее ономастикон русской драматургии второй половины XX века, в том числе и пьес Л.Н. Разумовской, не изучался, а между тем он занимает особое место и играет важную роль как в осмыслении теоретических основ литературной ономастики, так и в их дальнейшем развитии. В работе перечисляются особенности создания и использования имен собственных в пьесах художника слова. Здесь рассматриваются типы и значимость заголовков, сюжетные и вне-сюжетные поэтонимы, их статус, семантика и функции, особенности употребления модификатов в изучаемых произведениях. Исследование отражает результаты применения системного подхода к классификации имен собственных, функционирующих в драматургическом тексте, раскрывает когнитивный, лингвокультурологический, парадигматический, синтагматический аспекты их анализа, направлено на выявление общих и индивидуально-авторских закономерностей онимического пространства (ономастических универсалий) драматургии «новой волны» на примере творчества Л.Н. Разумовской. Материалы статьи могут использоваться в учебных и просветительских целях в высших и средних учебных заведениях – в преподавании университетских курсов лексикологии, лингвистического анализа художественного текста, стилистики, современной русской литературы, а также спецкурсов и спецсеминаров по вопросам ономастики. Результаты исследования будут интересны широкому кругу преподавателей и учителей русской словесности, внедряющих в учебный процесс современные достижения филологических наук, с целью формирования у обучаемых устойчивого интереса к русскому языку и культуре, развития у них творческих способностей.

Ключевые слова: онимическое пространство, оним, драма, пьеса, антропоним, прозвище, интерпретация, модификат.

I.M. Petrachkova

ONOMASTIC UNIVERSALS IN CREATION OF POETONIMES IN THE PLAYS BY LYUDMILA NIKOLAYEVNA RAZUMOVSKAYA

The article is devoted to the study of proper names in the context of such dramatic works by L. N. Razumovskaya, such as the plays "Under One Roof", "Dear Elena Sergeevna", "Garden Without Land", "Maya", "Home! ..", "Medea", "My sister The Little Mermaid." The novelty of the work is that earlier the onomasticon of Russian dramaturgy of the second half of the XX century, including the plays of L. N. Razumovskaya, was not studied, but meanwhile it occupies a special place and plays an important role both in understanding of theoretical foundations of literary onomastics, and their further development. The paper lists the features of creating and using proper names in the artist's plays of the word. Here we consider the types and significance of headings, plot and non-plot poem, their status, semantics and functions, especially the use of modifiers in the studied works. The study reflects the results of applying a

systematic approach to the classification of proper names functioning in a dramatic text, reveals the cognitive, linguoculturological, paradigmatic, syntagmatic aspects of their analysis, is aimed at identifying the general and individual author's laws of the onymic space (onomastic universals) of the "new wave" dramaturgy using an example of creativity L. N. Razumovskaya. The materials of the article can be used for educational and enlightening purposes in higher and secondary educational institutions - in teaching university courses in lexicology, linguistic analysis of literary text, stylistics, modern Russian literature, as well as special courses and special seminars on onomastics. The results of the study will be of interest to a wide range of teachers and teachers of Russian literature, introducing the modern achievements of philological sciences into the educational process, with the aim of forming students' sustained interest in the Russian language and culture, developing their creative abilities.

Keywords: onomastic space, onym, drama, play, anthroponym, nickname, interpretation, modifier.

Имена собственные (далее ИС) в произведении писателя являются важными опорными точками любого художественного текста (ниже ХТ). В драматургическом произведении *онимическое поле*, созданное автором, как правило, необыкновенно ёмко, глубоко и максимально значимо. Термин *онимическое поле (пространство)* – это все ИС, функционирующие именно в художественном (вымышленном) произведении (в отличие от понятия *ономастическое поле (пространство)*, которое, на наш взгляд, уместно, скорее, по отношению к реальному ономастикону). Оба варианта в синонимичном значении имеются в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [1; с. 96, 98]. Однако составитель Словаря в своем вступительном очерке отмечает: «Обозначение данным словом данного понятия – вещь условная. <...> Слово-термин может меняться» [1; с. 8], а также «Автор вполне отдаёт отчет в своей ответственности <...> за возможную неполноту словника, за неточность некоторых дефиниций, связанную с неуточненностью в настоящее время отдельных ономастических понятий» [1; с. 6]. «Новые понятия возникают при любом творческом процессе, в любой сфере научного познания. При углубленном изучении предмета, установлении внутренних связей и взаимозависимости неизбежно происходит дробление понятий на более частные, что сопровождается терминированием этих отдельных, более частных понятий» [1; с. 8]. Н. В. Подольская указывает: «Имеется ряд неустоявшихся терминов, получающих в процессе употребления в работах отдельных исследователей подтверждение своей необходимости или неоправданности» [1; с. 12]. И далее: «... познание всех сфер ономастического пространства продолжается непрерывно и заставляет пересматривать соотношения понятий, включая новые понятия» [1; с. 12]. Поэтонимы, избранные Л.Н. Разумовской, содержат богатую лингвистическую, историко-культурологическую и литературоведческую информацию. Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием научных изысканий, рассматривающих как отдельные классы ИС, так и совокупность поэтонимов, функционирующих в произведениях современной драматургии, в том числе и пьесах Л.Н. Разумовской.

Онимическое пространство пьес русской драматургии второй половины XX века, и в частности Л. Н. Разумовской, ранее не исследовалось, а между тем оно привлекает к себе внимание, поскольку в своем творчестве автор удивительно умело находит как раз такие ИС, которые органично и естественно отражают определенные историко-культурные тенденции в употреблении и использовании номинаций, а также представляются единственно возможными для создания ярких художественных образов, в концентрированном виде содержат широкий спектр ассоциаций и характеристик. Сложность драматургических произведений состоит в том, что они лишены повествования. И художнику слова приходится применять такие поэтические средства, чтобы с их помощью показать всю глубину внутреннего мира персонажа. Сделать это драматург может благодаря употреблению ремарок (однако у Л.Н. Разумовской они весьма лаконичны), речевой характеристике и репликам героев. Но всё же огромная роль в этой связи принадлежит поэтонимам проприального пространства пьес, поскольку ИС являются ценнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности.

Установление *ономастических универсалий* [1; с. 100] в творчестве отдельно взятого автора будет содействовать осмыслению как теоретических основ литературной ономастики, так и их дальнейшему развитию. *Объектом исследования* данной статьи стали такие пьесы, созданные драматургом Л.Н. Разумовской в конце XX века, как «Под одной крышей», «Дорогая Елена Сергеевна», «Сад без земли», «Майя», «Домой!..», «Медея», «Сестра моя Русалочка». *Предметом* изучения в работе является онимическое пространство, включающее в себя заголовки, сюжетные и внесюжетные ИС, присвоенные персонажам вышеназванных драм.

Поэтонимосфера пьес Л.Н. Разумовской весьма специфична и своеобразна. Её изучение требует использования целого ряда методов исследования. Материалы статьи отражают результаты при-

менения системного подхода к классификации ИС, функционирующих в драматургическом тексте, раскрывают когнитивный, экстралингвистический, этимологический, лингвокультурологический, парадигматический, синтагматический аспекты их анализа.

Творчество художника слова принадлежит к так называемой драматургии «новой волны», или «поствампиловской» драматургии. Проанализировав все ИС, функционирующие в онимических полях изученных пьес, можно вывести ряд общих закономерностей в создании и употреблении поэтонимов.

Во-первых, выбор драматургом заголовков для номинации пьес отличается своей *традиционностью* их по форме и трактовке. Заглавия в основном отражают идейно-тематическое содержание драм, но также имеет свою специфику и отличительные черты, присущие только стилю Л.Н. Разумовской. Название пьесы – это главное ИС любого произведения, это его «интрига» и «оригинальность». Ничто не привлекает так, как название. Название должно заставлять читать и смотреть. Оно притягивает внимание как режиссёра, так и публики, читателя, зрителя. Заглавие обладает глубоким подтекстом. Удачно подобранный заголовок содержит определенную недосказанность, которая выгодно украшает авторский замысел. Читатель и зритель имеет возможность стать соавтором драматурга, попытаться проникнуть в тайны его замысла. Заголовок не просто раскрывает смысл произведения, но и выполняет проспективную функцию, формирует читательскую догадку относительно темы и / или идеи ХТ. По форме, то есть в плане грамматического оформления, заглавия представляют собой либо словосочетания типа «*Под одной крышей*», «*Сад без земли*», либо отдельные словоформы (названия-антропонимы: «*Майя*», «*Медея*»), или неполные предикативные объединения («*Домой!..*», «*Дорогая Елена Сергеевна*», «*Моя сестра Русалочка*»). Отметим, что *мотив дома* характерен для каждой из исследуемых пьес, хотя заголовок не всегда способен отразить его («*Медея*», «*Майя*», «*Моя сестра Русалочка*», «*Дорогая Елена Сергеевна*). Так, в комедии «*Под одной крышей*» в «небольшой квартире, состоящей из двух смежных комнат» [2; с. 6] живет три поколения женщин: бабушка Нина Петровна, её дочь Валентина и внучка Любочка. «Мучительные отношения любви-ненависти связывают этих таких разных «родных и близких» людей» [3; с. 290]. Каждая из них мечтает о полной свободе и независимости. И эти мечты связаны с отдельным проживанием друг от друга. Героиням кажется, что их личная жизнь, разбитая судьба вмиг изменились, если бы у каждой из них была собственная крыша над головой. Тема пьесы – описание жизни и судьбы женщин, живущих под одной крышей. Идея – боль от того, что не получается у близких и родных людей счастливо существовать вместе, рядом, одаривая друг друга теплом и любовью, заботой и сердечностью.

Одна из героинь Ольга («*Сад без земли*») после ссоры с мужем приезжает к своей сестре Анне в деревню с тем, чтобы вырастить особым, искусственным способом, без земли, огромное количество цветов (отражение темы пьесы), продать их, заработать деньги и приобрести собственное жильё: «ОЛЬГА. ... Их можно честно заработать. На гидропонике. Сад без земли. Это просто. <...> Выгонка цветов без почвы. Розы – пять месяцев, тюльпаны – три, ландыши – два. <...> Высаживать на деревянные стеллажи с сеткой, посыпанной битым стеклом, галькой, поливать специальным раствором. Пять веточек к ноябрьским – три рубля, к Новому году – пять. Я все подсчитала. За два месяца можно заработать пять тысяч. АНЯ. Зачем тебе столько денег, Оля? ОЛЬГА (кричит). Затем, что мне нужен дом! Мне нужен дом, Аня, мне тридцать лет, дом мне нужен, понимаешь ты?! Дом! Крыша над головой!» [2; с. 103 – 104]. Однако из этой затеи ничего не выходит: «Входят в теплицу (Ольга и Савельевна – И.П.). Старуха включает свет, и Ольга видит ужасающую картину: ряды искалеченных, изуродованных цветов. Бледные, изогнутые стебли, хилые, больные. Цветы, разбитые параличом. Цветы-монстры. Деградирующий мир природы» [2; с. 140]. Идея драмы «*Сад без земли*»: как не может быть красивого сада, прекрасных цветов без земли, так не может быть счастлив человек, не имеющий собственного дома.

О доме мечтают и беспризорники из пьесы «*Домой!..*», дети и подростки, оказавшиеся по разным причинам на улице. Бездомные и скитающиеся по чердакам и подвалам, затерявшиеся в шумном многолюдном городе на улицах Питера, они сбежали из интерната, спасаясь от морального и физического насилия. И каждый из них грезит о семье и собственной крыше над головой, идет к поставленной цели своим путем.

Целый ряд пьес Л.Н. Разумовской имеют *ремейковые заголовки*, например, название «*Медея*» созвучно с одноименной трагедией древнегреческого драматурга Еврипида (431 г. до н. э.), «*Моя сестра Русалочка*» перекликается с заголовком сказки Г.-Х. Андерсена «*Русалочка*». В связи с упо-

треблением ремейковых сюжетов используются и *ремейковые имена* (*Русалочка, Медея, Ясон, Эгей* и др.), которые являются *прецедентными (аллюзийными) именами*, обладающими определенными экстралингвистическими характеристиками.

Во-вторых, при выборе антропонимов для называния сюжетных персонажей (как правило, они указаны в перечне действующих лиц) художник слова избегает такого явления, характерного для русского антропонимикона, как *трименность (трионимия)* [1; с. 153], используя при номинации героев в основном либо только *форму полного личного имени* (*Валентина, Ольга, Анна, Елена, Ирина, Майя*), *имени и отчества* по отношению в большинстве своем к возрастным персонажам и лишь в редких случаях в ХТ называет по отчеству относительно молодых героев пьес с целью подчеркнуть их статусность в определенной контекстной ситуации (*бабушка, 58 лет Нина Петровна «Под одной крышей», учитель математики Елена Сергеевна «Дорогая Елена Сергеевна», Арсений Филиппович – 70 лет, Михаил Александрович, Елена Петровна, Ирина Николаевна «Майя», старуха Настасья Савельевна, старик Василий Иванович, Ольга Васильевна, Анна Васильевна «Сад без земли»*), а также *усеченные формы имен Савельевна, Иванович, Марк Александрович*, отражающие реализм называния уважаемых или возрастных людей в сельской местности, на фоне которой и разворачивается действие пьесы «Сад без земли». В большинстве же случаев Л. Н. Разумовская использует *модификаты* ИС. Среди них *квалитативы* (формы любой субъективной оценки): *деминутивы* (например, сюжетные имена с ласкательно-уменьшительным оттенком значения: *Жанночка, Рваненький, Танечка, Фомочка, Фомушка, Веничка «Домой!..», Любочка, Валюша, Валечка «Под одной крышей», Олюшка, Анечка, Аннушка, Нюточка, Васенька, Маркуша, Петенька «Сад без земли», Леночка, Лёничка, Ирочка, Ванечка, Мишаня, Маркуша «Майя», Володенька, Вовочка, Ляленька, Лялечка, Витенька, Витюша «Дорогая Елена Сергеевна»*), *пейоративы* (с пренебрежительно-уменьшительным оттенком значения: *Венька, Фомка, Анька, Олька, Петька, Майка, Жанка, Лялька, Витька, Пашок*), *гипокористики* (для имени, имеющего сокращенную форму основы или одну полную основу вместо двуосновной формы: *Лена, Аня, Нюта, Оля, Петя «Сад без земли», Миша, Лёня, Ира, Ваня «Майя», Валя, Люба «Под одной крышей», Веня, Таня, Жанна, Фома «Домой!..», Володя, Паша, Ляля, Витя «Дорогая Елена Сергеевна»*), *вокативы* (*Володь Вов, Ляльк «Дорогая Елена Сергеевна», Ань, Петь «Сад без земли», Май, Лен, Лён «Майя», Вень, Веньк, Жан, Фом «Домой!..»*) и *мелиоративы* (с возвеличивающим оттенком значения: *Вениамин, Татиане* (по отношению к подросткам) «Домой!..»). В иноязычных именах типа *Медея, Ясон, Эгей, Креонт, Пелий* и др. («Медея»), *Майк, Ибрагим* («Домой!..») модификаты отсутствуют. Кроме того в количественном отношении меньше всего *модификатов* присвоено отрицательным персонажам пьес (*Хуля – вообще нет вариантов прозвища, Рваный – только один вариант («Домой!..»), Паша, Володя – по два варианта «Дорогая Елена Сергеевна»*).

В-третьих, онимическое пространство пьес насыщено в основном антропонимами, в меньшей степени топонимами с разной степенью семантической активности (*прямо-, скрытоговорящими онимами, аллюзивными именами*) [см. об этом подробнее: 4]. Так, деминутив, избранный Л.Н. Разумовской для семнадцатилетней безнадежно влюбленной в художника Александра, и беременной от него девушки, *Любочки* (ср. *Любовь* имя-калька – перевод греческого *Agarē* ‘любовь’ [5; с. 309]) отчетливо соотносится в читательском сознании с апеллятивом *любовь* – «глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство», «чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности» [6; с. 336] и прямо характеризует поведение, поступки, мечты и устремления героини пьесы «Под одной крышей». Юная *Любочка*, которая ещё учится в школе, встречается с женатым мужчиной, ведет себя несколько инфантильно, безответственно, а порой и безрассудно, полностью погрузившись лишь в свои чувства и переживания, мечтает родить ребенка от любимого человека и жить самостоятельно. Ещё одно *прямоговорящее* прозвище девочки-подростка *Таньки Рыжей* (ср. *рыжий* – «цвета меди, красно-желтый», «с волосами такого цвета, рыжеволосый» [6; с. 689]) из пьесы «Домой!..» значимо в данном ХТ. Оно отражает внешнюю характеристику персонажа (указывает на цвет волос «с рыжиной» [7; с. 2]). *Скрытоговорящее* имя *Татьяна* образовано от греч. *tattō* – «устанавливать, определять, назначать» [8; с. 207]. *Таня* мечтает о том, как устроит в свою жизнь, надеется на перемены к лучшему: «ТАНЬКА (сытая и довольная). Ой, я тоже люблю мечтать. <...> Мечтаю, например, выйти замуж за хорошего-хорошего человека... чтоб был у нас маленький домик... на море... чтобы тепло! Солнышко! Песочек... и много-много разных детишек: беленьких, черненьких, желтеньких... разненьких... и все бегают по берегу и бросают камешки в воду... А я сижу дома и варю вкусный-превкусный обед... А

потом приходит мой муж, а я ему говорю: садись, говорю, миленький к столу, я тебе, голубчик, щи наварила!..» [7; с. 5].

По участию в развитии сюжета все имена персонажей ХТ в драмах Л. Н. Разумовской условно можно разделить на *сюжетные (ядерные и околядерные)* и *внесюжетные (периферийные)*. Сюжетные ИС представлены двумя группами — *главными (ядерными)* и *эпизодическими (околядерными)*. Под это деление подпадают различные разряды поэтонимов. К сюжетным главным именам относятся, например, *имена-прозвища* детей-подростков (антропонимы): *Венька, Рваный, Хуля, Фома, Близнец* («Домой!..»); *личные номинации*: *Нина Петровна, Валентина, Любочка* («Под одной крышей»), *Елена Сергеевна, Володя, Паша, Ляля, Витя* («Дорогая Елена Сергеевна»), *Ольга, Аня, Марк, Куликов* («Сад без земли»), *Майя, Елена, Марк, Миша, Леня, Ирина, Иван, Арсений Филиппович* («Майя»), *мифонимы: Медея, Ясон, Эгей* («Медея»), *Русалочка, Принц, Морская ведьма, Осьминог Ося, Король, Королева, Леший, Дриада*. Приведем примеры *сюжетных эпизодических ИС* лишь из одной драмы «Домой!..». Это *антропонимы: Ибрагим, Колька, Николай, Сергей*; *библионимы: Тёмный ангел и Светлый ангел*, *топонимы (урбанонимы, гидронимы, хоронимы): Ленинград, Московский вокзал, Нева, СНГ*. Так к *внесюжетным* (упоминаемым) только в пьесе «Домой!..» принадлежат *топонимы: Омск, Ессентуки, Москва, Пекин, Стамбул, Африка, Турция, Иерусалим, улица Ленина* и др., *имена-переключки* разных групп (*аллюзивные онимы*): *Иуда, Каин, Авель, Ален Делон, батяня Махно, Павлик Морозов, матрос Железняк, Мария Египетская, Сергей Радонежский*. Прецедентные онимы обладают значительным культурно-историческим потенциалом.

В-четвертых, в проприальном поле ХТ «новой волны» присутствуют персонажи, которых автор называет с помощью апеллиатива, давая *обобщенную* характеристику (возраст, статус, образ, профессиональную принадлежность, род занятия и пр.): *Старуха, Старик, Две девочки* («Сад без земли»), *Старуха, Старик, Первый гонец, Второй гонец* («Медея»), *Рыбки, Первый министр, Военный министр, Министр «Глас народа», Птички* («Сестра моя Русалочка»). Принадлежность таких названий к ономастической лексике определяется контекстуально. Граница между онимами и апеллиативами в данных случаях фактически отсутствует. Наблюдается так называемая *онимизация* апеллиатива, или же в данном случае *антропонимизация апеллиативов*, т.е. использование *деапеллиативов* [1; с. 53]. В ряде пьес (например, «Сад без земли») каждый из таких героев обладает еще и своим личным именем, которое зачастую также *многофункционально* и *семантически значимо*: *Старуха* (деапеллиатив-символ жизненной мудрости, опыта указывает на возраст) по имени *Настасья Савельевна / Савельевна, Старик – Василий Иванович* и др. *Скрытоговорящий* антропоним *Настасья* (вариант от *Анастасия* – из греч. *Anastastasios* «возрождённый», «воскресший» [5; с. 255, 34]) созвучен с ХК, где речь идет о жизни героини: потеряв троих детей и мужа («МАРК. ... а что, дети у вас были? СТАРУХА. Были. Как не быть? Померли все. Маленьких трое померло, да кого в войну поубивало. А старик мой еще до войны утоп» [2; с.145]), женщина, словно возрождается, воскресает вновь, и находит в себе силы продолжать жить дальше, помогать другим, участвовать в их судьбе, давать мудрые советы. «СТАРУХА. «...Всё рождено, чтоб жить. <...> ... мудрее жизни ничего нет. Все в ней. Вся премудрость, вся радость, вся загадка. Рождение – загадка, смерть – загадка, любовь – загадка. А что важнее этого на свете есть? Ничего нету. <...> Все и есть благо» [2; с. 145 – 146].

В-пятых, многие поэтонимы в ХТ отличаются *многозначностью трактовок*. Так, антропоним *Майк* («Домой!..») – краткая форма от полного имени *Майкл*. В переводе с древнееврейского значение имени *Майкл* определяется как «*подобный Богу*» [5; с. 150, 160] (дословно – кто, как Бог). С именем *Майкл* связано много сказаний о победителе Сатаны, всех злых духов. По Ветхому завету он посланник Всевышнего. Для христиан – это библейский персонаж Архангел Михаил. *Майк* в этой пьесе все время пытается стать на путь исправления, вести честную жизнь, в которой нет воровства, подлости, грубости. Он мечтает получить паспорт, чтобы иметь возможность устроиться на работу, приобрести собственное жильё и больше не скитаться по чердакам и подвалам. Несмотря на жизненные трудности, *Майк* зарабатывает на жизнь честно тем, что играет на гитаре и поёт в различных местах. У этого единственного героя драмы «Домой!..» иноязычное имя (оно не имеет модификатов). Возможно, такой выбор драматургом обусловлен тем, что сам *Майк* постоянно обещает Жанне уехать за границу, в Австралию. Кроме того, на наш взгляд, художник слова хочет выделить героя пьесы, показать, что он не такой как все остальные оказавшиеся «на дне» жизни подростки. Он здесь лишний, потому что не хочет заниматься воровством и грабежами. Жанна тяжело переживает смерть *Майка* и констатирует: «...Он то-

же был лишний, несмотря на свой купленный за сто долларов паспорт...» [7; с. 13]. Его безжалостно убивают Рваный и Хуля, когда тот, защищает Жанну и пытается ей помочь.

Особую нагрузку в современных драматических произведениях несут на себе онимы – символы. Носительница передового революционного имени *Майя* (рус. нов. «связывается с майскими праздниками» [5; с. 310]) из одноименной драмы – молодая женщина, бывшая актриса, оставляет всё и переезжает жить со своей подругой Еленой в деревню, в заброшенный старый дом, но в первый же день там встречает Марка. Оним *Майя* связан с новыми переменами, к которым так стремиться героиня драмы. Действительно, сама Л. Н. Разумовская признавалась, что в этой пьесе ей «хотелось дать возможность иного взгляда на жизнь. Не узкосоциального, омраченного бесконечными проблемами социальной и личной неустроенности, но взглянуть широко и возвышенно, дать ощущение бытия как радости, дара и празднества. Эта попытка оторваться от земли, как бы выйти в другое измерение, радостное и возвышенное, перейти на другой уровень сознания связана прежде всего с героиней пьесы – *Майей*. И когда все оторвались (на секунду), жизнь (материя) мстит. Возвращает. Убивает. Но главное – духовный опыт полёта...» [3; с. 292]. Корень слова «мая» такой же, как и в слове «магия», что поначалу определялось как чудесная способность Вселенной и Бога к перевоплощению и развитию. Позднее во времена упадка магизма в Индии, в слове остался только прямой смысл – «иллюзия, обман» [см. подробнее: 9; с. 369]. Такой ассоциативный фон имени подтверждает и ХК драмы. Один из персонажей драмы Арсений Филиппович, узнав имя героини, уточняет: «Как вы сказали, сударыня? *Майя*? (Шумно вздохнул, как бы принюхиваясь, и простер руки.) *Майя*!.. Знаете ли вы, сударыня, что *майя* – это иллюзия. Всё, что нас окружает, весь этот волшебный красочный мир, – это только *майя*. Мираж. Наваждение. Сон. Так считали древние индусы. Но какой сладостный, какой удивительный сон, не правда ли?» [2; с. 154]. Её подруга Елена призывает *Майю*: «ЕЛЕНА. Главное, я хочу, чтобы никаких иллюзий, *Майя*. Личная жизнь не удалась.<...> Пойми в нашем возрасте мы уже ни на что не можем рассчитывать. Я хочу, чтобы ты это твердо усвоила и не строила никаких иллюзий» [2; с. 153]. Семантика онама *Майя* вызывает множество ассоциаций и обусловлена связью с такими лексемами, как «маета» – «изнуряющая работа, доводящая до усталости, хлопотливое занятие» [6; с. 338], «маяться» – «томиться, мучиться» [6; с. 347] и под. Данная номинация обладает колоссальной эмоциональной силой и подвижностью, что вполне соотносится с созданным Л. Н. Разумовской образом героини. *Майя* очень сильно страдает оттого, что, встретив Марка, находит близкого себе по духу человека, влюбляется и проводит с ним ночь, но ее вновь ожидает глубокое разочарование, когда на следующий день приезжает молодая невеста Марка, чтобы увезти его с собой. И опять разбиты все мечты и надежды героини на счастье. Она устала и снова утратила веру. Всю свою жизнь она словно *маетя*: ее постоянно преследуют и настигают личностные беды и катастрофы. И в конце пьесы неосторожный, но закономерный выстрел обрывает жизнь *Майи*.

В-шестых, у драматурга Л. Н. Разумовской есть *повторяющиеся* (излюбленные предпочитаемые) в разных пьесах одинаковые имена и фамилии, используемые по отношению как к *сюжетным*, так и *внесюжетным* персонажам. Например, одному из главных героев пьесы «Сад без земли» присвоено личное имя *Марк*, такое же имя (*Марк*) носит и главный герой повести «Майя». Автор посредством реплики одного из персонажей обращает внимание на национальную принадлежность героя по имени: «СТАРИК. Имя-то у тебя чудное. Еврей, что-ли? МАРК (улыбаясь). Нет, русский. СТАРИК. Да по мне все одно. Я вашу нацию очень даже уважаю. <...> *Марк*... стало быть, *Маркел*, ежели по-русски?» [2; с. 106]. Шофер Пётр из пьесы «Сад без земли» является носителем достаточно распространенной реалистической фамилии *Куликов*, аналогичный поэтоним присвоен внесюжетным персонажам драмы «Майя» деду, мужу бабки Ольги Васильевны, Марку Александровичу *Куликову* и матери Елены, Ольге *Куликовой*. Возможно, такое предпочтение данных антропонимов базируется на автобиографических фактах художника слова и / или же связано с «модой» в 70 – 80-е года прошлого века на красивые, но редкие имена.

В-седьмых, в онимическом поле Л. Н. Разумовской огромное количество разных групп *прецедентных аллюзийных имен-перекличек* (*узвальных онимов*, принадлежащих различным «возможным мирам» анализируемых ХТ, *ономастических метафор, сравнений, метонимий* и др. [см. об этом: 10]). К прецедентным ИС следует отнести широко известные номинации, которые используются в ХТ не только для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т. д.), но и в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств. Семантику и этимологию *узвального ИС* из древнегреческой мифологии царевны западно-

грузинского царства Колхиды, волшебницы, легендарной основательницы медицины и возлюбленной аргонавта Ясона, *Μεδει* (ср. груз. ზეჯოჯ; др.-греч. Μήδεια; возможно, происхождение связано с μήδομαι, что значит «замышлять, придумывать», μήδος «мысль, замысел»; или же с груз. ობჯო [imedi] «надежда», «ожидание» [10]), драматург обыгрывает в художественном контексте посредством речевой характеристики героини, ее действий и поступков (сначала она строит планы, чтобы разлучить Ясона с царевной Коринфа, надеется на возвращение возлюбленного, долго ждет мужа, а затем замышляет месть, убив его детей, а потом и себя). Здесь возникает многозначность трактовки личного имени героини и широкий спектр экстралингвистических ассоциаций, появляющихся в читательском сознании относительно данного интертекстуального поэтонима (ср. *Μεδείο* из одноименной трагедии древнегреческого драматурга Еврипида). *Ономастическая метафора* способна не только сообщать о герое новую информацию, но и давать ему экспрессивно-стилистическую оценку. Так, персонаж пьесы «Домой!..» Рваный, стараясь понравиться Жанне, иронично заявляет: «Эх, отчего я не *Ален Делон*, а, Майк?» [7; с. 5]. Известно, что французский актер театра и кино, а также режиссер, продюсер и сценарист, *Ален Делон* являлся секс-символом и эталоном мужской красоты в 60–80-х годах прошлого века. Имя-переключка (ономастическая метафора) употребляется в значении «красавица-мужчина». Своего одноклассника Витю из драмы «Дорогая Елена Сергеевна» за юношескую влюбленность в учительницу («ВИТЯ. Елена Сергеевна, извините. Я вам починю...<.> Я вас люблю, Елена Сергеевна... Вы моя любимая учительница... с детства. У вас такие чудные глаза... как два озера... в них можно ловить... рыбу... ВОЛОДЯ (хохочет). Bravo! Наш Витюша – *Ромео!*») Володя называет *Ромео* по имени главного героя трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», которое уже стало нарицательным по отношению ко всякому влюбленному юноше, а также символом несчастной любви. Приведем пример *ономастического сравнения*. Архитектор *Марк* из пьесы «Сад без земли» о себе говорит так: «Я <.> посредствен, как мильон *Сальери*. Хотя одно достоинство, Анечка, у меня все-таки есть. Вкус. Впрочем, у *Сальери* он тоже, кажется, был. Именно поэтому он единственный, кто действительно сумел оценить Моцарта» [2; с. 121]. Одна из «маленьких трагедий» Пушкина «Моцарт и Сальери» способствовала широкому распространению и укоренению в массовом сознании мифа о причастности якобы самого заурядного придворного капельмейстера, композитора Антонио Сальери, к ранней смерти другого очень талантливого маэстро Моцарта. В этой связи история, основанная на одном из многочисленных слухов (а не на исторических фактах), привела к тому, что имя *Сальери* стало в России нарицательным (символом «чёрной зависти», «бездарности», «заурядности»), что и отражает художественный контекст пьесы. *Ономастическая метонимия* (здесь имеет место перенос значения по смежности) – это один из активных приемов семантической деривации. Так, ИС известного художника *Шагала* (пьеса «Дорогая Елена Сергеевна») употребляется в значении нарицательного «альбом картин *Шагала*»: «ВОЛОДЯ (заглядывает на кухню, весело). ... Я там сижу, все альбомы пересмотрел. У вас потрясающий *Шагал*. Это вы на черном рынке купили?» [2; с. 20].

Таким образом, специфика поэтонимосферы драм на уровне *парадигматики* проявляется, несмотря на антропоцентризм проприального пространства (большинство ИС – антропонимы), разнообразием представленных ономастических классов с неравномерным их наполнением (частотность антропонимов, используются также топонимы и мифонимы: «*Μεδεια*», «*Моя сестра Русалочка*»), которые занимают *ядерную* зону онимического поля. Минимально представлены ономастические классы, занимающие *периферию* ХТ, – эргонимы, хоронимы, зоонимы, хрононимы, фалеронимы, эргонимы и др. Эти внесюжетные ИС обладают культурно-историческим фоном (*Мейерхольд*, *Толстой*, *Шекспир*, *Шиллер*, *Афина-Паллада* и под.); используются топонимы, участвующие в моделировании ХТ (*Ленинград*, *Омск*, *Ессентуки*, *Мурманск*, *Берлин*, *Тбилиси*, *Ереван*, *Москва* и др.). Онимы выполняют самые разнообразные семантико-стилистические функции (номинативно-изобразительную, эстетическую, текстообразующую; апеллятивно-экспрессивную, эмоционально-оценочную, культурно-историческую, локально-темпоральную, обобщенно-символическую). Особенностью онимического поля пьес Л. Н. Разумовской является выбор как *традиционных* по форме и трактовке заголовков, отражающих идейно-тематическое содержание драм, так и *интригующих ремейковых* заглавий («*Μεδεια*», «*Моя сестра Русалочка*»), воссоздающих, как правило, внутреннее (метафорическое) содержание или же уточняющие авторскую оценку, заинтересовывающие читателя-зрителя. Как заглавия, так и многие антропонимы обладают *интертекстуальностью*. Пьесы переполнены *прецедентными именами-аллюзиями*, в совокупности ориентирующими на «многослойное» прочтение. Благодаря немногочисленным повествовательным ремаркам, репликам самих персонажей, ИС в пьесах Л. Н. Разумов-

ской выразительны (семантически значимы) и полифункциональны. Реалионимы представлены большим количеством модификатов (*гипокористики, деминутивы, пейоративы, вокативы, мелиоративы*). Художник слова отказывается от трионимии и употребляет в основном мотивированные ИС, обладающие высокой степенью семантической активности (*прямо-, скрытоговорящие*), *деапеллятивные обобщенные* номинации, весьма редко использует (лишь в одной пьесе «Домой!..») *косвенноговорящие* ИС. Выделенные ономастические универсалии в проприальном пространстве пьес Л. Н. Разумовской свидетельствуют об авторском стремлении при выборе поэтонимов к синтезу стилевых традиций русского психологического театра и зарождающейся драматургии «новой волны», с использованием, на наш взгляд, европейской техники театра жестокости с её декламацией открытого трагизма, бессмысленности, иллюзорности жизни и созданием экстремальных ситуаций, «которые постоянно упираются в смерть, преимущественно в насильственную, роковую» [3; с. 292].

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
2. Разумовская Л.Н. Сад без земли /Сборник пьес. Л.: Искусство, 1989. 294 с.
3. Мягкова И. Людмила Разумовская и её пьесы. Л.: Искусство, 1989. 294 с.
4. Петрачкова И.М. Значимость имен собственных в художественном тексте (на материале современной русской прозы): автореф. дисс... к. филол. наук. Минск, 2003. 21 с.
5. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с. (От А до Я)
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., дополн. М., 1998. 944 с.
7. Людмила Разумовская – Домой!.. читать онлайн / > Книги > Поэзия, Драматургия > Драматургия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/poetry> – Дата доступа: 26.03.2020.
8. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. 385 с.
9. Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 816 с.
10. Петрачкова И. М. Имена-реминисценции в текстах современной русской прозы // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. №1 (22). 2004. С. 97 – 102.
11. Медея [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Медея> – Дата доступа: 31.03.2020.

References

1. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. M: Science, 1978. 200 p.
2. Razumovskaya L.N. Garden without land / Collection of plays. L.: Art, 1989. 294 p.
3. Myagkova I. Lyudmila Razumovskaya and her plays. L.: Art, 1989. 294 p.
4. Petrachkova I.M. The significance of proper names in a literary text (based on the material of modern Russian prose): author. diss C. of Philol. Sciences. Minsk, 2003. 21 p.
5. Superanskaya A.V. Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling M.: Iris-press, 2005. 384 p. (From A to Z)
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed. M., 1998. 944 p.
7. Lyudmila Razumovskaya - Domoy! .. read online / >Books> Poetry, Dramaturgy >Dramaturgy [Electronic resource]. - Access mode: <https://libking.ru/books/poetry> - Access date: 03.26.2020.
8. Petrovsky N.A. Dictionary of Russian personal names. About 2600 names. M.: Soviet Encyclopedia, 1966. 385 p.
9. A large dictionary of foreign words / Comp. A.Yu. Moskvina. M.: CJSC Centerpolygraph, 2005. 816 p.
10. Petrachkova I. M. Names of reminiscence in the texts of modern Russian prose // Bulletin of the Gomel State University named after Francis Skorina. No. 1 (22). 2004. Pp. 97 - 102.
11. Medea [Electronic resource]: Wikipedia. Free encyclopedia. - Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Meda> - Access date: 03.31.2020.

УДК 801.3=82(045/046):26
DOI 10.36622/AQMPJ.2021.56.73.009

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ А. ПЛАТОНОВА

А. Платонов – известный русский писатель XX века, родившийся в Воронеже и проживший достаточно сложную жизнь, что не могло не отразиться на произведениях, создаваемых им. Особое внимание среди всего литературного наследия, оставленного А. Платоновым и изучаемого в разных аспектах (сюда входит проза, драматургия, публицистика и т.д.), привлекает специфика введения автором ономастических единиц разных разрядов. Имя собственное – это та лексическая единица, с употреблением которой мы сталкиваемся ежедневно в процессе использования языка для номинации людей, животных, стран, рек, поселений и т.д. Присущее именам собственным разнообразие как функциональное, так и языковое, привело к возникновению ономастики – науки, которая занимается рассмотрением имен собственных, названий и т.п. Полагаем, что имя собственное – это особый художественный элемент, не существующий в тексте самостоятельно и всегда взаимосвязанный с другими элементами текста, поскольку это необходимо автору для создания художественного образа. Анализ взаимодействия всех этих систем позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической единицы. Очевидно, что введение автором в произведение конкретных ономастических единиц всегда не случайно, подобный выбор всегда обусловлен ассоциациями автора, связанными с тем или иным именем. В данном исследовании предпринята попытка провести анализ существующих в современной науке работ по исследованию особенностей функционирования ономастических единиц в творчестве А. Платонова. Рассмотренные нами работы масштабны, но исследование ономастических единиц в произведениях А. Платонова не теряет своей актуальности в связи с тем, что системные труды в данной области отсутствуют.

Ключевые слова: А. Платонов, ономастика, оним, антропоним, художественный текст, «Чевенгур», «Котлован», «Джан».

N.B. Bugakova

THE ASPECTS OF STUDY OF THE ONOMASTICS IN A. PLATONOV'S WORKS

A. Platonov is a famous Russian writer of the 20th century who was born in Voronezh and had a long and complicated biography reflected in his works. Platonov's literary heritage which includes prose, plays, features etc. is studied in various aspects but special attention must be paid to the specificity of the author's usage of proper names from different groups. A proper name is a lexical unit which is regularly used in the process of language nomination of people, animals, countries, rivers, settlements etc. The variety of proper names, both functional and lingual, lead to the foundation of onomastics as a science to study such lexical units. We think that proper names are special artistic elements which do not exist in the text by themselves as they are always connected with other text elements being necessary for the image creation. The analysis of the interaction of all these systems leads to the better understanding of the author's ideas and the purpose of usage of a certain onym which never happens by chance but is always based on the author's associations with the name. In the present article we try to analyze a set of contemporary scientific works devoted to the functioning of onomastic units in A. Platonov's prose. The analyzed works are quite serious but the research of onomastic units in A. Platonov's creativity is still relevant because of the absence of systematic studies in this sphere.

Key words: A. Platonov, onomastics, onym, anthroponym, fiction text, "Chevengur", "The foundation ditch", "Dzhan".

Андрей Платонов – один из гениальных и в то же время один из самых неоднозначных писателей XX века, со сложной, драматической, совсем нелитературной судьбой. В его произведениях нашли отражение все те сложности, которые приходилось преодолевать писателю: и арест сына, и военный опыт, и прочие тяготы и лишения, пришедшиеся на его долю. Но ни цензура, ни десятилетия запретов не смогли остановить того мощного дара слова, которым был наделен писатель, и сейчас мы можем приобщиться к наследию, оставленному А. Платоновым: это проза, драматургия, публицистика, литературная критика, произведения эпистолярного жанра.

Среди всего многообразия творческого наследия писателя наше внимание привлекли особенности введения в текст произведений имен собственных, поскольку, во-первых, на наш взгляд, А. Платонов подходит к этому процессу своеобразно, и соответственно, мы можем говорить об особой ономастической лаборатории писателя; во-вторых, на данный момент нет системного исследования ономастических единиц творчества А. Платонова, что и обуславливает актуальность данной работы.

Имя собственное – это та лексическая единица, с употреблением которой мы сталкиваемся ежедневно в процессе использования языка. Имена собственные используются для наименования людей, животных, стран, рек, поселений и т.д. Присущее именам собственным разнообразие, как функциональное, так и языковое, привело к возникновению ономастики. Термином *ономастика* (греч. *ὀνομαστική* – ‘искусство давать имена’) обозначают раздел языкознания, который занимается рассмотрением имен собственных, названий и т.п. Ономастика обладает междисциплинарным характером, потому что имя собственное может являться предметом изучения языка, литературы, астрономии, географии и пр. В зависимости от того, что именно называет имя собственное, принято выделять: антропонимы, если это имена, фамилии, прозвища человека (исследованием антропонимов занимается антропонимика); имена собственные, называющие географические объекты, классифицируются как топонимы и исследуются, соответственно, топонимикой; клички животных, изучаемые зоонимикой, составляют ряд зоонимов, и т.д. Необходимо учитывать тот факт, что отдельное имя может получить любая реалья окружающей действительности: из этого следует, что имен собственных существует неисчислимо множество.

В современной лингвистике популярны исследования, касающиеся имен собственных в художественной литературе. В самостоятельную научную дисциплину в этой связи выделилась литературная ономастика – раздел ономастики, занимающийся изучением онимов и специфики их употребления в художественных текстах. Это обусловлено, на наш взгляд, расширением сферы исследования языка художественного текста, лингвистики текста. По мнению В.В. Виноградова, «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах ... не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [1, с. 38]. Логично предположить, что литературная ономастика, возникшая и существующая на фоне общенародной ономастики, опирается на нее, поэтому является вторичной. Писатель, создающий художественный текст, в любом случае придерживается существующих ономастических норм, даже если стремится от них абстрагироваться. Естественно, возможны ситуации, когда писатель, в целях реализации художественного замысла, прибегает к ономастическому творчеству, но даже в этом случае он не может не считаться с определенными правилами употребления имен собственных.

Принято считать, что имя собственное – это «уникальный элемент художественного целого, без осознания значимости которого невозможно адекватное понимание текста» [2, с. 3]. Однако имя не существует в тексте самостоятельно: оно всегда взаимосвязано с другими элементами текста, поскольку это необходимо для создания художественного образа. Соответственно, исследовательский интерес ученых, занимающихся проблемами литературной ономастики, заключается прежде всего в поисках связей между онимом и текстом, в пространстве которого он функционирует. Известно, что «писатель подбирает либо конструирует не только личные имена, но и все компоненты ономастического пространства произведения. Он знает характеры, занятия, душевные и физические данные персонажей. И в этой ситуации имя не может не войти в какие-то связи с уже известными свойствами персонажа и задачами произведения» [3, с. 11]. Эти связи могут оказаться многоплановыми и разнообразными, но они не всегда специально запланированы, осознанно введены автором. Имя в художественном произведении может сказать больше, чем задумал писатель [4, с. 36]. Анализ взаимодействия всех этих систем позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной

ономастической единицы. Очевидно, что введение автором в произведение конкретных ономастических единиц всегда не случайно, подобный выбор всегда обусловлен непосредственно ассоциациями автора, связанными с тем или иным именем. Имя может отражать автобиографическую информацию, историко-культурную, хронотопическую и т.п. [2, с. 3]. Эта позиция, безусловно, находит подтверждение и у исследователей творчества А. Платонова. Так, например, самый авторитетный знаток биографии А. Платонова – Н.В. Корниенко – считает, что «платоновский текст автобиографичен и точен в реалиях» [5, с. 11].

Судьба А. Платонова была теснейшим образом связана с Воронежем, где родился, жил и создавал свои произведения писатель. В связи с этим творчество А. Платонова активно исследуется воронежскими учеными, в том числе и представителями воронежской ономастической школы. Так, например, Г.Ф. Ковалев занимался рассмотрением названия одного из веховых произведений А. Платонова – романа «Чевенгур». По мнению ученого, название романа вызывало и продолжает вызывать споры в кругах исследователей, и обусловлено это, на наш взгляд, необычностью выбранной автором для названия лексемы. Г.Ф. Ковалев считает, что интерпретация названия напрямую влияет на понимание произведения [6, с. 328]. Хотелось бы отметить справедливость суждений Г.Ф. Ковалева: многие исследователи придерживаются точки зрения, что название, заглавие произведения – это важнейший компонент его композиции, поскольку текст произведения должен представлять собой развернутое заглавие. Идеальной считается ситуация, когда заглавие содержит в себе краткое изложение сюжета произведения, демонстрирует систему образов, авторское отношение к героям и пр.

Исследованием ономастики ранних произведений А. Платонова, развивая идеи Воронежской ономастической школы, занимались ученики Г.Ф. Ковалева. Так, например, в Воронежском государственном университете Чыонг Тхи Фыонг Тхань защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и автобиографические произведения)» [7], на основе которой издана монография «Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова» [8]. Автор данных работ делает акцент на том, что произведения А. Платонова с точки зрения особенностей употребления ономастических единиц практически не исследованы, отсутствуют работы по комплексному изучению ономастики произведений А. Платонова. В рассматриваемой работе предпринимается попытка выявить специфику ономастической системы ранних и автобиографических произведений А. Платонова. В результате исследования автор приходит к выводу, что А. Платонов использует в текстах своих произведений наполненные автобиографизмом как реальные, так и вымышленные имена собственные, которые были либо выбраны из уже существующих, либо придуманы самим автором, что было необходимо для отражения авторского замысла.

Немалый вклад в исследование творчества А. Платонова с точки зрения особенностей употребления ономастических единиц внес также известный воронежский ученый О.Ю. Алейников, посвятивший анализу произведений данного писателя большое количество работ. Так, например, ученым создана монография «Андрей Платонов и его роман «Чевенгур» [9]. Это монументальное исследование, являющееся результатом многолетнего труда, поисков известного ученого, глубокого интерпретатора платоновских текстов; здесь предпринята попытка открыть путь к познанию глубин платоновского наследия. Введение О.Ю. Алейниковым в научный оборот огромного количества свидетельств, «удостоверяющих» сюжетно-фабульные линии, эпизоды, лица «Чевенгура» и других произведений писателя, взрыхлило почву для адекватных интерпретаций его творений и позволило несколько иначе взглянуть на природу его дара — способность произрастать из конкретно-исторических форм той жизни, участником, свидетелем и создателем которой он был [10, с. 124].

Помимо этого, О.Ю. Алейников является автором ономастического исследования «Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан». В данной работе ученый предпринимает попытку изучить семантику имен персонажей повести «Джан», написанной А. Платоновым под впечатлением от командировки в Среднюю Азию. О.Ю. Алейников отмечает системность, проявленную писателем при отборе антропонимов. Авторский замысел, иносказательные смыслы, реализованные в художественном тексте, выявляются также в свете значений персидских и тюркских личных имён [11]. Но исследователем отмечаются определенные сложности, которые возникают в процессе рассмотрения личных имен персонажей повести «Джан». Очевидная причина тому – разночтения в установлении культурных кодов, реализованных в тексте этого произведения [11]. Эту точку зрения подтверждает и подробный анализ тех записей, которые делал А. Платонов во время поездки в Туркмению; на ос-

новании этого анализа можно сделать вывод, что во время поездки по Средней Азии писатель интересовался именами арабского, персидского, тюркского происхождения, в то время как библейские имена его не интересовали. А вот восточная ономастика Платонова привлекала, занимали этимология, перевод, принадлежность к мужскому и/или женскому роду имен, распространенных на территории Средней Азии.

Помимо уже отмеченных работ, достаточно известными являются труды воронежского краеведа О.Г. Ласунского, который, исследуя жизнь и творчество А. Платонова, обнаружил новые платоновские тексты, а также ценные биографические материалы, позволяющие во многом иначе взглянуть на известные прежде факты. Так, например, именно О.Г. Ласунский в процессе работы в одном из архивов Москвы нашел выписки из метрической книги, на основании которых и была выяснена точная дата рождения писателя, впоследствии ставшая официальной, принятой всеми биографами Платонова – 16 августа 1899 года, а не 1 сентября 1899 года, как было принято считать до того. О.Г. Ласунский, как и многие исследователи творчества А. Платонова, подчеркивает необычайную автобиографичность его произведений, но отмечает также и то, что в официальных автобиографиях писателя встречается большое количество как прямых ошибок, так и темных мест. По мнению ученого, эта ситуация обусловлена тем, что нелегкая жизнь писателя способствовала утрате документальных свидетельств.

Значителен вклад в платоноведение воронежских исследователей – Л.А. Ивановой, Е.Г. Мущенко, В.А. Свительского, В.П. Скобелева, Т.А. Никоновой и др. С 1989 г. в ВГУ проходят Платоновские чтения, с 2000 г. в Воронеже издаётся информационно-справочный бюллетень «Платоновский вестник».

Помимо воронежских ученых, исследованием творчества А. Платонова занимаются и за рубежом. Так, в 2019 г. в Минске вышла научная статья аспиранта БГПУ Е. Соловей, посвященная рассмотрению антропонимического пространства персональности повести А. Платонова «Котлован». Автор данного исследования обращает внимание на то, что А. Платонов никогда не дает героям своих произведений случайных имен: они всегда играют важную роль в характеристике персонажей и являются маркерами причастности героев определенной эпохе [12, с. 158].

Однако, несмотря на внушительное количество исследовательских работ, рассматривающих особенности употребления ономастических единиц А. Платоновым, мы считаем, что эта тема недостаточно изучена; существует необходимость более подробного рассмотрения творчества А. Платонова с точки зрения индивидуально-авторских особенностей употребления ономастических единиц в художественных произведениях и создания системного труда в этом направлении.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., Наука, 1963. 253 с.
2. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Воронеж, 2020. 40 с.
3. Ворошилова Е.В., Васильева С.П. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. 138 с.
4. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34-40.
5. Корниенко Н.В. Невозвращение Платонова // Литературная газета. 1999. № 35. С. 11.
6. Ковалев Г.Ф. «Чевенгур» - к спорам о смысле названия // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 328 - 332.
7. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и автобиографические произведения). Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2020.
8. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. 164 с.
9. Алейников Ю.О. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. 222 с.
10. Хрящева Н.П. «Родословная» романа А. Платонова «Чевенгур»: опыт прочтения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodoslovnaya-romana-a-platonova-chevengur-opyt-prochteniya-aleynikov-o-yu-andrey-platonov-i-ego-roman-chevengur-monografiya-voronezh-nauka> (дата обращения: 21.01.2021).
11. Алейников О.Ю. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан». URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2015/02/2015-02-01.pdf> (дата обращения: 21.01.21)

12. Соловей Е.И. Антропонимическое пространство персональности повести А. Платонова «Котлован» // Теория и практика современной науки: материалы международной (заочной) научно-практической конференции. Минск, 2019. С. 150 – 160.

References

1. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. Moscow, 1963. 253 p.
2. Skuridina S.A. Onomastic code of the fiction texts by F.M. Dostoevsky. Abstract ... Doctor of Philology. Voronezh, 2020. 40 p.
3. Voroshilova E.V., Vasilieva S.P. Onomastics in literature: a course book. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2009. 138 p.
4. Karpenko Y.A. Proper names in literature // Philological sciences. 1986. Vol. 4. P. 34-40.
5. Kornienko N.V. Not-coming-back of Platonov // Literary newspaper. 1999. Vol. 35. P. 11.
6. Kovalev G.F. "Chevengur". To the discussion about the meaning of the title // Kovalev G.F. Selected works. Literary onomastics. Voronezh, 2014. P. 328 - 332.
7. Chyong Tkhi Fyong Tkhan. The specificity of Andrey Platonov's onomastics (early and autobiographic works). Thesis... PhD in Philology. Voronezh, 2020.
8. Chyong Tkhi Fyong Tkhan. Onomastics in Andrey Platonov's and autobiographic works. Voronezh, 2019. 164 p.
9. Aleinikov O.Y. Andrey Platonov and his novel "Chevengur". Voronezh, 2013. 222 p.
10. Khryashcheva N.P. The "genealogy" of the novel "Chevengur" by Andrey Platonov: the experience of reading. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodoslovnaya-romana-a-platonova-chevengur-opyt-prochteniya-aleynikov-oyu-andrey-platonov-i-ego-roman-chevengur-monografiya-voronezh-nauka> (date of application: 21.01.2021).
11. Aleinikov O.Y. Semantics of the character's names in A. Platonov's story "Dzhan" // URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2015/02/2015-02-01.pdf> (date of application: 21.01.21)
12. Solovey E.I. Anthroponomical space of the person in A. Platonov's story "The foundation ditch" // Theory and practice of modern science. Minsk, 2019. P. 150 – 160.

УДК 82-1/-9: 820.0

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.75.19.010

Казанский (Приволжский) государственный университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русской и зарубежной литературы
Хабибуллина А.З.
Россия, г. Казань, тел. +79050266475
e-mail: alsu_zarifovna@mail.ru

Kazan (Volga region) state university
Cand. Of philology, associate Professor of the De-
partment of Russian and foreign literature
Khabibullina A.Z.
Russia, Kazan, mob. +79050266475
e-mail: alsu_zarifovna@mail.ru

А.З. Хабибуллина

ЭЛЕГИЯ В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XIX-НАЧАЛА XX ВВ: КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160006)

Статья посвящена сопоставительному исследованию жанра элегии и элегизма как самостоятельного модуса художественности в русской и татарской поэзии XIX-начала XX вв. в свете категории времени. Установлено, что элегия не вошла в круг канонических и неканонических жанров татарской литературы начала XX века, что значительно усложняет исходную ситуацию сопоставления национальных литератур. Сделан вывод о том, что исторически русская элегия существовала в художественном пространстве времени, в ее содержании особое звучание имел мотив переживания лирическим субъектом настоящего момента бытия в ценностном свете прошлого (В.И. Козлов, О.В. Зырянов, В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров). Исследования ученых-востоковедов (Г.Э. Грюнебаум, Л. Масиньон, А.М. Шimmel) показали, что время в сознании восточного поэта как будто стремится «оставаться на месте»; время здесь не линейное в своей протяженности, оно не определяется различиями границ прошлого, настоящего и будущего. Напротив, в нем особое место уделялось переживанию мгновений, причем не всегда расположенных в необратимой последовательности. Сделан вывод о том, что татарское художественное сознание, испытавшее воздействие традиций литератур Востока, имеет сходные черты мировосприятия, что в значительной мере обусловило уникальность пути становления элегического жанра в национальной литературе. Фактическую основу работы составил сопоставительный анализ элегии А.С. Пушкина «Прощанье» (1830) и стихотворения Дэрдмента «Эгэр барсан, саба жил, безнең илгэ» («Ветер утренний, если летишь в нашу сторону...»). Установлено, что произведение Дэрдмента отличается тонким элегическим звучанием. Последнее можно рассматривать как особый тип художественности, на основе которого возник диалог русской классики и татарской литературы в аспекте ценностной категории времени и ее важнейших художественных свойств.

Ключевые слова: элегия, элегизм, Пушкин, Дэрдмент, категория времени, мотив воспоминания, сопоставление литератур.

A.Z. Khabibullina

ELEGY IN RUSSIAN AND TATAR POETRY OF THE XIX-EARLY XX-TH CENTURIES: THE CATEGORY OF TENSE

(The study was carried out with the financial support of the RFBR and
Government of the Republic of Tatarstan in the framework of the scientific project No. 18-412-160006)

The article is devoted to the comparative study of the elegy genre and elegism as an independent mode of artistic expression in Russian and Tatar poetry of the XIX – early XX centuries in the aspect of tense. It is stated that elegy was not included in the field of canonical and non canonical genres of Tatar literature of the early XXth century and this causes some problems in the original situation of national literary comparison. It is concluded that historically Russian elegy existed in artistic sphere of tense and the motive of the lyric character's experience of current moment in an aspect of value had a specific sound in its content (V.I. Kozlov, O.V. Zyryanov, V.E. Vatsuro, M.L. Gasparov). The orientalist's studies (G.E. Griunebaum, L.Masinyon, A.M. Shimmel) showed that tense in the conscience of the oriental poet tends to "stop"; time here is not linear in its length, it is not marked by the differences of the past, present

and future. In the contrary, special attention was paid to the experience of moments, not always arranged in an invertible sequence. The author comes to the conclusion that Tatar artistic mentality experienced the influence of oriental literature has similar features in worldview which determines the uniqueness of the way the elegiac genre formed in the national literature. The actual basis of the work is comparative analysis of A.S.Pushkin's elegy "Farewell" (1830) and poems by Derdmend «Әгәр barsаң, saba жil, beznen ilgә» ("If you go, morning wind, to our land"). It is stated that poem by Derdmend differs by its subtle elegiac sound. The latter can be viewed as a special type of artistry which serves as the basis for the dialogue of Russian classics and Tatar literature in the aspect of time value category and its most important artistic features.

Key words: elegy, elegism, Pushkin, Derdmend, tense category, the motive of flashback, literary comparison.

Среди актуальных вопросов современной сопоставительной жанрологии особое место занимает вопрос об элегии в истории национальных литератур России, в нашем случае – русской и татарской поэзии XIX-XX вв. Основная трудность его рассмотрения состоит в том, что элегия не вошла в круг традиционных жанров татарской поэзии рубежа веков, о ее существовании мало говорит история татарской литературы.

Такая исходная проблемная ситуация ведет исследователей-компаративистов к мнению об уникальном и не линейном характере соотношения («со-существования») русской элегии с другими, близкими ей жанрами и жанровыми элементами, которые сложились в татарской литературе. Выскажем в этой связи предположение: элегия как жанр русской лирики гомологичен *разным* формам национальной литературы, в которых большое значение имеет «состояние сознания героя», «определенный тип мировосприятия» и одновременно – стремление к «гармоническому примирению противоречий бытия» [1; с. 115-118]. Речь идет о такой жанровой интенции, в которой высшую ценность для героя приобретает обостренное чувство нарушения гармонического равновесия, порождающего тоску об утраченных возможностях, нереализованном идеале, а иногда и размышлений о смерти.

Предпринятый подход к изучаемому вопросу подтверждается современными исследованиями категории жанра (Ж. Женетт, Ю. Тюпа, Н. Тамарченко, С.М. Зенкин). Так, согласно взглядам С. Зенкина, «жанры можно изучать как типы развертывания речи или как типы ее завершения, как бесконечную деятельность, или как законченный объект, который она производит. В этом смысле полезно разграничивать *жанры дискурса и жанры текста*: есть романическое и есть роман, есть трагическое и есть трагедия» (выделено нами – А.Х.) [2; с. 241]. То, что художественный текст может быть незавершенным в аспекте его восприятия, доказывает то, что «он может быть и многожанровым, точнее мультидискурсивным, жанрово определенным он становится только после завершения, когда на вариативность частей, сменяющих друг друга тем и форм дискурса, накладывается окончательность общей формы текста» [2; с. 243].

С позиции сопоставительного литературоведения разграничение в жанрах различных «типов развертывания речи» достаточно значимо, т. к. данный подход предполагает выход за пределы *универсальности* разных моделей жанров в ту абстрактную и воображаемую область, где могут пересекаться и находить свое выражение неоднородные ситуации, предметы, персонажи, сложившиеся в многообразии жанров в разных национальных литературах. Об этой «открытой бесконечности» С. Зенкин пишет следующее: «Модусы и тематические типы – типологические категории, жанры – исторические; первые пребывают в неподвижности абсолютных форм, вторые по-разному эволюционируют, возникают, скрещиваются и исчезают в разных литературах [2; с. 249].

В этом аспекте продуктивным видится рассмотрение элегического модуса художественности в лирике татарских поэтов начала XX века как с точки зрения его сопоставления с жанром русской элегии XIX века, так и ее модальности. Вместе с тем, следует отметить, что под элегическим модусом мы должны понимать, прежде всего, определенный тип мировосприятия, «художественную картину мира», основанную на переживаниях *разлада* с действительностью, *тоске* по утраченной радости, необратимой *потери* счастливой судьбы, идеала, внутренней гармонии и т.п. [3; с. 8]. Именно такая «элегическая картина мира, которая выходит за рамки элегического жанра» выступает своего рода основанием для сопоставления произведений русской и татарской литератур [3; с. 8].

Остановимся подробнее на содержательной стороне жанра русской элегии.

Нужно отметить, что элегия в русской поэзии формировалась в течение долгого времени (XVIII-1/2 XIX вв.), она прошла сложный путь определения устойчивых черт этого жанра.

В современном литературоведении элегия рассматривается как жанр, в котором большое ценностное и художественное значение имеет категория времени. Так, в словарной статье Д.М. Магоме-

довой («Поэтика», 2008), отмечается, что «в основе элегической тематики лежит переживание безвозвратно уходящего времени, уносящего молодость, надежды, мечты, любовь, жизнь и разрушающего ценности и идеалы. <...> Элегическая эмоция сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени для отдельного человека, отпавшего от идиллического мира [4; с. 303-304].

В.И. Козлов, исследуя историю становления русской элегии в контексте западноевропейских влияний, делает убежденный вывод: «во всех элегиях в том или ином виде имеем настоящее в ценностном свете прошлого» [5; с. 20].

В статье М.Л. Гаспарова «Три типа русской романтической элегии» поэтика жанра рассматривается с точки зрения совмещения между собой разных пластов времени: прошедшего, настоящего и будущего. Исходя из тезиса о том, что «чем однообразнее традиционное содержание жанра, тем больше заботы должен приложить элегический поэт, чтобы стройно развернуть и подробно разработать избранную стандартную тему – “уныние”, “уединение”, “разочарование” и т.п.», М.Л. Гаспаров выделяет основные типы русской элегии. Это – «расчлняющая» («аналитическая») элегия Баратынского («Падение листьев», «Две доли, «ропот», «Утешение» и др.) и «совмещающая» или «гармонизирующая» Пушкина («Погасло дневное светило», «Ненастный день потух», «Желание славы», «Я пережил свои желанья») [6; с. 363]. Так, в «совмещающей» элегии Пушкина тема воспоминаний создается в разных ракурсах (или сменой точек зрения – «я» и «ты»). К примеру, одна из известных элегий Пушкина «Погасло дневное светило» «оказывается построенная на том, что перед читателем трижды проходят одни и те же воспоминания – сперва как “прошедшее в настоящем”, потом как “прошедшее в настоящем на грани прошлого”. И этих малых сдвигов ракурса, – считает исследователь, – достаточно, чтобы избежать монотонности и получить, так сказать, стереоскопическое ощущение элегической темы» [6; с. 371].

В кругу научных концепций, посвященных проблеме восприятия времени в субъектно-объектной структуре элегии, заметно выделяется монография О.В. Зырянова «Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект». В ней одной из основных является мысль о том, что элегическое сознание русской лирики начала XIX века всегда существовало в пространстве «драматического переживания времени». По мнению исследователя, «элегическое переживание, как правило, обращено к прошлому, но прошлое в элегии – это не геометрически замкнутая сфера, внутренне уравновешенная и гармоничная, подданная в идеализированном виде, как, например, в идиллии. Прошлое составляет часть настоящего, причем живую и действенную ее часть, сохраняющуюся в душе лирического субъекта в виде актуальной и остро переживаемой ценности» [1; с. 169]. Последнее воспринимается субъектом элегии через память, а именно воспоминание о прошлом, которое, однако, не исчерпывается его «непременной идеализацией» [1; с. 170].

Таким образом, ценностная категория памяти, создающаяся из различных проявлений настоящего и будущего времени, запечатлена в памяти лирического субъекта, при этом она полноправно входит в хронотоп элегического жанра. Опираясь на элегический опыт раннего А.С. Пушкина (речь идет, прежде всего, о цикле «Элегии», куда вошли 15 стихотворений поэта, созданных в лицейский период), О.В. Зырянов вместе с тем подчеркивает то важнейшее состояние лирического героя, которое отделяет его от абсолютного неверия в светлую надежду или «сожаления об утраченном». Для субъекта русского лирика – это «выход в ахронное состояние (мир вечных ценностей)», как, например, в первой элегии цикла «Опять я ваш, о юные друзья» (1817). В ней открыто звучит мотив дружбы – воплощение «нормальных», «здоровых ценностей» бытия, утверждающих веру в будущее и высокую мечту [1; с. 170-171]: «Опять я Ваш, о юные друзья! Туманные сокрылись дни разлуки / И брату вновь простерлись ваши руки, / Ваш резвый круг увидел снова я» [7; с. 151].

Оставляя в стороне анализ других, сложившихся в литературоведении представлений о времени в архитектонике русской элегии XIX века (В.Э. Вацура, С.Н. Бройтман, Е.Н. Рогова и др.), сформулируем главное положение нашей статьи: в традиционном восточном художественном сознании время не определяется условными знаками (прошлое, настоящее, будущее), оно, точно остается на месте, а соответственно, «не переживается» элегическим субъектом так, как это требует поэтика жанра. «Другой» взгляд на время в пространстве элегии обусловлено уникальностью мировосприятия восточного (в том числе – татарского) поэта, по сравнению с поэтом русской литературы и западноевропейских традиций.

При этом мы полагаем, что переживание времени в таком различительном аспекте наиболее полно иллюстрирует сопоставление русской элегии XIX века и татарской поэзии начала XX.

Ощущение неопределенности будущего, стремление остановиться во времени, заданном высшей силой (Богом, Творцом), – такие интенции обусловлены, в первую очередь, особенностями *исламского мировосприятия*, определившего во многом культурную идентичность восточных литератур в сопоставлении с литературами России и Запада.

Так, с точки зрения зарубежного востоковеда Г.Э. фон Грюнебаума, в представлении восточного поэта время – не ценностная категория: оно не линейное в своей протяженности, не построено по принципу саморегуляции; время считается «дискретной последовательностью атомов времени». «Бог, – пишет Г.Э. Грюнебаум, – воссоздает мир в каждый из атомов времени, но только на момент продолжительности этого атома. Некоторые мыслители доходили в рассуждениях до утверждения о временной ирреальности интервалов между отдельными атомами времени» [8; с. 179]. В свете такого мировоззрения человек, например, рассматривался «состоящим из атомов и акциденций». Вера определялась как сумма добрых дел [8; с. 180].

Как видно из сказанного, подобный взгляд существенно отличается от историзма в общеевропейском понимании; тенденция рассматривать мир как прерывный нивелирует ощущение времени в виде последовательных, как бы идущих друг за другом, его условных границ – прошлого, настоящего, будущего. Такое мировосприятие делает неопределенным, незавершенным саму идею будущего и даже мысль о нем, столь значимую для европейского человека, оставляющего *там* свои идеалы и намерения.

Тоже стремление не видеть во времени источник ценностных представлений о памяти прошлого, по сравнению, например, с неопределенным будущим, обнаруживается в концепции Л. Масиньон – зарубежного ученого-арабиста XX века. В своей статье «Методы художественного выражения у мусульманских народов» исследователь утверждает, что для «мусульманского теолога время не имеет протяженности. Для него существуют только мгновения, *причем не обязательно расположенные в необратимой последовательности*. Мусульманская теология очень быстро пришла к мысли о том, что время может быть обратимо. Для нее существует только последовательная цепь мгновений, которая может быть разорвана или обращена вспять, если того пожелает бог» (выделено нами – А.Х.) [9; с. 49].

Во взглядах арабиста выделяется, таким образом, категория мгновения, т. к. «время есть искусственное построение из отдельных мгновений, и только мгновения, которое бог может творить, как хочет» (сравните данное положение с философией времени в художественном мире элегического жанра!) [9; с. 56]. В свете сказанного большое значение в литературах арабо-мусульманского Востока имеет, соответственно, не оживление в образах воспоминаний о прошлом, не отчаянное сожаление о безнадежно утраченном идеале любви, который невозможно воскресить в настоящем или увидеть в далеком будущем, а «воспоминание как таковое» [9; с. 58].

Именно воспоминание в этом аспекте вполне может рассматриваться как важнейшая архитектурная сторона элегического модуса художественности в татарской поэзии начала XX века. В его основе, как и в русской элегии, находится момент «расчленения целостной картины мира» [3; с. 10]. Вместе с тем в татарском художественном сознании оно не предполагает открытого противопоставления субъекта и действительности, а также «принципиальную ценностную разобщенность личного существования с Всеобщим природным бытием» [3; с. 10].

Особо отметим, что наиболее полно различия между переживанием времени в литературах Востока и Запада иллюстрируют произведения суфийских поэтов-мистиков (суфизм – мистическое течение в исламе (слово «суф» означает облаченный во власяницу)): Саади, Хафиза, Джамии, Руми. Согласно взглядам известных востоковедов (И.С. Брагинский, А.М. Шimmel, Л. Массиньон, И.М. Фильштинский), в суфизме, питавшем литературу и культуру иранских, тюркских и арабских народов (IX-XVIII вв.), время сопряжено с категорией мгновения – важнейшей как в понимании философии суфизма, так и в поэтике произведений восточных авторов. «Речь идет, – рассуждает А.М. Шimmel, – о слове *вакт* – букв. “время”, – означающем “это мгновение”, т.е. мгновение, когда суфию даруется некое мистическое состояние. “Время – разящий меч”: оно отсекает прошлое и будущее и оставляет человека совершенно нагим в присутствии Бога. Поэтому суфия, который полностью ему отдается и принимает посланное Богом, не думая о настоящем, прошлом или будущем, называли *ибн ал-вакт*, сыном этого мгновения» (выделено автором) [10; с. 107].

Конкретизируем названные выше различия сопоставительным примером.

Обратимся к стихотворению Пушкина «Прощанье», которое было посвящено графине Е.К. Воронцовой и вошло в цикл элегий, созданных поэтом в период Болдинской осени, в 1830 году, и Дэрдменда «Эгэр барсаң, саба жил, безнең илгә» («Ветер утренний, если летишь в нашу сторону...»). Произведение татарского поэта было написано в самом начале XX века. По мнению исследователей (Г. Халит, Ю.Г. Нигматуллина, А.М. Саяпова), лирика Дэрдменда, проникнутая мотивами печали, страдания, элегична, также она передает трагическое мироощущение татарского поэта. Об этом, в частности, пишет А.М. Саяпова: «Дэрдменд – один из тех представителей начала XX века, для которого характерен пессимизм как основа экзистенциального мироощущения. Он из тех, кто с грустью размышлял о величии трагизма жизни человечества, собственного существования» [11; с. 55].

Сопоставление их не случайно. В произведениях *общими* являются мотивы разлуки и воспоминания, существующие в ценностном аспекте представлений о времени, его неумолимого и необратимого беге. Вместе с тем в пространстве разных национальных литератур эти элегические мотивы уникальны.

Среди основ, обуславливающих выбор сопоставительного материала, выделяется и тот факт, что Дэрдменд известен как переводчик на татарский язык пяти произведений русского классика, самым значительным из которых – стихотворение «Зимний вечер» («**Кышкы төн**», 1907) [12; с. 7]. Указанное обстоятельство, несомненно, подтверждает интерес татарского поэта к поэзии Пушкина, позволяя, в том числе, в расположенных рядом произведениях, выделить то общее и уникальное, что отличает архитектуру элегии и элегического (элегизма) в национальных литературах.

Обратимся к сопоставительному анализу.

Пушкин:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его [7; с. 479].

Дэрдменд:

Эгэр барсаң, саба жил, безнең илгә,
Сәламләр әйт, сәлам ул ничкә билгә!
Төшендә юл өчен чәчкәен тарасын,
Гарибнең кайтырындан фал карасын,
Ходаендан кавышмаклык сорасын.
Сәламанәр әйт, сәлам ул ничкә билгә!

Дәрийгъ, бер гомер икән сөргән элек без,
Йөрер бергә, көлер-уйнар идек без.

Ветер утренний, если летишь в нашу сторону,
Передай, передай привет моей тоненькой!
Пусть приснится (к дороге), что гребнем ласкает локоны,
Пусть по книге Судьбы загадает – буду ли около,
Пусть Всевышнего просит: – Верни воспарившего сокола...
Передай, передай привет моей тоненькой!

Бу көндө Сак белән Соклар кебек без...
Сәламнәр әйт, сәлам ул ничкә билгә!
[14; с. 91].

Скорбь какая! Мы жили жизнью одной,
Вместе росли, играли, смеялись вместе с то-
бой,
А сегодня, как Сак и Сок, разлучены с тобой...
Передай, передай привет моей тоненькой! (Пе-
ревод Н.Беляева) [14].

Как отмечалось выше, в элегии Пушкина достаточно ясно звучит мотив любовного расставания, выраженного с помощью выразительной метафоры – «прощанье сердца моего», которая по своему акцентирует мотив движения времени. Признание поэтом необратимости вселенского хода времени, его стремительного движения вперед (Бегут, меняясь, наши лета, / Меняя все, меняя нас) развивает основную тему пушкинской элегии – тему смерти. Интересно отметить, что в произведении она входит как в образ *судьбы* самого поэта, так и той, которая до сих пор будит его память о счастливом прошлом: Уж ты для своего поэта / **Могильным сумраком одета**, / И для тебя **твой друг угас** [7; с. 479]. Вмешательство судьбы в элегический мир героя Пушкина точно описал В.А. Грехнев: «Прошлое у него [Пушкина – А.Х.] чаще всего мучительно, оно обжигает память. Одинаково мучительно и расставание с минувшим, и его неустрашимое присутствие в настоящем, и боль забвения (знакомая Пушкину задолго до Тютчева). Уйти от минувшего не дано, ибо оно отмечено знаком судьбы. Это понятие – ключевое для пушкинской концепции времени» [15; с. 181].

Представленная в стихотворении элегическая медитация (Прими же, дальная подруга, / Прощанье сердца моего) раскрывает глубину субъективных и тонких переживаний лирического героя, которые становятся для него предметом сложной внутренней рефлексии и «самоценного созерцания» [16; с. 58].

Интересным в этой медитации является также сравнение образа «дальней подруги» с «овдовевшей супругой»: Прими же, дальная подруга, / Прощанье сердца моего, / Как овдовевшая супруга [7; с. 479]. Такое рифмующееся сравнение углубляет в последней строфе взгляд на смерть не только как неизбежный финал жизни: смерть проникает в чувства героя, а также в память о *ней* – прошлой «робкой» любви поэта. Теперь и *она*, подобно «овдовевшей супруги», навсегда расстается со своей «сердечной» мечтой.

Вместе с тем элегия Пушкина, несмотря на трагическую тональность, обращена к «высокому регистру», к миру вечных ценностей [1; с. 172]. Неслучайно, по мнению О.В. Зырянова, в ней «теме смерти противопоставляется у Пушкина механизм памяти, воскрешающая сила мечты. Способность “будить мечту сердечной силой” помогает лирическому субъекту хотя бы на короткий срок воскресить пережитое им некогда чувство и тем самым победить непреложный ход времени» [1; с. 151].

В стихотворении Дэрдменда «Эгәр барсаң, саба жил, безнең илгә» («Ветер утренний, если летишь в нашу сторону»), в отличие от пушкинского, элегическая тема разлуки звучит по-другому: она соотносится с «чисто восточным» взглядом на бытие и время. Прежде всего, отметим, что жанровый замысел произведения не связан с элегией: поэт не упоминает ее применительно к своему стихотворению. Однако мотив расставания, ставший импульсом к мотиву воспоминания, звучит в произведении в унисон элегизму как особенному типу художественности и мироощущения поэта.

Стихотворение Дэрдменда имеет общее с русской унылой элегией: она сразу развивает «сюжет прихода воспоминания» (В.И. Козлов): лирический герой обращается к ветру принести ему весть о своей любимой, называя ее по-доброму – «тоненькой»: Эгәр барсаң, саба жил, безнең илгә, / Сәламләр әйт, сәлам ул ничкә билгә! (*Ветер утренний, если летишь в нашу сторону, / Передай, передай привет моей тоненькой!*) [13; с. 91].

Вместе с тем первая строфа открыто подчеркивает и совершенно другой пласт переживаний лирического субъекта: обращение к Всевышнему указывает как на черты антропологического мышления поэта, так и на его способность выходить за пределы собственного мира переживаний в другое бытие: Төшендә юл өчен чәчкәен тарасын, / Гарибнең кайтырындан фал карасың / Ходаендан кавышмаклык сорасын (*Пусть приснится (к дороге), что гребнем ласкает локоны, / Пусть по книге Судьбы загадает – буду ли около, / Пусть Всевышнего просит*) [13; с. 91].

Такое проникновение в мир Бога, вера в Него создается с помощью образа ветра (жил) – традиционного для лирики поэта. К нему Дэрдменд обращается во многих своих произведениях: «Кораб» («Корабль»), «Без» («Мы»), «Яз чәчәге» («Весенний цветок»). Именно обращение лирического субъекта к ветру, подобно герою заклинания, передает иной, чем в русской элегии, характер рефлексии.

Он направляет ее на ветер, т.е. на другое («ты»), а не на себя, как в элегии. Справедливо утверждать, что «этот другой воспринимается не в объектных, а субъектных формах», что хорошо передают такие слова-обращения, как «пусть загадает», «пусть просит», «передай привет» [16; с. 58].

Таким образом, мотив расставания с любимой и воспоминания о ней в художественном пространстве стихотворения Дэрдменда связан с преодолением границы своего «я», с приближением к иному миру, в который, в силу своего божественного происхождения, так сильно верит лирический субъект. Как справедливо определила А.М. Саяпова эту черту мышления татарского поэта: «Дэрдменд – художник с глубоким пониманием жизни, способный заглянуть за то, что очевидно видится обычным зрением. Он наряду с Толстым, Тютчевым, Достоевским из тех, открыл глубинную значимость пограничных ситуаций, кто прикоснулся к темным безднам бытия и человеческой души, что нашло выражение в состоянии ужаса и торжественности, одновременно владеющих человеком, оказавшимся на пороге «двойного бытия» [11, с. 129]. Состояние «двойного бытия» лирического субъекта, его упование на Бога в момент глубокой, всепоглощающей тоске о той, с которой он разлучен, – все это определяет качественно иную архитектуру произведения Дэрдменда, заметно отличающуюся от архитектуры русской элегии начала XIX века.

Интересной, с этой точки зрения, видится вторая строфа стихотворения. Она раскрывает те чувства лирического субъекта, которые характеризуется глубокой печалью. В него, в это состояние, близкое к элегическим переживаниям героя Пушкина, также погружен герой произведения татарского автора. Его усиливает *воспоминание о беззаботном прошлом*, в котором остались для него ощущения счастья и родства душ. Однако в отличие от элегии Пушкина, в которой лирический герой через воспоминание о «робкой» любви, о ее светлых чувствах, преодолевает состояние «*иррациональной предзаданности обязательного внутреннего тупика*», лирический субъект Дэрдменда переживает их иначе: *в нем нет открытого сожаления о том, что ушло навсегда. Это иное ощущение утраты.*

Смысловую значимость в этой связи приобретает упоминание *Сак и Сок* в последней строфе – образов двух родных братьев, которые, согласно старинному татарскому баиту, **навсегда** разлучены по воле Всевышнего. С этой точки зрения, обращение к ветру, являющемуся символом «*времени-вечности*», которым также завершается произведение Дэрдменда: *Сэламанэр эйт, сэлам ул ничкэ билгэ! / (Передай, передай привет моей тоненькой), приобретает дополнительный, но уже совершенно не элегический смысл. Оно выводит лирического субъекта к такому вневременному пласту мироздания, в котором память лирического субъекта о своей любимой, становится лишь мгновением, попадающего под неизбежную власть Бога, его волю.*

Таким образом, мы полагаем, что свойственная традиционному восточному сознанию уникальность «чувствования» времени, освобождение последнего от линейных свойств, выступает одной из причин, препятствовавших возникновению жанра элегии в татарской литературе начале XX века, которая могла бы свободно и «на равных» коррелировать с элегией в русской традиции. Вместе с тем сопоставительный анализ произведений Пушкина и Дэрдменда подтвердил тот факт, что элегизм как особый тип художественности можно рассматривать в качестве основы для понимания диалога русской классики и татарской литературы в аспекте ценностной категории времени и ее важнейших характеристик.

Библиографический список

1. Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003. 548 с.
2. Зенкин С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты: учеб. пос. М., 2018. 362 с.
3. Рогова Е.Н. Элегический модус художественности в литературном произведении: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2005. 19 с.
4. Магомедова Д.М. Элегия // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. / Ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 303-304.
5. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М., 2013. 280 с.
6. Гаспаров М.Л. Три типа русской романтической элегии. Индивидуальный стиль в жанровом стиле // Гаспаров М.Л. Избранные труды: в 3-х т. М., 1997. Т. II. О стихах. С. 362-382.
7. Пушкин А.С. Сочинения: в 3-х т. М., 1987. Т.1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила; Поэмы. 735 с.
8. Грюнебаум фон Г.Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры: ст. разных лет. М., 1981. 227 с.

9. Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература: сб. ст. заруб. ученых. М., 1978. С. 46-59.
10. Шиммель А.М. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. Изд. 2-е. М., 2000. 416 с.
11. Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань, 2006. 246 с.
12. Сафина Г.Ф. Лирика Пушкина в татарских переводах: история и поэтика: автореф. дисс. ... филол. наук. Казань, 2014. 27 с.
13. Дәрәмәнд. Исә жилләр. Шигыйрьләр. Казан, 1980. 256 б. (на татар. яз.)
14. Дәрәмәнд URL: <http://www.kitap.net.ru/derdmend2.php#12> (дата обращения – 10 апреля 2020).
15. Грехнев В.А. Лирика Пушкина: о поэтике жанров. Горький, 1985. 239 с.
16. Бройтман С.Н. Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века: учеб. пос. по спец-курсу. Махачкала, 1983. 80 с.

References

1. Zyryanov O.V. The evolution of genre consciousness of Russian lyrics: phenomenological aspect. Yekaterinburg, 2003. 548 p.
2. Zenkin S.N. Theory of literature. Problems and results: ucheb. pos. dlya magistr. i aspirantov. Moscow, 2018. 362 p.
3. Rogova E.N. Elegiac modus of artistry in literary work: autoabstract of cand.diss. Moscow, 2005. 19 p.
4. Magomedova D.M. Eligy // Poetics. The dictionary of current terms and notions. Moscow, 2008. P. 303-304.
5. Kozlov V.I. Russian elegy of non canonical period: typological essays and history. Moscow, 2013. 280 p.
6. Gasparov M.L. Three types of romantic elegy. Individual style in genre style // Gasparov M.L. Selected works; In vol. 3. Moscow, 1997. Vol. II. P. 362-382.
7. Pushkin A.S. Poems; fairy tales; Ruslan and Liudmila; In vol. 3. Moscow, 1987. Vol. I. 735 p.
8. Griunebaum fon G.E. The main features of Arabic-muslim culture; coll. of articles. Moscow, 1981. 227 p.
9. Masynion L. Methods of artistic epression of muslim people // Arabic medieval culture and literature. Moscow, 1978. P. 46-59.
10. Shimmel A.M. The world of Islamic mysticism. Translated from English. 2nd ed. Moscow, 2000. 416 p.
11. Sayapova A.M. Derdmend and the problem of symbolism in tatar literature. Kazan', 2006. 246 p.
12. Safina G.F. Pushkin's lyrics in tatar translations; history and poetics. Autoabstract. Kazan', 2014. 27 p.
13. Derdmend. Winds are blowing. Poems. Kazan', 1980. 256 б. (in Tatar language.)
14. Derdmend URL: <http://www.kitap.net.ru/derdmend2.php#12> (date of request – April 10, 2020).
15. Grekhnev V.A. Pushkin's lyrics: about genres poetics. Gor'kiy, 1985. 239 p.
16. Broytman S.N. The problem of dialogue in Russian lyrics of the early XIX century. Makhachkala, 1983. 80 p.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.68.55.011

*Азово-Черноморский инженерный институт,
Донской государственной аграрной
университет
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
и иностранных языков
Крылова М.Н.
Россия, г. Зерноград, тел. 89286024647
e-mail: krylovamn@inbox.ru*

*Azov-Black Sea Engineering Institute, Don State
Agrarian University
PhD, Associate Professor, Professor of the
Department of Humanities and Foreign Languages
Krylova M.N.
Russia, Zernograd, tel. 89286024647
e-mail: krylovamn@inbox.ru*

М.Н. Крылова

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Т. ШАЛАМОВА

В статье описано исследование образов женщин, созданных В.Т. Шаламовым в цикле «Колымские рассказы». Целью стало выявление авторской трактовки образа женщины. Использовались методы наблюдения, анализа, а также интерпретации авторского художественного текста. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые описано понимание писателем образа женщины, выявлены разные подходы автора к данному образу, представленные в сборнике «Колымские рассказы». Писатель изображает несколько различных образов женщин: во-первых, нежных, понимающих, практически идеальных существ, способных поддерживать мужчину даже попутно сказанным словом; во-вторых, бездуховных жён начальства и наёмных работниц, для которых заключённые являются неполноценными людьми, не достойными жалости и в которых раскрываются худшие качества женщин – самолюбование, корыстолюбие. Показывает он и женщин, в образах которых причудливо переплетаются хорошие и негативные качества. В статье делается вывод о том, что для В.Т. Шаламова наиболее важным является гуманное начало в образе женщины, тот посыл искренности, жалости и нежности, который заложен в женщину самой её природой. Такие образы вступают в контраст как с историческим фоном, изображаемым писателем (сталинскими лагерями), так и с образом мужчины, для которого, по В.Т. Шаламову, сберечь то лучшее в характере, что заложено природой и предшествующим воспитанием, в бесчеловечных условиях сложнее, чем для женщины. Образ женщины становится в рассказах В.Т. Шаламова тем ориентиром, который символизирует вечную, не подверженную влиянию внешних обстоятельств доброту и гуманность.

Ключевые слова: Варлам Шаламов, «Колымские рассказы», женщина, образ женщины, лагерная тема.

M.N. Krylova

THE WOMAN'S IMAGE IN CREATIVITY OF V.T. SHALAMOV

The article describes a study of the images of women created by V.T. Shalamov in the story cycle “Kolyma Tales”. The goal was to identify the author's interpretation of the image of a woman. The methods of observation, analysis, as well as interpretation of the author's literary text were used. The scientific novelty of the study lies in the fact that it first describes the writer's understanding of the image of a woman, reveals the author's different approaches to this image, presented in the collection “Kolyma Tales”. The writer depicts several different images of women: firstly, gentle, understanding, almost ideal creatures that are able to support a man even in passing words; secondly, the soulless wives of bosses and hired workers, for whom prisoners are inferior people, not worthy of pity, and in which the worst qualities of women are revealed – self-love, self-interest. He also shows women in whose images good and negative qualities are bizarrely intertwined. The article concludes that for V.T. Shalamov most important is the humane principle in the image of a woman, that message of sincerity, pity and tenderness, which is laid down in a woman by her very nature. Such images come in contrast with both the historical background portrayed by the writer (the Stalinist camps) and the image of a man for whom, according to V.T. Shalamov, to preserve the best in character that is inherent in nature and previous education, in inhuman conditions is more difficult than for a woman. The image of a woman becomes in the stories of V.T. Shalamov that landmark, which symbolizes the eternal, not subject to the influence of

external circumstances, kindness and humanity.

Keywords: Varlam Shalamov, "Kolyma Tales", woman, image of a woman, camp theme.

Творчество Варлама Тихоновича Шаламова (1907-1982) прочно вошло в историю русской литературы как пример художественных произведений, в которых рассказано о невероятных испытаниях, выпавших на долю автора. С 1929 по 1951 годы В.Т. Шаламов с небольшими перерывами был заключённым в сталинских исправительно-трудовых лагерях. Главным его произведением стали «Колымские рассказы», изданные в 1954-1973 годах, в которых автор поведал о страшных реалиях лагерной жизни от первого лица, от лица участника событий. Литературоведы, обращаясь к анализу «Колымских рассказов», анализируют их проблематику и поэтику [1], художественную систему [2], сочетание в рассказах писателя художественных и документальных элементов [3] и т. п. Предметом исследования филологов становятся также и отдельные образы в творчестве писателя, например, мифообразы судьбы [4], образ лагеря [5], образ мужчины [6], образ Троицы [7] и др. Женские образы в творчестве В.Т. Шаламова рассматриваются в первую очередь на материале его лирики. Д.В. Кротова отмечает, что «его представления о женщине – ее верности, преданности, нежности – в русле русской поэтической традиции, идущей еще от пушкинских времен», что в отношении автора к женщине – «преклонение перед женщиной, поэтизация ее образа» [8; с. 47]. Л.В. Жаравина считает, что точкой отчёта в понимании женского начала в поэзии В.Т. Шаламова является «образ Прекрасной Дамы Александра Блока в многообразии ассоциативных связей» [9; с. 16]. Исследователь также отмечает, что данный образ присутствует и в «Колымских рассказах», где с женщинами нередко связаны «необыкновенно светлые и нежные ассоциации» [Там же; с. 27]. В то же время данная линия анализа применительно к «Колымским рассказам» только намечена и нуждается в детальной разработке.

Женские образы рассматриваются литературоведами на материале произведений самых разных авторов. В творчестве И.А. Бунина выделяются «три типа героинь: женщины, которые подчиняются эросу; женщины, которые смело добиваются любви; женщины, которые всю жизнь вспоминают о прошлом» [10; с. 188], в рассказах В.М. Шукшина отмечается традиционность женских образов, женщины здесь «всегда рядом с мужем, скромны, внутренне содержательны» [11; с. 469]. Анализ женских образов, представленных в художественном тексте, особенно важен в современных условиях, когда «налицо новые трансформации образов мужчины и женщины в обществе, политике, литературе, языке» [12; с. 144]. Анализ образа женщины, представленного в прозе В.Т. Шаламова, поможет лучше понять творчество писателя, его этическую составляющую, отражение в нём сущностных признаков окружающей писателя действительности, которая в условиях лагерного заключения по-новому, более глубоко осмысливалась будущим автором «Колымских рассказов». Кроме того, анализ женских образов поможет проникнуть в художественный мир автора, постичь основы его миропонимания.

Целью настоящего исследования стал анализ образа женщины и женских образов в цикле В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», выявление авторской трактовки образа женщины.

В исправительно-трудовых лагерях герой рассказов В.Т. Шаламова оказывается в ситуации, когда вокруг него встречается только несколько особых типов женщин. Это, во-первых, «*бывшие или сущие проститутки – ибо никаких женщин, кроме проституток, в то время в этих краях не было*» («Дождь») [13; с. 39], во-вторых, вольнонаёмные служащие, каждую из которых все знают в лицо, поскольку «*на приiske женщин было очень мало*» («Первая смерть») [Там же; с. 142], в-третьих, «*жены высоких начальников – общественного класса, необычайно далекого...*» («Серафим») [Там же; с. 172], в-четвёртых, женщины-заключённые, каждая со своей участью и своей трагедией. За любой женщиной, волею судьбы попавшей в атмосферу сталинского лагеря, жадно наблюдает множество мужских глаз; каждый её взгляд и поступок трактуются, обдумываются и обсуждаются, и все качества женщин, внешние и внутренние, становятся в этой ситуации, несомненно, экстремальной и для мужчин, и для женщин, особенно явными. В результате на передний план выходят настоящие особенности каждого женского характера, не приукрашенные, не спрятанные за внешними факторами.

Нельзя сказать, что герой В.Т. Шаламова отрицает сексуальную составляющую образа женщины, актуальную для заключённых в местах лишения свободы. Он показывает, что такая составляющая существует, но актуальна она в первую очередь для уголовников – настоящих зеков. К примеру, «блатные» очень ценят изображения обнажённой женщины: «*Крест обычно был гладким, но если случались художники, их заставляли иголкой расписывать по кресту узоры на любимые темы: сердце, карта, крест, обнаженная женщина...*» («На представку») [Там же; с. 9]. Автор создаёт у читателя представление, согласно

которому политические заключённые являются особенными людьми, и женский образ для них – это не просто картинка с обнажённой женщиной, а более тонкое, более глубокое и существенное явление. Это иной мир, который в условиях заключения становится особенно значителен.

Для героя В.Т. Шаламова важны те крохи нежности, которые он получает со стороны находящихся всегда на отдалении в условиях лагеря женщин. В рассказе «Тифозный карантин» упоминается медсестра Лидия Ивановна, которая одной единственной фразой «*Разве они виноваты?*» по поводу того, что героиня «*обовишвел*» [Там же; с. 260], покорила Андреева. Женщине удаётся всколыхнуть в душе героя рассказа чувства, которые, как ему казалось, уже навечно умерли. Реакцию Андреева на эти слова В.Т. Шаламов оформляет в тексте отдельным абзацем: «*На всю свою жизнь запомнил Андреев эту рыженькую Лидию Ивановну, тысячу раз благословлял ее, вспоминая всегда с нежностью и теплотой. За что? За то, что она подчеркнула слово **они** в этой фразе, единственной, которую Андреев слышал от нее. За доброе слово, сказанное вовремя. Дошли ли до нее эти благословения?*» [Там же].

Автор подчёркивает обусловленную самой природой женщины её способность поддержать мужчину, передать ему свою доброту, сердечность и нежность. В условиях лагеря женщина противостоит в этом мужчине, для которого доброта и искренность здесь недопустимы. Причём для мужчины-заключённого, как это демонстрирует В.Т. Шаламов, важными и очень значительными являются слова и поступки, которые для женщины обыденны и естественны. Ещё один подобный приведённому выше пример видим в рассказе «Дождь». Здесь проходящая мимо заключённых женщина «*помахала нам рукой, показала на небо, куда-то в угол небосвода, и крикнула: “Скоро, ребята, скоро!”*. Радостный рёв был ей ответом» [Там же; с. 39]. Обычный поступок простой женщины представляется герою чем-то неслыханным, замечательным, и он ещё долго думает «*о ее мудрости, о ее великом сердце*» [Там же]. Обратим внимание, что «*радостный рёв*», который производят заключённые, увидев женщину и поняв, что она обратила на них внимание, проявила к ним интерес, трактуется героем рассказа не в сексуальном смысле, хотя в принципе такая трактовка в описанной в рассказе ситуации возможна. Для В.Т. Шаламова и для героя его автобиографических рассказов женщина – это источник доброты, ласки и нежности. Женщина способна, сама не заметив, одарить мужчину счастьем, внести в его жизнь тепло, а значит, поддержать его, помочь выстоять.

Интересно, что описанный в данном рассказе случай упоминается ещё в одном рассказе «Первая смерть»: «*Месяцев шесть назад, летом, она проходила вечером мимо нашей бригады, и восхищенные взгляды арестантов провожали ее худенькую фигурку*» [Там же; с. 142]. Здесь же говорится, что проходящая женщина крикнула: «*Скоро уже, ребята, скоро!*» [Там же], что устанавливает тесную связь между данными рассказами. В рассказе «Первая смерть» мы узнаём, что эта женщина – «*Анна Павловна, секретарша начальника нашего прииска*» [Там же], что заключённым приятна и трогает их её способность их понять и что в результате «*Анну Павловну наша бригада любила*» [Там же; с. 143]. В этом рассказе мы узнаём, как погибла Анна Павловна: её убил из ревности приисковый следователь Штеменко, и именно заключённые, ставшие невольными свидетелями преступления, добились того, чтобы убийца был осуждён. В рассказе звучит искренняя жалость героя в адрес женщины и искренне негодование в адрес её убийцы. Подробно описан сам следователь, его непопорочность: «*Штеменко, который “дал дела” многим из заключенных. Он неумолимо допрашивал, нанимал за махорку или миску супа ложных свидетелей-клеветников, вербуя их из голодных заключенных*» [Там же]. Писатель подчёркивает, что человек не может унижать заключённых и быть при этом добрым в отношении к другим, «вольным» людям, что отрицательные качества, свойственные характеру следователя, опасны для всех.

Автором создано несколько пронзительных образов женщин-заключённых. Один из самых ярких – образ Маруси Крюковой из рассказа «Галстук». В.Т. Шаламов подробно описывает внешность девушки (она хромает после того, как во время следствия ей сломали ногу, у неё остеомиелит), её таланты (Маруся – замечательная вышивальщица, «*великая рукодельница, мастерица вышивки*» [Там же; с. 152]), причину получения ею двадцатипятилетнего срока заключения (добровольно возвращавшуюся из эмиграции Марусю арестовали по пути из Японии и сразу осудили), её жизнь в заключении (бесплатную работу вышивальщицы, попытку отравления вероналом и т. п.). Несмотря на все испытания, Маруся – добрая и благодарная девушка, она решает вышить галстуки медикам, которые лечили её в больнице. А когда галстуки отнимает «*грузный, брюхатый не по возрасту*» [Там же; с. 159] представитель лагерного начальства Долматов, Маруся решает хотя бы показать свою работу тем, кому она предназначалась. И героиня рассказа с удовольствием замечает: «*Галстук Долматова был серый, узорный, высокого качества*» [Там же]. Автор не объясняет, почему Маруся пыталась отравиться, упоминает только, что «*это было много позже*

истории с галстуком» [Там же; с. 152]. Он даёт понять, что не это в образе Маруси важно (да мало ли из-за чего девушка в такой обстановке могла захотеть расстаться с жизнью), а её бесконечная доброта, желание помочь другим, умение быть благодарной и, конечно, огромный талант настоящей художницы, который она с щедростью дарит людям.

Такие «душевные» женщины символизируют в рассказах В.Т. Шаламова любовь – чувство, которое для заключённых становится роскошью, недостижимой в настоящем: *«Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания»* («Сухим пайком») [Там же; с. 50], *«Любовь, энергия, способности – все было растоптано, разбито»* («Тифозный карантин») [Там же; с. 267]. И то, что такие женщины (нежные, трогательные, несущие тепло и заботу) есть, позволяет герою В.Т. Шаламова выжить в физическом и духовном смысле, не озлобиться и верить, что любовь существует, что это не только светлое воспоминание прошлого, но и чувство, которое когда-нибудь снова может стать доступным.

Конечно, имеется в виду любовь не в телесном и даже не в эмоциональном плане, не представление о том, что между мужчиной и женщиной устанавливаются какого-то рода отношения, поскольку *«у нас не было гордости, себялюбия, самолюбия, а ревность и страсть казались нам марсианскими понятиями, и притом пустяками»* («Сухим пайком») [Там же; с. 51]. Любовь воспринимается как некое высшее чувство, ассоциируемое с гуманностью и отличающее человека от других живых существ. Вся система колымских лагерей, о которой повествует в рассказах В.Т. Шаламов, была нацелена на то, чтобы лишить человека этой любви и сделать его таким образом уже не человеком. И именно женщины, нежные, недоступные, прекрасные, душевные, символизируют эту любовь, помогают героям «Колымских рассказов» выживать и оставаться людьми.

Однако есть в «Колымских рассказах» и образы женщин, которые явно не вызывают симпатии у рассказчика, а вслед за ним – и у читателя. Это женщины, являющиеся жёнами больших и небольших начальников, часто по совместительству – вольнонаёмными служащими. Это женщины, которые приехали на Север по собственному желанию, многие с целью заработать побольше денег, в том числе *«медицинские дамы»* («Геркулес») [Там же; с. 202]. Автор показывает, что женщина, которая не испытывает сочувствия к заключённым, считает их справедливо наказанными, а нередко – источниками обогащения, перестает быть настоящей женщиной. Таких героинь автор называет *дамами, врачами, хозяйками* и т. п. Это они бросаются на помощь заезжему гостю, для забавы и из хвастовства свернувшему во время праздника голову петуху: *«Дамы, выхватив душистые платочки, бросились наперерыв вытирать брюки почетного гостя»* («Геркулес») [Там же; с. 204], это они даже не приходят на похороны своей прислуги, верой и правдой служившей им годами («Тётя Поля») [Там же; с. 145], это они корыстны и предпочитают жить в посёлках, *«где было больше развлечений и ценители их прелестей были побогаче»* («Серафим») [Там же; с. 172]. Описание таких дам звучит то с едва заметной насмешкой, то с откровенной издёвкой, чего автор достигает с помощью деталей: у них *душистые платочки*, они весьма упитанны: *«Каждая раскормленная дама считала себя красавицей...»* («Серафим») [Там же]. В.Т. Шаламов – признанный мастер художественной детали [14], и в числе прочего его детализация касается описания женщин.

К «бездушным» женщинам относятся и надзирательницы в женском лагере, образы которых также создаются В.Т. Шаламовым. К примеру, *«женщина, член партии, выдававшая ежедневно мастерицам материал и нитки»* [13; с. 155] в уже упомянутом рассказе «Галстук». Образ этой женщины напоминает бездушную машину, которая не способна задумываться над тем заданием, которое выполняет, и видеть в заключённых-мастерицах людей: *«Она караулила тщательно, уверенная в том, что только отвернись – и кусок тяжелого синего шелка исчезнет»* [Там же].

Категория «бездушных» женщин включает и тех жён на воле, которые, чтобы избавиться от своих нелюбимых мужей, писали на них доносы. Такова жена Кузнецова из рассказа «Сука Тамара», бывшая *«официанткой одного из минских ресторанов»* [Там же; с. 84]. Поступок женщины объясняется как вполне рациональный: *«Это средство в те годы было вернее всякого заговора или наговора и даже вернее какой-нибудь серной кислоты – муж, Моисей Моисеевич, немедленно исчез»* [Там же]. Повествование выстроено таким образом, что становится понятно: жена Моисея Моисеевича такая не одна, к примеру, упоминается её *«задушевная подруга-буфетчица»* [Там же], которая и посоветовала написать донос. Случай этот подаётся автором как рядовой, обычный для того времени и опять же показывает нам, что В.Т. Шаламов, как и его автобиографический герой, не идеализирует женщин, понимает, что в характере женщины может присутствовать подлость, беспринципность. Пострадавший от женского коварства муж-

чина в данном рассказе гораздо симпатичнее предавшей его жены: *«Человек он был хороший, тихий и всем желал добра»* [Там же; с. 85].

В контексте создаваемого В.Т. Шаламовым контраста между «душевными» и «бездушными» женщинами интересен образ «дневальной» тётки Поли, которая в течение семи лет служила прислугой в семье начальника (рассказ «Тётя Поля»). Это достаточно сложный, неоднозначный образ. С одной стороны, мы узнаём, что она *«была великая стряпуха»* [13; с. 146], по возможности помогала своим землякам-украинцам, была равнодушна к подаркам. С другой стороны, автор сообщает, что помогала тётя Поля только украинцам, а когда она заболела, вокруг неё развернулась совершенно гипертрофированная суеда – её помещают в отдельную палату, для чего *«десять полутрупов вытащили в холодный коридор»* [Там же; с. 147], бесконечной вереницей появляются в больнице посетители, тётке Поле передают посылки и даже привозят настоящего священника, чтобы её исповедовать. Этот образ показывает, что женщины в понимании писателя не могут строго делиться на хороших (добрых, нежных, жалеющих заключённых) и плохих (жён начальников и некоторых вольнонаёмных, не видящих в заключённых людей; жён-предательниц, пишущих доносы на мужей). В.Т. Шаламов даёт понять, что образ женщины гораздо сложнее, и в женщинах, как и в мужчинах, в условиях жестоких испытаний иногда проявляются отрицательные качества, а иногда даже сложно определить, каких качеств больше – положительных или отрицательных. Мы понимаем, что В.Т. Шаламов не идеализирует женщин, для него важно изобразить их правдиво и реалистично.

Затрагивает автор в одном из рассказов и тему отказа женщин, оставшихся на воле, от заключённых родственников-мужчин. Как известно, отказывались от своих репрессированных родственников и мужчины (сыновья, мужья, братья), и женщины (дочери, жёны, сёстры). Не всегда такой отказ производился по идеологическим причинам: многим оставшимся на воле он был необходим просто чтобы выжить. В рассказе «Апостол Павел» В.Т. Шаламов вводит в повествование образ дочери, отказавшейся от своего отца. Фризоргер бережно хранит фотографию дочери: *«Это была фотография молодой женщины, с каким-то случайным, как на всех снимках “моменталок”, выражением лица. Пожелтевшая, потрескавшаяся фотография была бережно обклеена цветной бумажкой»* [Там же; с. 77]. Для Фризоргера память о дочери, мысль о том, что она где-то существует, – единственные факторы, помогающие выжить. Когда герой рассказа узнаёт о том, что дочь отказалась от отца, он скрывает эту информацию от Фризоргера. Показательно, что в рассказе нет никакого комментария по поводу поступка дочери, вообще не звучит её осуждение со стороны какого-то из героев рассказа или повествователя. Все принимают такое решение неведомой молодой женщины и волнуются только по поводу того, чтобы старый отец о нём не узнал. Мы видим в этом желание героя рассказов В.Т. Шаламова понять женщину, его умение не осуждать её, принять её решение, принятое по неведомым ему причинам. Гораздо важнее в этой ситуации то трепетное чувство, которое Фризоргер испытывает к дочери: *«Фризоргер, окончив вечернюю молитву и улегшись на койку, доставал фотографию дочери и поглаживал цветной ободочек»* [Там же; с. 78] и которое становится важным и для всех окружающих старика. Писатель показывает, что женщина символизирует здесь жизнь, свободу, для заключённого-мужчины само её существование – это знак жизни и указание на то, что его испытания когда-нибудь могут завершиться.

Вообще, женщины, оставшиеся на воле, даже если заключённые не представляют, как они живут, не знают, отказались от своих репрессированных родных или верно их ждут, – это важный фактор, который имеет большую ценность для колымских жителей. В рассказе «На представку» описан заключённый Гаркунов, который отказывается отдать «блатным» шерстяной вязаный свитер, потому что *«это была последняя передача от жены перед отправкой в дальнюю дорогу»* [Там же; с. 12] и спокойно принимает смерть за этот жизненно важный для него предмет.

Итак, в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова женские образы занимают важнейшее место, являясь неотъемлемой частью художественного мира произведений и помогая понять взгляды и воззрения автора, транслируемые им посредством образов повествователя и героев рассказов. Писателем созданы образы женщин, наполненные различными смыслами, по-разному эмоционально и оценочно окрашенные. Он не идеализирует женщин и показывает, что у многих из них в экстремальных условиях актуализируются такие качества, как корыстолюбие, эгоизм, равнодушие к страждущим, даже подлость и способность к предательству близкого; что женщина способна отказаться от родственника, попавшего в заключение, способна написать донос на мужа, сознательно обрекая его на невероятные страдания. Однако важнее для В.Т. Шаламова оказываются образы «душевных» женщин, символизирующих любовь, помогающих заключённым пережить сложный период в их жизни и даже просто выжить. Писатель создаёт

образы женщин, которые одним своим взглядом и словом способны подбодрить и вселить надежду, которые искренни и сохраняют доброту в любых, даже самых страшных условиях. Образ женщины в «Колымских рассказах» в целом позитивен, женщина является символом жизни и свободы, который поддерживает мужчин в их испытаниях. Благодаря одной мысли о том, что женщины существуют, что они способны любить и понимать, мужчины получают возможность пережить страшный период своей жизни. В такой трактовке образа женщины мы видим не идеализм В.Т. Шаламова, а его стремление показать, что в образе женщины за наносным и неважным скрывается главное – представление о душевности как существенном, природном свойстве женского характера, понимание того, что женщина – носитель идеи гуманизма, хранительница человечности и основа, помогающая не разрушиться жизни, какой бы сложной и невыносимой она ни была.

Библиографический список

1. Некрасова И.В. Варлам Шаламов – прозаик (проблематика и поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 1995. 17 с.
2. Ганущак Н.В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тюмень, 2003. 20 с.
3. Горбачевский Ч.А. Поэтика документальной художественности рассказа В.Т. Шаламова «На представку» // Вестник Омского университета. 2009. № 1 (51). С. 121-128.
4. Зинченко Е.Е. Мифообразы судьбы в прозе Варлама Тихоновича Шаламова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2011. 22 с.
5. Епанчинцев Р.В., Паршина А.С. Образ лагеря в рассказе В.Т. Шаламова «Прокаженные» // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 11. С. 108-110.
6. Антонев В.А. Архетипические представления о мужчине в творчестве В.Т. Шаламова // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 175-178.
7. Drumi Yu.N. The Trauma of Stalinism Narrated in Varlam T. Shalamov's Kolymskie Rasskazy: Missiological Implications for Contemporary Russia. Dissertations. Andrews University. Digital Commons @ Andrews University, 2008. 309 p.
8. Кротова Д.В. Любовная лирика В. Шаламова // Филологическая регионалистика. 2016. № 2 (18). С. 47-52.
9. Жаравина Л.В. «Прекрасная дама семидесятой широты»: женские образы в поэзии В. Шаламова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 16-28.
10. Чжоу С. Женские образы в прозе И.А. Бунина // Филология в XXI веке. 2018. № 2 (2). С. 185-188.
11. Каюмов В.М., Хайдарова Ш.Р. Специфика воплощения женских образов в рассказах В.М. Шукшина // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований: Мат. Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. А.И. Вострцова. Нефтекамск: Мир науки, 2019. С. 462-470.
12. Крылова М.Н. Образ женщины в современном русском компаративе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 143-150.
13. Шаламов В.Т. Колымские рассказы. М.: АСТ, 2019. 288 с.
14. Таркан Н.Е. Роль художественной детали в «Колымских рассказах» В. Шаламова // Мат. науч.-метод. конф. по ит. науч.-иссл. раб. Могилёв: МогГУ, 2008. С. 211-214.

References

1. Nekrasova I.V. Varlam Shalamov – prose writer (problems and poetics): Abstract of the dissertation of the candidate filol. sciences: 10.01.01. Samara, 1995.17 p.
2. Ganushchak N.V. Creativity of Varlam Shalamov as an art system: Abstract of the dissertation of the candidate filol. sciences: 10.01.01. Tyumen, 2003.20 p.
3. Gorbachevsky Ch.A. Poetics of documentary artistry of V.T. Shalamov “Introducing” // Bulletin of the Omsk University. 2009. No 1 (51). P. 121-128.
4. Zinchenko E.E. Mythic images of fate in the prose of Varlam Tikhonovich Shalamov: Abstract of the dissertation of the candidate filol. sciences: 10.01.01. Volgograd, 2011.22 p.
5. Epanchintsev R.V., Parshina A.S. The image of the camp in the story of V.T. Shalamov's “Lepers” // New Science: Strategies and Development Vectors. 2016. No 11. P. 108-110.
6. Antonets V.A. Archetypal representations of a man in the work of V.T. Shalamov // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2016. No 2. P. 175-178.

7. Drumi Yu.N. The Trauma of Stalinism Narrated in Varlam T. Shalamov's Kolymskie Rasskazy: Missiological Implications for Contemporary Russia. Dissertations. Andrews University. Digital Commons @ Andrews University, 2008. 309 p.
8. Krotova D.V. Love lyrics by V. Shalamov // Philological regional studies. 2016. No 2 (18). P. 47-52.
9. Zharavina L.V. "A beautiful lady of seventieth breadth": female images in the poetry of V. Shalamov // Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism. 2017. No 1. P. 16-28.
10. Zhou S. Female images in prose I.A. Bunina // Philology in the XXI century. 2018. No 2 (2). P. 185-188.
11. Kayumov V.M., Khaidarova Sh.R. The specifics of the embodiment of female images in the stories of V.M. Shukshin // Science, education, innovation: approbation of research results: Mat. Int. scientific-practical conf.; under the general. ed. A.I. Vostretsova. Neftekamsk: World of Science, 2019. P. 462-470.
12. Krylova M.N. The image of a woman in the modern Russian comparative // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2020. No 1. P. 143-150.
13. Shalamov V.T. Kolyma stories. M.: AST, 2019. 288 p.
14. Tarkan N.E. The role of artistic detail in the "Kolyma Tales" by V. Shalamov // Mat. scientific-method. conf. Mogilev: MogGU, 2008. P. 211-214.

УДК 808.2:82-3

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.48.93.012

Воронежский государственный технический университет

ассистент кафедры русского языка

и межкультурной коммуникации

Карташова Е.Н.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Voronezh State Technical University The chair of Russian language and cross-cultural communication

Assistant lecturer

Kartashova E.N.

Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Е.Н.Карташова

ТВОРЧЕСТВО В.М. ШУКШИНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются аспекты изучения творчества В.М. Шукшина. Описывается динамика исследования произведений писателя, подробно анализируются подходы к его творческому наследию. Подчеркивается большое внимание исследователей к творчеству В.М. Шукшина, обусловленное стремлением познать многогранность его таланта. Начиная с 1960-х годов важную роль в исследовании творческого наследия В.М. Шукшина играла литературная критика. На следующем этапе внимание исследователей привлекает как поэтика стиля, так и художественно-речевая структура прозы писателя. В статье указаны работы исследователей, занимавшихся данными вопросами. Подчеркивается важность рассмотрения творческого наследия В.М. Шукшина как части мировой культуры, в связи с чем большой интерес представляет исследование словаря писателя. В статье представлена типология словарей языка В.М. Шукшина. В работе отмечается, что проза В.М. Шукшина имеет связь с жанрами русского фольклора, в его произведениях раскрывается русский национальный характер. Как отдельный аспект изучения выделяется исследование ономастики и образной лексики писателя с целью раскрытия образа русской женщины, представленного в шукшинских текстах. Недостаточная изученность ономастикона писателя делает актуальным дальнейшее изучение этого аспекта.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, ономастика, язык писателя, шукшинская лексикография.

E.N. Kartashova

V.M. SHUKSHIN'S CREATIVITY: THE PROSPECTS OF LINGUISTIC RESEARCH

The article considers the aspects of study of the creativity of V.M. Shukshin. The dynamics of research of the writer's works is described; the approaches to his creative heritage are analyzed in detail. The great attention of researchers to the work of V.M. Shukshin is emphasized. Since the 1960s, literary criticism has played an important role in the study of V.M. Shukshin's creative heritage. At the next stage, the attention of researchers is attracted both by the poetics of style and the artistic-verbal structure of the writer's prose. The article lists the work of researchers dealing with these issues. The importance of considering the creative heritage of V.M. Shukshin as a part of world culture is emphasized. In this connection, the study of the dictionary of the writer is of great interest. The article presents the typology of VM Shukshin's dictionaries. It is noted that V.M. Shukshin's prose has a connection with the genres of Russian folklore, in his works the Russian national character is revealed. As a separate aspect of the study, the linguistic study of onomastics and figurative vocabulary of the writer stands out in order to reveal the image of a Russian woman, is presented in Shukshin's texts. The writer's onomasticon makes has not been studied enough yet, which further research of this aspect relevant.

Key words: V.M. Shukshin, onomastics, the language of the writer, Shukshin's lexicography.

Своим неоднозначным видением жизни, своеобразным языком и искренним самовыражением в текстах своих произведений В.М. Шукшин привлекает внимание исследователей. Об уникальности

его писательского таланта пишет в своей работе «Проза В.М. Шукшина» В.А. Апухтина: «Шукшинское слово, богатое интонационно, воспринимается нами как бы озвученным, оно точно воспроизводит смену психологических состояний действующих лиц, пластично очерчивая облик, духовный строй персонажей. Можно сказать, что слово, чья роль многофункциональна, в значительной мере создает необходимую форму рассказа, повести, романа. В своих художественных исканиях Шукшин преобразовывал жанры, открывая их новые возможности и резервы. В обманчиво простой форме нашли свое выражение подлинное искусство перевоплощения, умудренное знание, артистизм» [1, с. 51].

В начале 1960-х исследование творчества В.М. Шукшина осуществлялось в виде литературной критики. Главная тема критических и литературоведческих работ – изучение реалистической манеры писателя. Причисление В.М. Шукшина к лагерю писателей-реалистов (в 1960-е годы) переключило внимание исследователей с изучения стиля, изображения художественного пространства, особенностей поэтики на раскрытие идейно-тематического содержания текстов писателя [2, 3].

Достаточно подробный анализ лингвистических подходов к изучению творчества В.М. Шукшина представлен в работе А.А. Чувакина «Язык В.М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества» [4, с. 85 - 93].

В 1950-1980-е годы шукшинский текст рассматривается в контексте осмысления поэтики, авторского стиля, выделяются особые характеристики текста: разговорность, полифоничность, простота, диалогичность. Данные особенности произведений В.М. Шукшина рассмотрены в работах В.Ф. Горна, Л.Л. Салагаевой, Е.И. Папавы [5, 6, 7].

Со временем сложилось два основных направления лингвистического шукшиноведения. Во-первых, это инвентаризация, описание и осмысление в аспекте художественной целостности языкового материала, составляющего шукшинские тексты: исследование ономастики, региональной лексики и фразеологии, нелитературных слоев лексики. В данном направлении работали Л.И. Василевская, Л.А. Пономаренко [8, 9].

Во-вторых, исследованию подверглась художественно-речевая структура прозы писателя, речь автора, повествователя, героя произведения, выявлены типы, виды, формы речи, определен ряд факторов, обуславливающих речевую структуру прозы писателя. Изучался образ автора, поднимались вопросы аллюзивности, изучалась нарративная стратегия. В рамках данного направления проводили исследования Г.Г. Хисамова, Ю.И. Качесова [10, 11].

С 1980-х годов произведения В.М. Шукшина рассматриваются как часть мировой культуры. Проза писателя начинает изучаться как сложное образование, в котором переплетаются социокультурные, психологические и философские пласты. Появляется ряд работ, посвященных таким темам как «Шукшин и классическая литература» (исследования О.Г. Левашовой, С.М. Козловой) [12, 13]; «традиционное и новаторское в прозе Шукшина» [12, 14]. Изучаются вопросы интертекстуальности, пародийности произведений автора [15].

А.А. Чувакин описывает динамику изучения творческого наследия В.М. Шукшина: «В 1990-е годы исследование языка Шукшина переходит от частичного к целостному представлению объекта. Результаты этих исследований наводят на мысль о том, что в настоящее время малопродуктивны стремления отыскать в произведениях писателя готовые ответы на поднимаемые им вопросы и подвести их под разряд ответов «деревенщика», «самодеятельного» художника, «доморощенного» философа и подобных, хотя это выглядело вполне объяснимым на начальных этапах исследования творчества Шукшина» [4, с. 86], то есть творчество В.М. Шукшина невозможно вписать в какие-либо рамки. Это подтверждают дальнейшие лингвистические исследования творчества В.М. Шукшина.

В монографии Г.В. Кукуевой «Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование» представлена целостная концепция лингвотипологического описания текстов малой прозы В.М. Шукшина, обозначен новый вектор интерпретации текстов рассказов как сложного синкретического образования, выявлены и охарактеризованы базовый линвопозитический тип, производные типы и подтипы текстов рассказов писателя: рассказ-сценка, рассказ-анекдот. Проза Шукшина характеризуется исследователем как функционирующая динамическая целостность [16].

В диссертационной работе Л. Лицзюнь «Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность» отмечается, что специфика художественного метода В.М. Шукшина заключается в том, что личность его персонажа раскрывается с помощью речевого поведения, которое проявляется

в диалогах героев. Автор анализирует прямую речь героев в составе диалогов, что позволяет выявить их личностные характеристики и особенности национального характера [17].

В работе Л.В. Сериковой «Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина системное лексико-семантическое моделирование» выделяются три сферы описания портрета персонажа: «внутренний человек, внешний человек, медиальный человек». На основании подробного исследования портретных характеристик персонажей, автор делает следующий вывод: «Особенностью портретной характеристики в произведениях Шукшина является наделение их функцией основной связи между внешним (физическим) и внутренним человеком, где поток информации извне и вовне находится в состоянии гармонического равновесия; связь, идущая по каналу зрительного восприятия (глаза), между физическим и внутренним человеком оказывается теснее, чем между прилегающими друг к другу сферами внутреннего человека; притяжение к своему полю самых разных полей внешнего (физического), медиального и внутреннего человека» [18].

В исследовании Г.Г. Хисамовой «Диалог как компонент художественного текста» раскрывается функциональная сущность диалога. По мнению автора данной работы, диалог в рассказах В.М. Шукшина играет главную композиционную роль, выступает в качестве средства выражения взглядов писателя на личность персонажа, которая проявляется в речевом общении. Автор также подчеркивает схожесть рассказов В.М. Шукшина с инсценировками, в которых минимально количество авторской речи и преобладает диалог [10].

Отдельного внимания в истории изучения языка В.М. Шукшина заслуживает лексикографическое описание его творчества. В статье «Шукшинская лексикография» Л.И. Шелепова приводит типологию словарей, отражающих специфику лексического состава произведений В.М. Шукшина. Это энциклопедические словари: «Энциклопедический словарь-справочник» (научный редактор А.А. Чувакин), «Шукшинская энциклопедия» (главный редактор С.М. Козлова); толковые словари: «Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина» (А.Д. Соловьева), «Словарь языка рассказов В.М. Шукшина» (Т.Ф. Байрамова, В.П. Никишаева), «Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина» (И.А. Воробьева); лингвокультурологический «Словарь языка В.М. Шукшина» (В.С. Елистратов) [19, с. 94-95]. Однако, несмотря на представленное разнообразие словарей, язык произведений В.М. Шукшина изучен не полностью, что открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования его творчества.

Большое внимание современные исследователи шукшинского наследия уделяли связи его с «народными корнями». С. Мари в работе «Народнопоэтические основы прозы В.М. Шукшина: повесть, рассказ, сказка» рассматривает, каким образом традиции русской народной сказки отразились в театральных повестях писателя [20]. И.В. Бобровская в исследовании «Агиографическая традиция в творчестве В.М. Шукшина» рассматривает творчество писателя в аспекте житийных традиций, раскрывает глубинные подтексты его произведений [21]. В.К. Сигов в работе «Проблема народного характера и национальной судьбы в прозе В.М. Шукшина» так охарактеризовал особенность творческой манеры писателя: «мысль народная» является важнейшим вопросом для Шукшина всегда, рассказывает ли он о жизни семьи, о судьбе ищущего волю и праздник человека, о трагедиях разрушения и трудностях духовного возрождения, пишет ли он рассказ, сценарий или сказку... Даже в самом способе осмысления национально-философской проблематики Шукшин народен» [22, с. 15]. В.И. Коробов проводит аналогию между творчеством В.М. Шукшина и произведениями великих русских классиков. «Но более всего, быть может, сближает Шукшина с Достоевским и Толстым (повторяем: не о «масштабах» сейчас речь, а о направлении творческих исканий), а также с некоторыми другими великими русскими писателями то, что и он сумел стать поистине народным художником, то есть глубоко постигшим тайну национальности родного народа» [23, с. 176]. Н.И. Стопченко в работе «Художественное наследие В.М. Шукшина в диалоге России с зарубежными культурами подчеркивает: «Шукшин – крупное закономерное явление отечественной и мировой культуры, чьи редкостное мастерство и гражданская ответственность предстают мощным воплощением творческих сил русского народа» [24, с. 25]. Таким образом, современная лингвистика акцентирует свое внимание не только на стиле писателя, но и на особенностях его языковой личности, выражающихся в особом воспроизведении картины мира.

Внимание исследователей привлекает и ономастикон В.М. Шукшина. Так, в исследовании Л.И. Зубковой «Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина)» рассматриваются особен-

ности ономастикона писателя [25]. Исследователь применяет лингвокультурологический подход к изучению русских антропонимов, выявляет специфику антропонимической коннотации через синхронический срез, показывает диапазон актуализируемых в контексте эмоционально-оценочных и экспрессивных коннотаций не только у суффиксальных и стилистически маркированных форм имен, но и у полных имен.

Л.Т. Бодрова, подчеркивает: «выбор имени (реально-бытового и одновременно условно-литературного) и точное «попадание» в суть характера через яркую языковую формулу задает тон повествованию, делает ключевым ядро характера» [14, с. 25]. Ряд статей посвящен изучению антропонимов в рассказах и повестях писателя: «Функционирование антропонимов в повести-сказке В.М.Шукшина «До третьих петухов» [26]; «Художественное значение антропонима в рассказе В.М. Шукшина «Алеша Бесконвойный» [27]; «Антропонимическое поле рассказов В.М. Шукшина» [28]. В этих работах большое внимание уделяется содержанию ономастических терминов, рассматриваются функции антропонимов, их организация, способы семантизации, дается подробный анализ антропонимических категорий. Подчеркивается художественная значимость антропонимов и их роль в раскрытии образов героев.

Как видим, творческое наследие В.М. Шукшина, вызывая интерес у исследователей, изучается в разных аспектах. Однако, на наш взгляд, наименее изученным является ономастическое пространство художественных текстов писателя, начатое в том числе в нашей работе «Женские имена в прозе Василия Шукшина» [29], в связи с чем видится перспективным проведение комплексного анализа шукшинской ономастики и образной лексики, выступающей в номинативной функции.

Библиографический список

1. Апухтина В.А. Проза В. Шукшина. М.: Высш. шк., 1986. 96 с.
2. Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 524 с.
3. Сигов В.К. Проблема народного характера и национальной судьбы в прозе В.М. Шукшина: дисс. ... доктора филол. наук. М., 2000. 370 с.
4. Чувакин А.А. Язык В.М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества // Известия Алтайского государственного университета. 1999. Вып. 4. С. 85-93.
5. Горн В.Ф. Василий Шукшин: Штрихи к портрету. М.: Просвещение, 1993. 127 с.
6. Салагаева Л.Л. Народно-разговорная основа языка прозы В.М. Шукшина: дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1983. 195 с.
7. Папава Е.И. Композиционно-речевая организация рассказов В. Шукшина: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. 199 с.
8. Василевская Л.И. Типы речи и композиционно-речевые приемы в рассказах В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина. Поэтика. Стилль. Язык. Барнаул, 1994. С. 79-98.
9. Пономаренко Л.А. Зоосемная лексика в рассказах В. Шукшина // Язык и стиль прозы В.М. Шукшина. Барнаул, 1991. С. 91-98.
10. Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина). М.: МПГУ, 2007. 349 с.
11. Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В.М. Шукшина: трансформационный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. 159 с.
12. Левашова О.Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в.: Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой: дисс. ... доктора филол. наук. Барнаул, 2003. 315 с.
13. Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1992. 180 с.
14. Бодрова Л.Т. Малая проза В.М. Шукшина в контексте современности. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011. 372 с.
15. Куляпин А.И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 239 с.
16. Кукуева Г.В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул: БГПУ, 2008. 284 с.
17. Лю Лицзюнь. Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 208 с.
18. Серикова Л.В. Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование: дисс. ... канд. филол. наук. Бийск, 2004. 153 с.
19. Шелепова Л.И. Шукшинская лексикография // Вопросы лексикографии. 2014. Вып. 2. С. 94-105.
20. Сэо Мари. Народнопоэтические основы прозы В.М. Шукшина: Повесть, рассказ, сказка: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 208 с.

21. Бобровская И.В. Агиографическая традиция в творчестве В.М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 205 с.
22. Сигов В.К. Русская идея В.М. Шукшина: концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. М.: Интеллект-центр, 1999. 302 с.
23. Коробов В.И. Василий Шукшин: Веще слово. М.: Молодая гвардия, 2009. 420 с.
24. Стопченко Н.И. Художественное наследие В.М. Шукшина в диалоге России с зарубежными культурами: автореферат дис. ... доктора культурологии. Краснодар, 2006. 50 с.
25. Зубкова Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. 412 с.
26. Фролова Е.А. Функционирование антропонимов в повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» // Ономастика Поволжья. 2017. С. 478-483.
27. Никольская Т.Е. Художественное значение антропонима в рассказе В.М. Шукшина «Алеша Бесконвойный» // Вестник литературного института А.М. Горького. 2004. Выпуск 1. С. 54-61.
28. Васинова С.М. Антропонимическое поле рассказов В.М. Шукшина // Вестник ВЭГУ. 2009. Вып. 3. С. 144-149.
29. Карташова Е.Н. Женские имена в прозе Василия Шукшина // Русская речь. 2017. Вып. 2. С. 103-106.

References

1. Apukhtina V.A. V. Shukshin's proze. Moscow, 1986. 96 с.
2. Kozhinov V.V. Contemplations on Russian literature. Moscow, 1991. 524 p.
3. Sigov V.K. The problem of national character and national destiny in V.M. Shukshin's prose: thesis... Doctor of Philology. Moscow, 2000. 370 p.
4. Chuvakin A.A. V.M. Shukshin's language in the encyclopedic reference vocabulary of his creativity // The Bulletin of Altai State University. 1999. Iss. 4. P. 85-93.
5. Gorn V.F. Vasily Shuksin: Sketches to the portrait. Moscow, 1993. 127 p.
6. Salagaeva L.L. Popular and spoken basement of the language of V.M. Shukshin's prose: thesis... PhD in Philology. Alma-Ata, 1983. 195 p.
7. Papava E.I. Compositional and verbal organization of V. Shukshin's stories: thesis... PhD in Philology. Moscow, 1983. 199 p.
8. Vasilevskaya L.I. Types of speech and compositional and verbal methods in V.M. Shukshin's stories // V.M. Shukshin's creativity. Poetics. Style. Language. Barnaul, 1994. P. 79-98.
9. Ponomarenko L.A. Lexis of zoological semantics in V. Shukshin's stories // Language and style of V.M. Shukshin's prose. Barnaul, 1991. P. 91-98.
10. Hisamova G.G. Dialogue as a component of fiction text (based on V.M. Shukshin's prose). Moscow, 2007. 349 p.
11. Kachesova I.Y. Syntactic structure of V.M. Shukshin's stories and scripts: transformational aspect: thesis... PhD in Philology. Barnaul, 1998. 159 p.
12. Leashova L.G. Shukshin's hero and traditions of Russian literature of the 19th cent.: F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy: thesis... Doctor of Philology. Barnaul, 2003. 315 p.
13. Kozlova S.M. Poetic of V.M. Shukshin's stories. Barnaul, 1992. 180 p.
14. Bodrova L.T. V.M. Shukshin's short prose in the contemporary context. Chelyabinsk, 2011. 372 p.
15. Kulyapin A.I. Mythology of Soviet everyday life in literature and culture of Stalin's epoch. Moscow, 2013. 239 p.
16. Kukueva G.V. V.M. Shukshin's stories: lingual and typological research. Barnaul, 2008. 284 p.
17. Lu Litzyun. The hero of V. Shukshin's stories as a national language person: thesis... PhD in Philology. St.-Petersburg, 2009. 208 p.
18. Serikova L.V. The portrait of the character in V.M. Shukshin's prose: systematic lexical and semantic modeling: thesis... PhD in Philology. Bijsk, 2004. 153 p.
19. Shelepova L.I. Shukshin's lexicography // The issues of lexicography. 2014. Iss. 2. P. 94-105.
20. Seo Mari. Folklore and poetic basement of V.M. Shukshin's prose: story, short story, fairy tale: thesis... PhD in Philology. Moscow, 2002. 208 p.
21. Bobrovskaya I.V. Hagiographic tradition in V.M. Shukshin's creativity: thesis... PhD in Philology. Barnaul, 2004. 205 p.
22. Sigov V.K. Russian idea of V.M. Shukshin: conception of national character and national destiny in his prose. Moscow, 1999. 302 p.
23. Korobov V.I. Vasily Shukshin: the word of a prophet. Moscow, 2009. 420 p.
24. Stopchenko N.I. Artistic heritage of V.M. Shukshin in the dialogue between Russia and foreign cultures: abstract ... Doctor of culture studies. Krasnodar, 2006. 50 p.

25. Zubkova L.I. Russian name if the second half of the 20th cent. in lingual and cultural aspects (on pieces by F. Abramov, V. Astafiev, V. Rasputin and V. Shukshin). Voronezh, 2008. 412 p.
26. Frolova E.A. Functioning of proper names in the fairy story "Till late in the morning" // Onomastics of Volga region. 2017. P. 478-483.
27. Nikolskaya T.E. Artistic meaning of the proper name in V.M. Shukshin's story "Alesha the Non-binary" // The bulletin of literature institution named after A.M. Gorky. 2004. Iss. 1. P. 54-61.
28. Vasikova S.M. Anthroponymic field of V.M. Shukshin's stories // The bulletin of VESU. 2009. Iss. 3. P. 144-149.
29. Kartashova E.N. Female names in Vasily Shukshin's prose // Russian speech. 2017. Iss. 2. P. 103-106.

УДК 82.0

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.34.19.013

*Литературный институт имени А.М. Горького
аспирант кафедры новейшей русской
литературы
Халилов Р.О.*

*Россия, г. Москва, тел. +7 (985) 510 83 83
e-mail: lil987654321@yandex.ru*

*The Institute of Literature named after A.M. Gorky
Post-graduate student of the Department of modern
Russian literature
Khalilov R.O.*

*Russia, Moscow, tel. +7 (985) 510 83 83
e-mail: lil987654321@yandex.ru*

Р.О. Халилов

ОБЩНОСТЬ КОМЕДИЙ ПЛАВТА И КОМЕДИИ В. КАТАЕВА «КВАДРАТУРА КРУГА»

Статья посвящена исследованию литературных источников драматургической техники комедии В. Катаева «Квадратура круга». Исследование формальных приемов в структуре произведения строится на текстуальном анализе трех комедий Плавта и комедии «Квадратура круга». Анализ сходства драматургической техники производится путем сопоставления отдельных сцен в комедиях Плавта «Клад», «Близнецы», «Пленники» и комедии В. Катаева «Квадратура круга». Автором статьи используется терминология, существующая в научном обороте, но не имеющая нормативного употребления. Слова «схема», «фигура», «элемент» являются синонимами и обозначают отдельный прием драматургической техники. Процесс текстуального сличения отдельных сцен комедий Плавта и Катаева демонстрирует очевидную общность драматургической техники. Сходство приемов драматургической техники, их количественный уровень указывает на факт заимствования Катаевым отдельных элементов из комедий римского автора. Драматургические фигуры, составляющие общность приемов в комедиях Плавта и Катаева, различны на идейно-тематическом и структурно-композиционном уровне. Глубина профессионального освоения творчества Плавта вкупе с дарованием и талантом самого Валентина Петровича способствовали феерическому успеху «Квадратуры круга» на российской и мировой сценах. Использование литературно-исторических традиций античной драматургии Катаевым является бесценным опытом и примером создания произведения высокого художественного уровня.

Ключевые слова: «Квадратура круга», В. Катаев, Плавт, драматургическая техника, комедийные обстоятельства, двойничество образа, комическая ошибка, «Клад», «Близнецы», Флавий.

R.O. Khalilov

COMMONALITY OF PLAUTUS 'COMEDIES AND V. KATAEV'S COMEDY «QUADRATURE OF THE CIRCLE»

The article is devoted to the study of literary sources of the dramatic technique of V. Kataev's Comedy «the Quadrature of the circle». The study of formal techniques in the structure of the work is based on the textual analysis of three comedies by Plautus and V. Kataev's Comedy «the Quadrature of the circle». The similarity of dramatic technique is analyzed by comparing individual scenes in Plautus 'comedies «the Treasure», «the Twins», «the Prisoners» and V. Kataev's Comedy «the Quadrature of the circle». The author of the article uses terminology that exists in scientific circulation but does not have normative use. Words: the schematic of figure element are synonymous and refer to the individual reception of dramatic technique. The process of textual comparison of individual scenes of Plautus and Kataev's comedies demonstrates an obvious similarity of dramatic technique. The similarity of the techniques of dramaturgical technique ,their quantitative level, indicates the fact that V. Kataev adopted certain elements from the comedies of the Roman author. The dramaturgical figures that make up the commonality of techniques in the comedies of Plautus and V. Kataev are different on the ideological-thematic and structural-compositional level. The depth of Kataev's professional development of Plautus ' work, combined with the talent and talent of Valentin Petrovich, contributed to the enchanting success of the circle Quadrature on the Russian and world stages. The use of literary and historical traditions of ancient drama By V. Kataev is an invaluable experience and example of creating a work of high artistic level.

Keyword: «Quadrature of the circle», V.Kataev, Plautus, dramatic technique, comedic circumstances, image duality, comic error, «Treasure», «Twins», Flavius.

Весной 1928 года К. Станиславский принял решение о постановке «Квадратуры круга» в МХАТ. С сентября 1928 года по март 1929-го комедия выдержала более 100 постановок. Ее в 20-30-е годы ставили многие европейские и американские театры. Несомненно, «Квадратура круга» – один из самых удачных проектов русской советской комедиографии. Пьеса публиковалась во многих российских журналах и печаталась отдельными изданиями. В настоящее время «Квадратура круга» присутствует в репертуаре многих театров России и мира. Но с первой публикации этой комедии и по настоящее время мы не встретим сколько-нибудь значительного анализа этого произведения. В научной работе по истории драматургии А. Богуславский и В. Диев [1] посвятили «Квадратуре круга» страницу текста. В книгах Б.Е. Галанова [2], Л.И. Скорино [3], В.В. Огрызко [4] о «Квадратуре круга» [5] сказано несколько предложений. В научных работах по творчеству В.П. Катаева и драматургии 20-30-х гг. дана лишь краткая художественная характеристика комедии. Настоящий анализ формальных структур «Квадратуры круга» является необходимым шагом всестороннего изучения этого произведения.

Использование разнообразных средств драматургической техники тесно связано с общими идейно-тематическими задачами творчества комедиографа, с его оригинальной манерой, индивидуальным стилем. Катаев чувствовал своего читателя и зрителя, понимал психологию, культурный уровень, эстетический запрос аудитории. Отсюда обработанный жизненный материал «Квадратуры круга» требовал определенных художественных решений. Катаев обращается к творчеству выдающегося комедиографа античности Тита Макция Плавта.

Комизм эпохи Плавта существенно отличается от эстетики комического времен создания «Квадратуры круга». Советская и античная драматургии немало разнятся в изображении вопросов справедливости и морали, семьи и брака, социальных взаимоотношений и мн. др. Однако в данных периодах можно заметить важную общность. В. Катаев перенимает некоторые приемы драматургической техники Плавта. В качестве исследования сопоставим отдельные сцены из «Квадратуры круга» и трех комедий Плавта.

Сюжет комедии Плавта «Клад» [6] состоит из двух линий, которые в действии комедии то пересекаются, то расходятся, наконец, соединившись, знаменуют концовку. Первая линия сюжета связана с утратой клада Эвклионом. Вторая – с дочерью владельца клада Федрой, которую обесчестил Ликонид. В финале золото возвращается к Эвклиону, а Федра избавляется от позора.

В комической ситуации «Клада» (акт 4, сцена 10) герои ведут эмоциональный диалог, уверенные, что понимают друг друга. На самом деле каждый персонаж вкладывает в диалог свой собственный смысл. Из комедии читатель и зритель знают, что Ликонид не воровал золото Эвклиона, однако этот же Ликонид обесчестил его дочь Федру. Ликонид сознается Эвклиону и сожалеет, что опозорил его дочь, а Эвклион думает, что Ликонид раскаивается в воровстве кувшина с золотом:

Ликонид. Признаю я свой проступок, всю свою ответственность. И просить тебя пришел я: от души прости меня!

Эвклион. Как же это до чужого ты посмел дотронуться?

Ликонид. Как же быть? Так вышло дело. Не вернешь никак назад. Боги так хотели, видно, не без них то сделалось.

Эвклион. Нет, хотели боги, чтоб я на цепи сморил тебя.

Ликонид. Нет, не говори так!

Эвклион. Трогать как ты смел добро мое. Без меня?

Ликонид. Вино повинно и любовь.

Фабула «Квадратуры круга» строится на первоначальной ошибке молодых людей Абрама и Тони, Васи и Людмилы в решении пожениться. Все четверо приблизительно одного возраста, живут в одной комнате. Комедийные обстоятельства построены на том, что молодые люди ждали от брака и том, чем он для них обернулся. Противоречия в быту и личных отношениях приводят героев к решению расстаться и поменять партнера. Абрам женится на Людмиле, а Вася на Тоне.

Как и в комедии «Клад», в комической ситуации «Квадратуры круга» (действие 1, явл.7) персонажи эмоционально открыты и уверены в полном взаимопонимании. Однако каждый из персонажей вкладывает в сказанное свой собственный смысл. Зритель и читатель уже знают, что Абрам женился на Тоне, а Вася на Людмиле, но молодые люди об этом еще не догадываются. Абрам думает, что по-

лучает у Васи согласие на жизнь со своей женой Тоней в общей комнате, а Вася уверен в согласии Абрама на жизнь с Людмилой в этой же комнате.

Абрам (с отчаянием и мрачной решимостью). Васька! Ты допускаешь, чтобы в этой комнате помещалось трое?

Вася (отчаянно). А в чем дело?

Абрам. Я тебя спрашиваю: этично это или не этично?

Вася. Ясно, что этично. А куда же иначе деваться? Ты же, кажется, глубоко свой парень. Сам понимаешь.

Абрам (в восторге). Правильно, Васька! Вот за это я тебя люблю! Спасибо, старик! Я знал, что ты не подкачаешь. Даю тебе честное комсомольское слово, что постараюсь тебя не стеснить.

Вася (со слезами умиления на глазах). Спасибо, друг! Спасибо, Абрам! Я всегда говорил, что ты глубоко свой парень. Как бы только я тебя не стеснил.

Абрам. Ерунда! Ты-то стеснишь?.. Вот только чтоб я...

Вася. Ну, все-таки... Занавесочки там пойдут всякие, канарейки в клетке... То, се... Она, положим, баба хорошая.

Абрам. Руку, товарищ! Я так рад, что она тебе понравилась!

Вася. Спасибо, спасибо! Я был уверен, что ты страшно обрадуешься.

Абрам. Ну, еще бы, миленький, я думаю! Еще бы! Еще бы!

В особенностях построения смысловой путаницы приведенных выше диалогов мы можем наблюдать единую схему, то есть полное эмоциональное взаимопонимание в речи на фоне кардинальной разницы вложенного в реплики смысла. Вместе с тем, порождающие комизм фигуры у Плавта и у Катаева идейно-тематически и эмоционально различны. В «Квадратуре круга» автор, иронизируя над сверхделикатностью, неуместной стеснительностью, нерешительностью, открывает зрителю и читателю те черты характера героев, которые по сути являются продолжением их достоинств. Плавт в комедии «Клад» использует смысловую неразбериху, насмехаясь над Эвклионом, высмеивая его недалекость и чрезмерную алчность, доводящую до безумия.

Фабула комедии «Близнецы» [7] построена на том, что один из братьев близнецов Сосикл-Менехм, будучи в детстве разлучен со своим братом, решает его найти. Поиск Сосиклом-Менехмом своего брата Менехма, от экспозиции до счастливого финала, в сюжете комедии буквально переполнен комическими коллизиями и перипетиями. Концовка знаменуется счастливым воссоединением братьев-близнецов.

В сцене, где мы будем наблюдать сходство драматургической техники Плавта и Катаева, родство более сложного и значительного характера. Центральное острие драматургической фигуры в «Близнецах» и в «Квадратуре круга» связано с тем, что один из основных второстепенных персонажей комедии принимает главных героев (героя) не за тех, кем на самом деле они (он) являются. Главные герои (герой), понимая это, не сопротивляются, не возражают. Спровоцированные возможностью и вероятным своим намерением, соблазненные обманом, они соглашаются на новые обстоятельства. В «Близнецах» эту комическую ситуацию мы наблюдаем во 2 акте, сцена 3. Эротия принимает Сосикла-Менехма за Менехма. Сосикл-Менехм понимает, что Эротия ошибается, но он решает воспользоваться этой ошибкой (вкусно поесть, отдохнуть в объятиях очаровательной девицы).

Эротия. Мне ль тебя не знать? Менехм ты, Мосха сын, из Сиракуз, Говорят, из Сицилийских родом ты, где царствовал Агафокл тиран, а после Финтия, а третьим был Липарон, он Гиерону отдал перед смертью власть, ныне Гиерон там царь.

.....
Эротия. Что ж, идем.

Сосикл. Я за тобою. Кое-что ему скажу.

Эй, Мессенион, пойдь ка.

.....
Мессенион. Не знаешь ты их, распутниц!

Сосикл. Помолчи ты! Делай, что приказано. Женщина, я вижу, эта глупая, наивная, Есть нам тут добыча!

Эту же драматургическую фигуру мы увидим в «Квадратуре круга» (действие 2, явление 9). Флавий – старший товарищ всех четверых героев сюжета (Абрама и Тони, Васи и Людмилы). Флавий появляется на общей квартире новобрачных. Не зная, кто на ком женат, хочет поздравить молодоженов, видит целующихся и, что естественно, принимает их за мужа и жену. Но целующиеся Тоня и Вася не состоят в браке. Тоня является женой Абрамчика, а Вася мужем Людмилы. Все четверо – друзья. Во время длительного поцелуя входит Флавий.

Флавий. Целуйтесь, ребятки, целуйтесь!

.....
Флавий. Нет, ребяташки, кроме шуток, поздравляю. Живите, ребяташки, дружно, не ссорьтесь, работайте вместе... Но, главное, кто меня удивил, так это наш Абрамчик. Кто мог подумать! Абрамчик женился! Хо-хо! Прямо сюжет для Демьяна Бедного. Кстати, где Абрамчик?

Тоня. Да, в самом деле, где Абрамчик?

Вася. Абрамчик, это самое... там...

Тоня. Пошел пройтись с женой...

Вася. Погода такая приятная... снежок...

Тоня. Да, снежок такой... Вероятно, они скоро придут.

Флавий. На ком Абрамчик женился?

Вася. Да, в самом деле, на ком? То есть я хотел сказать – на этой самой... Кузнецова, на ком женат Абрамчик?

Тоня. Абрам? На товарище Людмиле...

Вася. На Людмилке? Хорошие шуточки. То есть я хотел сказать – вот именно, на товарище Людмилочке... Она такая, знаешь, в общем и целом симпатичная...

Тоня. Не нахожу ничего особенно симпатичного – мешаночка с мелкобуржуазной идеологией... Пр... Впрочем, не будем об этом говорить.

Недоразумение, связанное с комической ошибкой, является главным сходством драматургической фигуры в сценах, представленных выше. Второстепенные герои в обоих произведениях принимают основных персонажей не за тех, кем на самом деле они (он) являются. Главные действующие лица не спорят, более того, они подыгрывают в создании мнимой реальности. И в «Близнецах», и в «Квадратуре круга» эти комедийные обстоятельства активизируют действие, поступки персонажей начинают стремительно приближать кульминацию. Именно эти сцены служат источником комедийной драматургии последующих эпизодов, дают ход цепи новых событий. Необходимо заметить, что элемент комической ошибки в обеих комедиях мы наблюдаем исключительно на уровне формальной схемы. В то время как идейно-тематическая линия – содержательная основа сцены «Квадратуры круга» и комедии «Близнецы» совершенно различны. Если в «Близнецах» драматургическая фигура, вызывающая смех, связана с наивностью искушенной содержанки Эротии и сексуальной всеядностью Сосикла, то в «Квадратуре круга» Катаев высмеивает всеохватывающую жажду любви. Доведенная до страсти, любовь подчиняет себе волю и здравый смысл.

Сходство драматургической техники комедий Плавта и Катаева мы видим и в структуре художественных образов. Мотив двойничества художественных образов – сюжетобразующая черта «Близнецов». Это один из часто встречающихся элементов драматургической техники во многих комедиях Плавта. На двойничестве образов братьев Менехмов, на путанице, связанной с их «зеркальностью», построен весь комедийный сюжет произведения. Этот же драматургический прием, но только на структурно-композиционном уровне, на уровне системы образов, использует Катаев для конструирования сюжета своей комедии. В «Квадратуре круга» существуют две противостоящие пары (Абрам-Тоня, Вася-Людмила) и два сюжетных резонера, положительный – Флавий, и отрицательный – Емельян Черноземный. Прием двойничества при умелом сюжетно-композиционном построении комедии, при сбалансированном и уместном использовании художественных средств комедийности (путаница, подслушивание, подглядывание, перебранки и потасовки, комические ситуации, языковые средства комедийности) создает феерическую комедийную среду, что мы и наблюдаем в «Квадратуре круга».

Общность приемов «Квадратуры круга» и «Близнецов» мы можем наблюдать в функциях пер-

сонажей. Функции одного персонажа в «Близнецах» разделяются на двух персонажей в «Квадратуре круга». В комедии Плавта «Близнецы» раб Сосикла Мессенион в силу своего социального положения и личного характера оказывается в ключевых местах действия, становится носителем важной информации. В концовке комедии Мессенион, зная многое о братьях Менехамах, распутывает узел противоречий, соединяет близнецов. Ту же роль, как бы раздвоенный образ Мессениона, модернизированный и адаптированный к сюжету «Квадратуры круга», играют Емельян Черноземьев и Флавий. Емельян в силу своих индивидуальных особенностей знает чуть больше, чем другие, и ближе к финалу восстанавливает уже ненужную и не желаемую никем справедливость, соединяя уже разошедшиеся пары, Абрама и Тоню, Васю и Людмилу. Флавий является носителем этических норм и комсомольским авторитетом. Как и Емельян он знает обо всем чуть больше, он же устанавливает желаемый всеми общий порядок, организует соединение желающих вступить в новый брак Абрама и Людмилу, Васю и Тоню.

Один из излюбленных драматургических элементов у Плавта – нарушение театральной иллюзии, связанной с прологом и эпилогом. Пролог у Плавта – это всегда краткое информирование зрителя о предстоящем действии, а в некоторых комедиях еще и шуточное наставление зрителям. Эпилог – это моральные выводы и обобщение увиденного, а также просьба поблагодарить автора и актеров за доставленное удовольствие. Не во всех комедиях Плавта присутствует и пролог, и эпилог сразу. Например, в комедиях «Клад» и «Близнецы» имеется пролог, но нет эпилога, однако в комедии «Пленники» [8] он есть. В «Квадратуре круга», как и в «Пленниках», мы наблюдаем эпилог, не связанный с действием комедии, адресованный напрямую зрителю. Он представлен шутливой песенкой, которую исполняют все присутствующие на сцене

И, наконец, прием «говорящие имена», который не имеет прямого отношения к драматургической технике Плавта. Этот прием в комедии В. Катаева отсылает зрителя, читателя к древним временам греко-римской цивилизации. Безуспешность математического доказательства квадратуры круга, еще древнегреческими учеными переместила этот речевой оборот в другие области человеческой культуры. В комедии Катаева эта фраза-название обозначает бессмысленность однозначных решений вопросов любви и брака. Имя «Флавий» у одного из второстепенных персонажей «Квадратуры круга» – родовое имя в Древнем Риме (лат. Flavius). Этим именем обладали императоры, полководцы, ученые. Использование такого имени в «Квадратуре круга» – откровенная отсылка к времени творчества Плавта.

Важно заметить, что для популяризации Плавта в России в экспериментальной театральной лаборатории ГИИИ в 1928 году состоялась постановка комедии «Близнецы», осуществленная С.Э. Радловым. Спектакль предварялся циклом статей в прессе за 1927 год [9]. Работа В. Катаева над «Квадратурой круга», насколько нам известно, происходила в период с осени 1927 по весну 1928 года [10].

Результаты исследования, основанного на текстовом анализе комедий Плавта и Катаева, указывают на единство формальных приемов: 1. смысловая путаница, 2. комическая ошибка, 3. двойничество образа, 4. функции образа. Имеется два общих комедийных элемента: название «Квадратура круга» и имя «Флавий», косвенно указывающие на эпоху греко-римской цивилизации, на эпоху Плавта. Подводя итоги, можно сказать, что общность приемов драматургической техники в комедиях «Клад», «Близнецы», «Пленники» и «Квадратура круга», их количественная совокупность указывают на заимствование Катаевым драматургических элементов комедий Плавта. Обращение к творчеству Плавта обогатило творческий арсенал драматургических приемов В. Катаева, но лишь творческое дарование и талант автора «Квадратуры круга» позволили создать произведение высокого художественного уровня.

Библиографический список

1. Богуславский А.О. Русская советская драматургия: основные проблемы развития. М.: Академия наук СССР, 1963. 376 с.
2. Галанов Б.Е. Валентин Катаев: размышления о Мастере и диалоги с ним. М.: Худож. лит., 1989. 318 с.
3. Скорино Л.И. Писатель и его время: жизнь и творчество В.П. Катаева. М.: Сов. писатель, 1965. 367 с.
4. Огрызко В.В. Циник с бандитским шиком. М.: Литературная Россия, 2015. 700 с.
5. Катаев В.П. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1983-1986. 574 с.
6. Плавт Тит Макций. Избранные комедии. Т. 1. / Пер. А.В. Артюшкова. Под ред. и с прим. М.М. По-

кровского. М., Л.: Academia, 1933-1935. 607 с.

7. Плавт Тит Макций. Избранные комедии. Т. 1. / Пер. А.В. Артюшкова. Под ред. и с прим. М.М. Покровского. М., Л.: Academia, 1933-1935. 607 с.

8. Плавт. Комедии. Том 2. // Памятники античной литературы. Терра, 1997. 205 с.

9. А.А. Попов. Постановка «Близнецов» Плавта С.Э. Радловым в 1928 году и реконструкция античной драмы в отечественном театре. // Временник Зубровского института. Вып. 1(12). 2014. 26-40 с.

10. Шаргунов С.А. Катаев: погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2017. 670 с.

References

1. Boguslavsky A. O. Russian Soviet drama: the main problems of development. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963. 376 p.

2. Galanov B. E. Valentin Kataev: reflections on the Master and dialogues with him. Moscow: Art. lit., 1989, 318 p.

3. Skorino L. I. the Writer and his time: the life and work of V. p. Kataev. writer, 1965. 367 p.

4. Ogryzko V. V. Cynic with bandit chic. Moscow: Literaturnaya Rossiya, 2015. 700 p.

5. Kataev V. P. Collected works. Moscow: Fiction, 1983-1986. 574 p.

6. Plautus Titus Maccius. Selected comedies. Vol. 1. / Per. A.V. artyushkov. Ed. and with a note By M. M. Pokrovsky. М., Л.: Academia, 1933-1935. 607 p.

7. Plautus Titus Maccius. Selected comedies. Vol. 1. / Per. A.V. artyushkov. Ed. and with a note By M. M. Pokrovsky. М., Л.: Academia, 1933-1935. 607 p.

8. Plautus. Comedies. Volume 2. // Monuments of ancient literature. Terra, 1997. 205 p.

9. A. A. Popov. Production of «Gemini» by S. E. Radlov in 1928 and reconstruction of the ancient drama in the domestic theater. // Annals Dubrovskogo Institute. Issue 1(12). 2014. 26-40 p.

10. Shargunov S. A. Kataev: the pursuit of eternal spring. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2017. 670 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81-23+371.6

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.26.78.014

*Институт лингвистики и международных
коммуникаций, Южно-Уральский
государственный университет
аспирант
Чу Цзяньминь
Россия, г. Челябинск, тел. +79821029843
e-mail: taozhang@yandex.ru*

*Institute of Linguistics and International Communi-
cations, South Ural State University (national
research university)
Post-graduate student
Chu Jianmin
Russia, Chelyabinsk, tel. +79821029843
e-mail: taozhang@yandex.ru*

Цзяньминь Чу

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЗДАНИЙ, ДОРОГ И ЛАНДШАФТОВ В КИТАЙСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Статья посвящена анализу лингвистических особенностей наименований зданий, дорог и ландшафтов в китайских учебных заведениях. Анализ проводится с точки зрения положений аксиологической лингвистики с целью выявления выражаемых языком и текстами ценностей. В ходе анализа речевого материала автор приходит к выводу, что наименования зданий, дорог и ландшафтов в китайских колледжах и университетах имеют лингвистическое своеобразие, отражающее определенные культурные особенности Китая и его богатое историческое наследие. Наименования, являющиеся символом учебного заведения, используются не только с целью его выделения среди других, в частности, его концепций и особенностей управления, его истории, культурного наследия и духовной атмосферы, но также и для того, чтобы объяснять и передать культурные ценности, создать культурную атмосферу и улучшить гуманистическое сознание преподавателей и учащихся.

Ключевые слова: своеобразие, наименование зданий, Китай, китайские учебные заведения, китайский язык, наименование дорог, наименование ландшафтов.

Jianmin Chu

LINGUISTIC FEATURES OF NAMES OF BUILDINGS, ROADS AND LANDSCAPES IN CHI- NESE EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article is devoted to the analysis of the linguistic features of the names of buildings, roads and landscapes in Chinese educational institutions. The analysis is carried out from the point of view of the provisions of axiological linguistics in order to identify values expressed in language and texts. In the analysis of speech material, the author concludes that the names of buildings, roads and landscapes in Chinese colleges and universities have a linguistic identity that reflects certain cultural characteristics of China and its rich historical heritage. The names that are the symbol of the educational institution are used not only to distinguish it from others, in particular its concepts and characteristics of management, its history, cultural heritage and spiritual atmosphere, but also to explain and convey cultural values, create a cultural atmosphere and improve the humanistic consciousness of teachers and students.

Key words: originality, name of buildings, China, Chinese educational institutions, Chinese language, name of roads, name of landscapes.

Изучение лингвистических особенностей наименований зданий, дорог и ландшафтов является исследовательской областью топонимики, которая рассматривает географические названия как системное образование. По справедливому замечанию Д.Ю. Ильина, системный подход «направлен на изучение объекта в целом и во взаимоотношении его элементов, на выявление связей между элемен-

тами системы, на описание объекта именно в том виде, в каком он представляет систему» [4; с. 465]. Топонимы изначально являются следствием естественной номинации, представлявшей собой «стихийный процесс коллективного создания, отбора и закрепления в языке названий объектов, требующих индивидуализации, выделения в ряду подобных, и его результат» [7; с. 6]. Изменения лексического состава языка и фонда словообразовательных средств, а также общественно-исторические процессы – изменение социально-экономических условий, мировоззрения, общественной психологии, культурно-ценностной ориентации – повлекли за собой появление и широкое использование искусственной номинации топонимических объектов [3; с. 10 - 11].

Под термином «искусственная номинация» понимается преднамеренное словотворчество, направленное на пополнение лексического языкового фонда [2; с. 4]. В процессе искусственной номинации географическое название выбирается носителями языка под существенным воздействием субъективных и личностных факторов. Введение создаваемого географического имени в систему языка представляет собой волевой акт со стороны социума, сопровождаемый письменной фиксацией этого названия. В результате появляется искусственное название с особыми эстетическими функциями [4; с. 466].

Развитие искусственной номинации, расширение сферы ее применения – закономерное следствие прогресса человеческой знаний, увеличения роли сознательного воздействия человека на стихийно протекающие процессы языковой эволюции [3; с. 11]. Для настоящего исследования интерес представляет сложившаяся система присвоения имен топонимическим объектам кампусов китайских университетов, которая, на наш взгляд, является ярким примером активной роли номинаторов в процессе искусственной номинации указанных объектов.

Учебное заведение является местом обучения и просвещения людей, колыбелью творческого роста учащихся, поэтому создание культурной среды кампуса имеет большое значение, а здания, дороги и ландшафты кампуса являются важными носителями университетской культуры. В «Мнениях Министерства образования КНР и Центрального комитета Коммунистической молодежной лиги по вопросам укрепления и совершенствования строительства кампусной культуры в колледжах и университетах» (《教育部共青团中央关于加强和改进高等学校校园文化建设的意见》) говорится: ‘Сделайте так, чтобы горы, вода, сады, леса, дороги и т. д. университетского городка служили гармоничной интеграции функций: функции пользования, эстетической функции и образовательной функции ... Организовать студентов колледжа для участия в планировании, присвоении имен и управлении зданиями кампуса и дорожными достопримечательностями. Укреплять у студентов чувство идентичности с культурной средой кампуса’ [6].

Названия зданий, дорог и ландшафтов кампуса играют важную роль в отражении философии управления учебным заведением и характеристик кампуса, в создании культурной атмосферы кампуса, и становятся органическим носителем духа учебного заведения. Университетские здания, дороги и ландшафты являются не только центральным звеном в строительстве окружающей среды кампуса, но также и демонстрацией мягкой силы учебного заведения. По указанным причинам многие учебные университеты и колледжи уделяют большое внимание присвоению имен вышеназванным топонимам, включая эти мероприятия в стратегические планы развития учебных заведений.

Названия зданий, дорог и ландшафтов кампуса являются географическими названиями, большинство из которых соответствуют структуре имен собственных. Хотя наименования зданий, дорог и ландшафтов кампусов в колледжах и университетах отличаются от обычных географических названий, они в основном соответствуют требованиям «Правил управления географическими названиями» (《地名管理条例》), опубликованных Государственным советом Китая 23 января 1986 г., и «Инструкции для исполнения правил управления географическими названиями» (《地名管理条例实施细则》), изданной китайским Министерством гражданских дел 18 июня 1996 г.

Однако, с точки зрения культурного значения имен, названия зданий, дорог и ландшафтов кампуса имеют свои уникальные элементы. Здания, дороги и ландшафты кампуса являются не только визуальным представлением внешнего образа школы, но и носителем духовной среды, они должны способствовать распространению духовной культуры учебного заведения, поэтому присвоение имен зданиям, дорогам и ландшафтам кампуса зависит как от объективных условий, так и от субъективных факторов. Фактически, присвоение имен зданиям, дорогам и ландшафтам кампуса основано на сочетании факторов географической среды и факторов духовной культуры кампуса.

Необходимо отметить, что многие наименования зданий, дорог и ландшафтов территорий учебных заведений связаны с древней историей этих мест и с китайской историей в целом, что находит свое отражение в специфике языка, используемого в названиях этих топонимических объектов. В частности,

в наименованиях объектов широко используются элементы вэньянь, (文言 wényán, ‘культурная речь’ или ‘речь письмен’), являвшегося официальным письменным языком Китая до начала XX века.

Вэньянь стал основным элементом, скрепившим китайскую языковую традицию. Не являясь официальным литературным языком Китая с XX века, вэньянь до сих пор является неотъемлемой частью китайской культуры. На нем написана подавляющая часть литературного наследия, философская литература. Вэньянь крайне эффективно передает содержание текста, позволяя выразить небольшим количеством знаков очень многое. Основные черты грамматики вэньяня заключаются в том, что язык отличается своей лаконичностью, и текст на нем содержит примерно вдвое меньше иероглифов, чем тот же текст на современном китайском языке. Этому способствует то, что в вэньяне преобладают односложные слова, которые записываются одним иероглифом [5; с. 487-489]. При этом многие односложные слова языка вэньянь, утратившие способность самостоятельного синтаксического употребления, входят в состав фразеологических единиц, вступая в сложное взаимодействие со словами современного китайского языка.

Указанные лингвистические особенности будут более подробно раскрыты ниже в ходе анализа топонимических объектов согласно принятой в данной работе классификации указанных объектов.

Анализируя наименования зданий, дорог и ландшафтов, мы делим их на следующие категории в соответствии с принципами номинации топонимов:

- идентификационные слова, определяющие местоположение объектов и окружающую среду;
- воодушевляющие слова, выражающие стремление к обучению людей и организации учебы;
- имена собственные, отражающие историческую эволюцию и создающие духовную атмосферу обучения;

- изысканные слова и выражения из старинных текстов.

Использование идентификационных слов, определяющих местоположение объектов и окружающую среду

Являясь публичными объектами, здания, дороги и ландшафты кампуса обеспечивают необходимые материальные гарантии для педагогической деятельности и повседневной жизни в кампусе. В то же время их расположение и дизайн ограничены естественными границами кампуса, что находит отражение в названиях этих топонимов. В процессе присвоения наименований зданиям, дорогам и ландшафтам кампуса обычно используются числительные или буквы, такие как 一、二、三; 甲、乙、丙; А, В, С (один, два и три, А, В, С) и т.д.; существительные-направления (директивы), такие как 东、西、南、北、中央 (восток, запад, юг, север и центр) и т.д.; функциональные слова, такие как 行政、总务、文科、理工 (администрация, общие вопросы, гуманитарные науки, наука и техника) и т.д. Указанные слова в основном используются с целью указания местонахождения топонимического объекта и его положения относительно других объектов. При этом некоторые колледжи и университеты не уделяют достаточного внимания наименованиям зданий, дорог и ландшафтов кампусов. Они считают, что название является лишь признаком идентификации и используют удобный и общепринятый способ назвать их. Мы обычно слышим названия «一号楼» ‘корпус № 1’, «东门» ‘Восточные ворота’, «实验楼» ‘лабораторный корпус’, «生物楼» ‘биологический корпус’. Оставаясь на функциональном уровне, они лишь подчеркивают идентификационные признаки объекта, легко запоминаются и локализируются, но не имеют характерных особенностей и культурного значения.

Использование воодушевляющих слов, выражающих стремление к обучению людей и организации учебы

Слова, которые чаще встречаются в названиях зданий, дорог и ландшафтов кампуса, связаны с образованием и выражают надежду на светлое будущее.

Например, Пекинский университет присвоил семи зданиям имена, содержащие слова с иероглифом 斋 ‘студия [для занятий]’: 德斋、才斋、均斋、备斋、体斋、健斋、全斋. Соединенные вместе (без общего компонента 斋), иероглифы, используемые в именах зданий, образуют словосочетание «德才均备体健全», которое означает ‘воспитывать нравственных, талантливых и здоровых людей’. Основу данного выражения составляет известный с древности и широко используемый в Китае для характеристики деловых и моральных качеств людей (особенно при подборе кадров) фразеологизм «德才兼备» ‘обладать высокими моральными и деловыми качествами; сочетание высокой нравственности и таланта’. Это демонстрирует, что Пекинский университет всегда придерживался образовательной философии и целей воспитания талантов, всестороннего развития морали, интеллекта и спорта.

В университете Цинхуа (г. Пекин) также имеется восемь зданий, имена которых содержат иеро-

глиф «斋» «студия [для занятий]»: «宁斋, 静斋, 明斋, 善斋, 强斋, 诚斋, 立斋, 新斋.» Соединенные вместе (без общего компонента斋), иероглифы, используемые в именах зданий, образуют словосочетание «宁静明善, 强诚立新», «мирный, светлый и добрый, сильный, искренний и современный», которое по-новому излагает университетский девиз «自强不息, 厚德载物» «непрестанно совершенствуясь, быть способным на великие свершения». Данный девиз, в свою очередь, основывается на известных с древности фразеологизмах, встречающихся ещё в раннем китайском философском тексте «周易» «Чжоуи» (известном также как «易经» 'И цзин' и 'Книга Перемен'), который датируется ок. 700 г. до н. э.: а) «自强不息» «неустанно крепить свои силы, неуклонно стремиться вперёд, постоянно самосовершенствоваться»; б) «厚德载物» «добродетельный муж способен на великие свершения» (часто используется как пожелание успехов в учебе). Следовательно, приведённая выше топонимика, отсылающая обитателей и посетителей кампуса к традиционным культурным ценностям, отражает идеалы, убеждения и надежды преподавателей и учащихся университета Цинхуа.

Уханьский университет (г. Ухань, административный центр провинции Хубэй) является крупным учебным заведением с широким спектром дисциплин, имеющим глубокое культурное наследие. В кампусе есть «文体路» «ул. Культуры и спорта», «人文路» «ул. Гуманитарная», «科技路» «ул. Научно-техническая». Такие названия отражают стремление Уханьского университета к всестороннему развитию и подчеркивают философию управления университетом – сочетание гуманитарных наук и технических специальностей.

Харбинский инженерный университет (г. Харбин, административный центр провинция Хэйлунцзян) известен в Китае в качестве основной движущей силы в сферах кораблестроения и исследования океана. Названия четырех дорог, проходящих вокруг военного полигона, отражают философию учебного заведения и морскую специфику научной школы Харбинского инженерного университета: «东海路» улица *Дунхай* – «Восточная морская»), «南海路» (улица *Наньхай* – «Южная морская»), «西海路» (улица *Сихай* – «Западная морская») и 北海路 (улица *Бэйхай* – «Северная морская»).

Кампус Пекинского педагогического университета (г. Пекин), одного из старейших университетов Китая, имеет улицы «乐育路» «*Лейу*», «励耘路» «*Лиунь*» и «立身路» «*Лишэн*». «乐育» значит «с любовью учить (наставлять, воспитывать)», «励耘» имеет значение «целеустремленно и упорно трудиться» (соединен смысл слов «励志» «вдохновлять; закалять волю, воспитывать стойкость (целеустремленность) характера» и 耕耘 «пахать и полоть», переносный смысл – «упорно трудиться»; 立身 значит «становиться самостоятельным; обеспечивать своё существование; находить своё место в жизни; вырабатывать личный характер». Приведенные названия улиц кампуса отражают стремление номинатора выразить в них философию школы, где приоритетное внимание уделяется подготовке преподавателей, к которым предъявляются требования упорно трудиться, чтобы выработать в себе качества, необходимые для последующей работы по обучению и воспитанию учащихся.

В кампусе Северо-Восточного педагогического университета (г. Чанчунь, административный центр провинции Цзилинь), известного своей историей, мощной научной базой и современными образовательными программами, имеются «园丁路» «улица Учителей», «学思路» «улица Учебы и размышлений», «行知路» «Улица практических знаний» (知 – «научные знания», 行 – «человеческая практика», 行知 – «получение знаний через практику»). В приведённых наименованиях проявляется стремление номинатора выразить стратегию университета на повышение качества педагогического образования и соответствие мировым стандартам.

В кампусе Юньнаньского педагогического университета (г. Куньмин, административный центр провинции Юньнань) есть «红烛路» «улица Красная свеча». Слово «红» «красный (цвет)» в китайском языке имеет положительную коннотацию. «В соответствии с ментальностью китайского народа, служащей основой его древнейшей философской традиции, красный цвет, традиционно любимый и почитаемый жителями этой страны, выражает их любовь к жизни и символизирует удачу, тепло, силу» [8; с. 104]. Словосочетание «红烛» «красная свеча» в китайском языке часто используется как метафора для образа учителя: учитель, как красная свеча, горит и освещает путь к знаниям.

Кампус Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (г. Харбин, административный центр провинция Хэйлунцзян) имеет улицы «劝耕路» и «劝学路» «убеждать студентов старательно учиться». В основу названных имен улиц положены известные с древности выражения «劝耕» «убеждать, поощрять усердно трудиться» и «劝学» «убеждать, поощрять учиться (последнее использова-

лось китайским мыслителем конфуцианской традиции荀子 Сюнь-цзы (313 до н. э. - 238 до н. э.) в философском трактате о пользе обучения). Присвоение имен указанным улицам кампуса направлено на то, чтобы подчеркнуть профессиональные характеристики и особенности работы университета, а также сыграть ведущую роль в культуре присвоения имен для развития талантов. Этими словами номинатор выражает стремление к тому, чтобы развивать у студентов усердное, строгое и реалистичное отношение к обучению, к овладению глубокими научными и культурными знаниями, пробуждению благородных чувств и высоких духовных стремлений.

Использование имен собственных для отражения исторической эволюции и создания духовной атмосферы обучения

История университетов и колледжей может богатой, а может быть непродолжительной, однако есть личности и события, о которых следует помнить. Памятные исторические события и богатые культурные традиции являются ценным достоянием университета, и это должно находить свое отражение в наименованиях зданий кампуса, дорог и ландшафтов. Для университетов, прошедших длительный путь развития, ретроспектива основных исторических событий и память о знаменитых преподавателях учебного заведения, несомненно, являются лучшим способом подчеркнуть свои особенности.

Например, «先驎楼» ‘здание «Сяньсу» в кампусе «Яоху» в педагогическом университете Цзянси (г. Наньчан, административный центр провинции Цзянси.) названо в честь доктора Ху Сяньсу, всемирно известного основателя современной таксономии растений.

«方荫楼» ‘здание Фаньинь’ было названо в честь профессора ЦайФаньинь, известного механика - строителя и члена Академии наук Китая.

В кампусе Пекинского университета есть дорога «五四路» ‘ул. 4 мая’. Это ознаменование начала Движения 4 мая – массового антиимпериалистического движения, возникшего в Пекинском университете в 1919 году и повлекшего широкие прогрессивные реформы в китайском обществе,

Чтобы почтить память ЧжуЦзыцина (朱自清), известного китайского эссеиста, поэта и литературоведа, в университете Цинхуа установлена статуя ЧжуЦзыцина в «近春园» ‘сад Цзиньчуньюань’.

Чжуншань (中山) – один из псевдонимов, которые использовал основатель Китайской Республики Сунь Исянь (孙逸仙), в большей мере известный в остальном мире как Сунь Ятсен, англ. *Sun Yat-sen* (так звучит его имя на кантонском диалекте). В его честь назван «中山大学» ‘университет Чжуншань’, расположенный в провинции Гуандун в городах Гуанчжоу и Чжухай. В память о нем, как основателе этого учебного заведения в ‘университете Чжуншань’ также названы «逸仙路» ‘улица «Исянь» и «中山楼» ‘здание «Чжуншань’.

Чтобы увековечить память о ректоре Университета Фудань (г. Шанхай) ЧэньВандао, в его честь была названа одна из улиц кампуса - «望道路» ‘улица Вандао’.

Университет Гуанси (г. Наньнин, административный центр Гуанси-Чжуанского автономного района) чтит память первого ректора, МаЦзюньву, и в кампусе есть названная в его честь «君武路» ‘улица Цзюньву’.

Нанькайский университет(г. Тяньцзинь) увековечил память основателя университета Чжан Болина и известного математика Черн Шиинг-Шен, поэтому в кампусе есть «伯苓楼» ‘здание «Болин» и «省身楼» ‘здание «Шиинг-Шен’.

В Шанхайском транспортном университете (г. Шанхай) есть «钱学森图书馆» ‘библиотека Цянь Сюэсэнь’, названная в честь выдающегося выпускника – отца китайской космонавтики Цянь Сюэсэня (钱学森).

Предшественником Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай) является «大夏大学» - «Великий китайский университет» (основан в 1924 году, в 1951 году стал частью Восточно-китайского педагогического университета), поэтому в кампусе есть «大夏路» ‘ул. Великая китайская’.

Предшественником Тяньцзиньского университета (г. Тяньцзинь) является Бэйянский университет, основанный в 1895 году. Это первый современный университет в Китае, так что в университете есть ‘площадь Бэйян’.

Наименования «京师路» ‘ул. Столичная учительская’ и «辅仁路» ‘ул. Фужень’ Пекинского педагогического университета призваны отражать богатую историю университета, поскольку предшественником Пекинского педагогического университета были «Столичные учительские палаты», а «Католический университет Фужень» позднее был объединен со школой.

Наименования улиц кампуса Нанкинского университета (г. Нанкин) «三江路» ‘ул. Саныцзян-

ская», «两江路» 'ул. Лянцзянская', «南高路» 'ул. Нангао', «东南路» 'ул. Юго-восточная' и «中大路» 'ул. Чжунда', по замыслу номинатора отражают предыдущие исторические этапы школы, а именно: «三江师范学堂» 'Саньцзянское педагогическое училище', «两江师范学堂» 'Лянцзянское педагогическое училище', «南京高等师范学校» 'Нанкинское педагогическое высшее учебное заведение', «国立东南大学» 'Государственный юго-восточный университет' и «国立中央大学» 'Государственный центральный университет'.

Интенсивное использование имен собственных, таких как топонимы и личные имена, поможет напомнить определенную страницу истории учебного заведения, вспомнить определенного человека, записать определенное событие, улучшить понимание истории школы преподавателями и учащимися, стимулировать трудолюбие учащихся и воспитать у студентов чувство чести и гордости, а также позволяет осуществлять духовное руководство, оказывая влияние на мотивацию учащихся и культурный уровень кампуса.

Использование изысканных слов и выражений из старинных текстов с целью обращения к культурным истокам и повышения культурного уровня.

Ввиду разнообразия и неравномерности исторического фона, категорий и уровней различных университетов, номинация на основе исторического развития может не подходить для каждого университета. Названия, в которых использованы изысканные слова и выражения из старинных текстов, могут создать изысканную и возвышенную духовную атмосферу в кампусе, демонстрируя глубокое культурное наследие школы.

Наименования «青蓝亭» «беседка «Цинлань» и 青蓝湖 'озеро Цинлань' в педагогическом университете Цзянси (г. Наньчан, административный центр провинции Цзянси.) происходят от фразеологизма «青出于蓝而胜于蓝» 'синяя краска добывается из индиго, но она ярче, чем индиго'. Переносный смысл этого выражения: превзойти своих учителей (предшественников); ученик воспитывается своим учителем и его превосходит. Данный фразеологизм встречается ещё в философском трактате 荀子 Сюнь-цзы (313 до н. э. - 238 до н. э.), китайского мыслителя конфуцианской традиции, утверждавшего, что возможности человеческого познания безграничны.

Цзянсийский Университет финансов и экономики (г. Наньчан, административный центр провинции Цзянси) был вдохновлен произведением Ван Бо 王勃 (649 г. — 676 г.), поэта начала «золотого века» китайской поэзии — эпохи Тан (VII-X вв.). Данное произведение имеет название «滕王阁序» «Тэн ван гэ сюй» 'Предисловие к стихам «Во дворце Тэнского князя». «滕王阁序» «Тэн ван гэ сюй» считается образцом гувэнь (古文 'древнее письмо') - традиционной литературы несюжетных форм, написанной на письменном языке вэньянь, и входит во все хрестоматии. Оно содержит следующие фразеологизмы: «物华天宝» 'лучшая вещь, неземная ценность, дар небес'; «人杰地灵» 'люди исключительные, и земля чудесная; человек прославляет землю, на которую ступает'; 俊采星驰 'talенты в мире сияют как звезды'. В результате, улицы кампуса получили следующие изысканные имена, напоминающие о литературном шедевре: «天宝路» «улица Тяньбао», «人杰路» «улица Жэньцзу», «俊彩路» «улица Цзюньцай» и «星驰路» «улица Синчи», «人杰路» «улица Жэньцзу». Из приведенного примера видно, что использование изысканных слов и выражений из старинных текстов в наименованиях улиц кампуса демонстрирует богатое культурное наследие и формирует образ университета, отличный от других аналогичных учебных заведений.

В Китайском народном университете (г. Пекин) есть здание под названием «明德» 'высшая (идеальная) добродетель'. Такое имя присвоено зданию под влиянием «大学» «Да сюэ» - конфуцианского канона, созданного в V-III вв. до н.э., в котором используется слово «明德», означающее 'высшая (идеальная) добродетель': «大学之道，在明明德，在亲民，在止于至善» 'путь самосовершенствования в прояснении добродетелей, близости к народу, познании пределов совершенства' [1]. Использование слова 明德 'высшая (идеальная) добродетель' из классического китайского философского произведения «Да сюэ» отражает стремление современного университета к развитию здоровой личности студентов.

В кампусе 复旦大学 «Университета Фудань» (г. Шанхай) имеется дорога, идущая с востока на запад. Эта дорога называется 光华大道 (Проспект Гуанхуа). Название этого университета и название проспекта в кампусе университета обязаны своим происхождением классическому произведению китайской поэзии «尚书大传» («Шаншудачуань»), в котором есть такие строки:

日月光华，旦复旦兮‘Солнце и луна льют свой свет; после ночи вновь приходит рассвет.’ [9]. Эта фраза имеет глубокий смысл, вызывает ассоциации с процессом возрождения. Подразумевается, что Фуданьский университет с течением времени будет только укрепляться.

Присвоение имен зданиям, улицам (дорогам) и ландшафтам кампусов является частью культуры кампуса и важной частью обустройства кампусов. Использование культурного наследия Китая, в том числе древней поэзии, для обозначения зданий, дорог и ландшафтов кампуса получило признание у большинства университетов, колледжей и у студентов. Культура сама по себе является своего рода продуктом, который не только определяет духовную атмосферу университетов и колледжей, но также способствует созданию в кампусе благоприятной культурной среды, что существенно повышает престиж учебного заведения. В результате находящиеся в кампусе студенты наследуют и развивают культурные традиции, начинают ценить духовную атмосферу учебного заведения, что способствует его развитию и процветанию.

Библиографический список

1. «Тунчуаньцзу», сайт в Интернете - <http://tongchuanzu.ru/cn/stati/12-slovar.html> (дата обращения: 09.01.2020).
2. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова // Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. – 232 с.
3. Голомидова, М. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Вып. 19 : Номинация в ономастике. — С. 5 - 13
4. Ильин, Д.Ю. Языковая картина мира и ее отражение в топонимике региона» / Ильин Д.Ю. // Личность. Культура. Общество 2008, Москва, т. 10, № 5-6 (44-45), С. 464-471.
5. Ким, Е.В. Китайский литературный язык «Вэньянь» / Ким Е.В., Сагеева Я.П. // Молодой учёный. – 2015. – №16 (96). – С. 487-489.
6. Министерство образования КНР, сайт в Интернете - Мнения Министерства образования КНР и Центрального комитета Коммунистической молодежной лиги по вопросам укрепления и совершенствования строительства кампусной культуры в колледжах и университетах. http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/gk_gbgg/moe_0/moe_495/moe_512/tnull_6653.html (дата обращения 10.01.2020)
7. Ономастика русского Севера: пособие к спецкурсу / Е.Н. Варникова, Е.Н. Иванова, Н.В. Комлева, С.Н. Смольников. Вологда, Легия, 2012.
8. Самохина, Л.А. Символика красного в русской и китайской лингвистических и культурных парадигмах / Самохина Л.А., Иванова Л.А., Мэн Хунхун. // Вестник Башкирского университета. – 2018, т. 23. №1. С. 101 – 106.
9. Университет Фудань, статья из электронной энциклопедии - https://ru.qwe.wiki/wiki/Fudan_University. (дата обращения: 09.01.2020).

References

1. «Tunchuan'czu», sajt v Internete - <http://tongchuanzu.ru/cn/stati/12-slovar.html/>
2. Golomidova, M. V. Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike / M. V. Golomidova // Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 1998. – 232 p.
3. Golomidova, M. V. Nekotorye teoreticheskie voprosy iskusstvennoj toponimicheskoj nominacii / M. V. Golomidova // Voprosy onomastiki. – Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1991. – Vyp. 19 : Nominaciya v onomastike. – P. 5 - 13
4. Il'in, D.YU. YAzykovaya kartina mira i ee otrazhenie v toponimike regiona» / Il'in D.YU. // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo 2008, Moskva, t. 10, № 5-6 (44-45), P. 464-471.
5. Kim, E.V. Kitajskij literaturnyj yazyk «Ven'yan'» / Kim E.V., Sageeva YA.P. // Molodoj uchyonyj. – 2015. – №16 (96). – P. 487-489.
6. Ministerstvo obrazovaniya KNR, sajt v Internete - Mneniya Ministerstva obrazovaniya KNR i Central'nogo komiteta Kommunisticheskoj molodezhnoj ligi po voprosam ukrepleniya i sovershenstvovaniya stroitel'stva kampusnoj kul'tury v kolledzhah i universitetah. http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/gk_gbgg/moe_0/moe_495/moe_512/tnull_6653.html/
7. Onomastika russkogo Severa: posobie k speckursu / E.N. Varnikova, E.N. Ivanova, N.V. Komleva, S.N. Smol'nikov. Vologda, Legiya, 2012.
8. Samohina, L.A. Simvolika krasnogo v russkoj i kitajskoj lingvisticheskikh i kul'turnyh paradigmah / Samohina L.A., Ivanova L.A., Men Hunhun. // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2018, t. 23. №1. P. 101 – 106.
9. Universitet Fudan', stat'ya iz elektronnoj enciklopedii - https://ru.qwe.wiki/wiki/Fudan_University/

УДК 821.112.2.01

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.41.99.015

*Геттингенский университет им. Георга-Августа
философский факультет
аспирант*

Оспальд Ингрид

Германия, г. Геттинген, тел. 49 177-4160115

e-mail: Ingrid.Ospald@gmx.de

*Georg-August-University of Göttingen
Faculty of philosophy*

Postgraduate student

Ospald, Ingrid

Germany, Göttingen, tel. 49 177-4160115

e-mail: Ingrid.Ospald@gmx.de

Ingrid Ospald

WEGZWEIGUNGEN (REZEPTION DES DAOISMUS DURCH ALFRED DÖBLIN)

The article presents a hermeneutical (in a philosophical sense) approach to the work of one of the most popular German writers of the XXth century. An attempt is made to identify the influence of Daoist philosophy on the work of Alfred Döblin in order to trace the ways of forming the basis of his worldview. At the beginning there is the question of the origin: the texture imagined by the Poststructuralists (Kristeva, Barthes) does not know any origin. She relies on the comparability of the textual signs and its weaving. After Barthes the eastern texture is characterized by eluding signification. Döblin speaks of primary-ego and primary-sense and it seems that he imitates idealistic diction. After Frege we can describe the commonality as follows: "sense" means a sort of mode of presentation which is also characteristic for the Daoist De. It is "sense" but without "meaning". Döblin's appropriation of the Wuwei-doctrine ranges between the paradoxical empowerment of the individual and the historical role of the active human being. According to Laozi there is no opposition of not-doing and doing, but being interlaced. Fichtes "I" and the Döblinian "I" differ in their imagination of empowerment and first set. First it is the way to the inside which enables the longed for epiphany. The way to sense is the infinite movement that does not get to its goal. One commonality: by going the way of the Dao, the human being realizes the De. This is the Daoistic consiliation of the abstract and the concrete. Setting and dissolving of the I – both a way to get to oneself. The goal is: perfecting of the I and obtaining the I. This is sense, there is meaning: it is sense and meaning which branches. As a result, it was found that the close interweaving of Western and Eastern philosophical thought, which defined Döblin's worldview, was united in his creative method.

Key words: Poststructuralism, origin, primary-sense, Wuwei, Fichte's "I", Dao and De.

Ингрид Оспальд

«ОТВЕТВЛЕНИЯ ПУТИ» (РЕЦЕПЦИЯ ДАОСИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА)

В статье представлен герменевтический (в философском смысле) подход к творчеству одного из самых популярных немецких писателей XX века. Предпринята попытка выявить влияние философии даосизма на творчество Альфреда Дёблина с целью проследить пути формирования основы его мировоззрения. Прежде всего, ставится вопрос о происхождении: текстовая ткань, воображаемая постструктуралистами (в первую очередь Ю. Кристевой и Р. Бартом), не знает этого понятия. Она опирается на сопоставление текстовых знаков и их переплетение. После Барта «восточная» текстовая ткань характеризуется ускользающим значением. Дёблин говорит о первичном «эго» и первичном «чувстве», в результате может показаться, что он подражает идеалистической установке. После Фреге общность можно описать следующим образом: «смысл» означает своего рода способ представления, который характерен и для даосского «Дэ». Это «смысл», лишенный «значения». Утверждение Дёблином доктрины У-вэя колеблется между парадоксальным наделением человека полномочиями и исторической ролью активного человеческого существа. Согласно Лао-Цзы, нет противопоставления «не-делания» и «делания», но есть их переплетение, тесная взаимосвязь. Фихтеанское «я» и дёблинианское «я» различаются своими полномочиями и «первоисточником». Во-первых, это путь вовнутрь, который делает возможным желанное прозрение. Путь к «чувству» – это бесконечное движение, которое не достигает своей цели. Но, идя по пути «Дао», человек реализует «Дэ». В этом – даосское примирение абстрактного и конкретного. Формирование и растворение своего «я» – два способа добраться до самого себя. Цель такова: совершенствование «я» и

обретение «я» – в этом и «смысл», и «значение», которые разветвляются. В результате установлено, что тесное переплетение западной и восточной философской мысли, которое определило мировоззрение Дёблина, соединилось и в его творческом методе.

Ключевые слова: постструктурализм, происхождение, основной смысл, У-вэй, фихтеанское «Я», «Дао» и «Дэ».

1) Vom Gewebe zum fiktionalen Gewand

In seinem frühen Werk *Die Ordnung der Dinge* liefert Foucault eine Bildbeschreibung des Bildes *Las Meninas* von Velazquez [3]. Indem er dies tut, macht er auf die Medialität von Bild und Schrift, sowie ihrer Verschränkung aufmerksam. Dabei erweist sich die Bildanalyse als ein einziger hermeneutischer Faden innerhalb des Diskurses, der ihre mediale Verfasstheit wahrnimmt und damit auch mit fiktionalen Texten [4] und anderen Formaten (man denke etwa an Reisebeschreibungen) vergleichbar macht. Da er von einem Textgewebe ausgeht, können Texte unterschiedlicher Verfasstheit miteinander verglichen werden, z.B. weil sie derselben Episteme angehören. Dabei tritt das Wie seltsamerweise hinter das Was zurück: es ist nicht die Fiktionalität, die im Vordergrund steht, sondern allein die Redeformation, die sich als einzelner Faden im Gewebe des Diskurses erweist. Indem Foucault dies tut, indem er sich an eine Interpretation wagt, macht er die Interpretation zum Gegenstand. Damit wird auch ein fiktionaler Text beschreibbar; es wird möglich ihn aufgrund des Diskurses seines fiktionalen Gewandes zu entkleiden. Der Diskurs sowie hermeneutische Beschreibung ermöglichen dies. Die Rede über einen Gegenstand wird selbst zum Gegenstand der Rede.

2) Ursprünge der Textur: Fragen zum Ursprung

Die Frage stellt sich, wie Döblin sich die daoistische Lehre des Wuwei aneignet. Entsteht eine neue Textur oder webt er die unendliche Textur der Texte einfach nur weiter unter einer anderen Signatur? Verbürgt allein die Signatur die Authentizität des Textes? Stellt sich die Wuwei-Lehre auch diesen Fragen und wenn ja, wie beantwortet sie sie? Imaginiert der Daoismus auch eine Ursprünglichkeit oder ist das eine Europäische Krankheit? Wenn auch der Daoismus Ursprungsgedanken unterhält, wie geht Döblin mit diesen um? Wenn wir Foucault heranziehen, der jeden Ursprung nahezu leugnet, dann sind wir auf Fichtes "Ich" [2] zurückgeworfen.

Wie verhält sich das Ich zum Textgewebe? Steht es außerhalb des Textes? Geht es als Zeichen in das Gewebe des Textes ein? Ist das Ich, um mit Descartes zu sprechen, ein stabiler Referent?

3) Der Entzug der Zeichen: Daoismus

Lässt sich der Daoismus phänomenologisch einholen, oder ist es, um mit Barthes zu sprechen, gerade der Entzug der Zeichen, die charakteristisch ist für Chinesische Weisheit? Das Dao, der Urgrund, ist nicht im westlichen Sinne ein Urgrund, sondern vielmehr das, was sich immer wieder entzieht. Es wird also nicht zum Zeichen innerhalb einer Textur, sondern versucht eine Erfahrung zu beschreiben, die jenseits der Vereindeutigung anzusiedeln ist. Die Frage lautet, kann das Dao jemals Zeichen werden? Indem wir das Dao als metaphysischen Urgrund ansehen, wird künstlich eine Letztbegründung hergestellt. Der Daoismus scheint eine Letztbegründung zu liefern ohne wirklich Begründung sein zu wollen.

4) Fichtes Ich oder tatloses Wuwei?

"Ich bin Ich" ist bei Fichte ein Ausdruck einer Tathandlung, nicht so im Dao und Wuwei.

Bei Fichte erscheint das Ich als aktives Sich-Setzen. Aber ist es auch ein stabiler Referent im Anschluss an Descartes? Ist Döblins Ur-Ich ein Urgrund des Ich, ein idealistisches Ich? Indem er vom Urich und Ursinn spricht, scheint es, versucht er mit Westlicher Philosophie etwas einzuholen, für das es offenbar (noch) keine Begriffe gibt: was er möglicherweise übersehen hat, ist, dass die Idealistische Philosophie des Westens gerade für das Nicht-Handeln nur den Begriff des Handelns hat. Das heißt, die Philosophie des Daoismus mit westlichen Parametern zu beschreiben, führt zu einer Inkongruenz, zu einer nahezu oder auch oftmals tatsächlich statthabenden Paradoxie. Während im Verständnis des Daoismus Handeln und Nicht-Handeln eben nicht einander entgegengesetzt sind, wird in der Westlichen Philosophie ein Handeln da angesetzt, wo es gleichfalls nicht statthat. Die materielle Grundsubstanz wird nicht als empirische Realität imaginiert, sondern als die Möglichkeit des Entstehenden. Bei Fichte ist es die Tathandlung, die eine empirische Realität herstellt und auf die Bezug genommen werden kann. Aus dem Gestaltlosen (und hier stimmen sowohl der Idealismus und Daoismus miteinander überein) wird Gestalt.

5) Ausweg: Freges Unterscheidung von "Sinn" und "Bedeutung"?

Erst wenn wir den "Sinn" mit Fichte als Gegebensein, als situativ und passiv beschreiben, könnte es zu einer Annäherung zwischen Westlicher und Östlicher Philosophie kommen. Wenn wir "Sinn" als situativ begreifen, als etwas, das in einer bestimmten Form gegeben ist, dann können wir dies mit dem "De" des

Daoismus kurzschließen. Das "De", die menschliche Form des Daoismus, ist ein Sich-Entziehen, wie wir gesehen haben, und unterläuft damit immer Bedeutung. Es ist in seiner schwachen, passiven Form gegeben und wahrnehmbar. Es ist "Sinn", aber ohne "Bedeutung", ohne jemals einen Referenten ausbilden zu können. Damit ist das "De" das Erscheinen und Wirken des Dao, der Sammelbegriff für das menschliche Verhalten. Lässt sich die Beziehung des De zum Dao über die Gegensätze von "konkret" und "abstrakt" begreifen oder greift dies zu kurz? Das De versucht das Dao zu verwirklichen, es konkret in der menschlichen Handlung zu verankern. Das Dao ist unerreichbar, aber gegenwärtig.

6) Döblins Aneignung der Wuwei-Lehre

Wenn die Wuwei-Lehre auf dem Qi aufrucht, was bedeutet das für die Interpretation Döblins? Wie gestaltet sich die Aneignung? Zunächst erscheint Döblins Aneignung paradox, da er sowohl die Handlungsfähigkeit des Menschen mindert, als auch die historische Rolle des handelnden Menschen betont (ethische Dimension des Wuwei). Das Nichthandeln ist bei Laozi nicht dem Handeln gegenübergestellt, sondern in ihm bereits enthalten. Es ist die Taktik, die Seite des Schwächeren einzunehmen und die Veränderungen bis zur Wende abzuwarten, um in Verbindung mit dem Weltwesen zu bleiben. In diesem Sinne bedeutet Schwäche Stärke. Mir scheint, dass Döblin ganz bewusst seine eigene Interpretation des Daoismus setzt. Es geht ihm nicht um die einzige, richtige Interpretation, sondern darum, das eine im anderen wiederzufinden. Zu zeigen, wo es Parallelen und wo es Reibungsflächen gibt.

7) Das Selbst zwischen Behauptung und Negation: das Setzen des Ich

Während für den Daoismus die Befreiung von der Selbstbehauptung im Vordergrund steht, konzeptualisiert Döblin das Selbst als aktives, das eine Rolle in der Geschichte einnimmt; also keine gänzliche Negation des Egos. Spannend in diesem Zusammenhang ist, wie das dezentrierte Ich des Daoismus mit einem sich setzenden Ich des Westlichen Idealismus verbunden werden kann, ohne sie letztendlich als unversöhnbare Gegensätze zu begreifen. Darauf kommen wir an späterer Stelle noch einmal zurück.

8) Döblins "Urich" und "Ursinn": Lesarten

Outet sich Döblin als Idealist, idem er von "Urich" spricht? Was bedeutet seine Sprache von "Urich" und "Ursinn"? Dürfen wir annehmen, dass es sich um den stabilen Referenten des "Ich denke" im Anschluss an Descartes handelt? Ist der "Ursinn", wie ihn Döblin denkt, ein stabiler Referent?

Möglicherweise kommt die Setzungshandlung (wie sie Fichte imaginiert) einer Sinngebung gleich? Indem ich mich zum Urgrund setze, stelle ich Sinn her, so eine mögliche Lesart. Sinn, wie ihn Frege in seiner Unterscheidung annimmt. Der deutsche Missionar Richard Willhelm nimmt in seiner Übersetzung des Daodejing eine Lesart vorweg, indem er die religiöse Konnotation der Bezeichnung "Sinn" in seine Übersetzung einfließen lässt: "Im Anfang war der Sinn". Sinn also als Wort Gottes, als erster und letzter Ursprung. Hier also eindeutig metaphysisch gedacht, während die Interpretation Freges dezidiert antimetaphysisch ist, gerade weil es die konkretere Situation beschreibt, also wie mir etwas gegeben erscheint. Darin mit eingeschlossen ist das Zur-Erscheinung-gelangen und ist daher möglicherweise identisch mit dem tätig untätigen "De". Es bringt das Dao zur menschlichen Erscheinung.

9) Gegenlesen

Welche Relevanz hat dieses Ergebnis? Indem wir wissen, welche Rolle der Religiosität bei Döblin zukommt, können wir weitere Annahmen daran anschließen. Eine autorzentriert Schlussfolgerung könnte lauten, dass Döblin die Chinesische Tradition des Dao durch die Europäische Brille sieht.

Wir können jedoch einen anderen Weg gehen: kann eine Bedeutung unabhängig vom Autor (und seinen Intentionen) angenommen werden? Eine Bedeutung, die der Autor möglicherweise übersehen hat, die dennoch in seinen Texten angelegt ist. Indem wir mit Frege den "Sinn" als wahrnehmbare Situation, als Erscheinungsweise interpretieren, können wir anhand der Parameter von "konkret" und "abstrakt" folgende Schlussfolgerung ziehen: der "Sinn" ist die konkrete Erscheinung, vielleicht sogar das In-Erscheinung-Treten (also das De), während die Bedeutung "abstrakt" ist und damit Ähnlichkeiten mit dem "Dao" aufweist.

10) Nocheinmal: Ursituationen

Geht es möglicherweise beiden, sowohl Döblin als auch den Daoisten darum, eine Ursituation anzunehmen, in denen Bedeutung (im Fregeanischen Sinne) erzeugt wurde? Hat Bedeutung immer etwas mit Ursprung und Anfang zu tun? Für die Europäische Metaphysik können wir dies bejahen.

Aber Frege ist, wie wir gesehen haben, Antimetaphysiker. Bei ihm ist die gegebene Situation mit all ihren Parametern anders aufgestellt als die Bedeutung. Sinn sagt zunächst einmal nichts über die Bedeutung aus: er steht für sich und ist mit einer Beschreibung identisch. Die Bedeutung ist eine Art Zuschreibung; wie ordne ich einem Phänomen eine Bedeutung zu? Ist "Sinn" nicht phänomenologisch? Indem es die Art des

Gegebenseins beschreibt, also wie das Phänomen uns erscheint. Dabei ist viel auf den Sehsinn ausgerichtet. Wie nehmen wir ein Phänomen wahr? Unsere Wahrnehmung ist auf den Sehnerv abgerichtet.

11) Handeln und Sinn

Wie wir gesehen haben, hat bei Döblin die menschliche Handlung relative Bedeutung, da er von der Vorstellung einer synthetischen Einheit von Mensch und Umwelt ausgeht. Anders im Daoismus: dieser ist selbstgeregelt und eigenmächtig: die Denker versuchen sich durch Nichthandeln mit dem Urgrund zu vereinen. Geht es beiden möglicherweise darum, dem Handeln den Sinn zurückzugeben? Geht es ihnen darum, wieder zur Natur zurückzukehren? In der Europäischen Moderne gibt es ähnliche Ansätze: Rousseau. Bei Rousseau wird "Natur" zum "Sinn" im Fregeanischen Sinne. Es soll zu einer Ursprungssituation, zum Anfang zurückgekehrt werden. Dass dies unmöglich ist, ist seit kulturalistischen Ansätzen bekannt: es ist unmöglich hinter die eigene kulturelle Situation zurückzugehen. Dennoch: der Wunsch besteht, wieder dort zu beginnen, wo alles begann. Handelt es sich nun um ein Verlangen nach "Sinn" oder nach "Bedeutung"? Ist es ein Verlangen nach einem Zustand, in dem die Bedeutungen (oder auch der Sinn?) noch nicht verteilt sind, sondern erst noch herzustellen sind: ein Zustand der Arbitrarität (ist dies eine Episteme im Foucaultschen Sinne?). Ist es ein Nebeneinander der Phänomene: sind sie also nach dem Prinzip der Ähnlichkeit angeordnet? Die Foucaultschen Episteme beschreiben verschieden Anordnungsarten und damit auch wie Sinn und Bedeutung hergestellt werden. Wir wissen, es war das Projekt Foucaults die verschiedenen Episteme voneinander zu scheiden.

12) Natur und Kultur: das Konkrete transzendieren

Döblin interessiert sich für die Beziehung zwischen Mensch und Umwelt. Der Mensch sei durch die Naturkräfte determiniert. Das sagt noch nichts darüber aus, ob der Mensch nicht vielmehr durch die Kultur determiniert ist. Gezeigt wurde, dass es ein Zurück zur Natur nicht geben kann, aufgrund der kulturellen Verfasstheit unserer Wahrnehmung. Wir können hinter unsere kulturelle Bedingtheit nicht zurück. Welches Konzept hat nur Döblin von Natur oder Vorgängigkeit? Ist Natur und Natürlichkeit genau das, was wir heute als Kultur betrachten? Worin liegt der Ursprung unserer Handlungen bzw. unserer Handlungsfähigkeit? Lässt sich diese benennen? Das Denken des Ursprungs setzt bei der Natur an, aber wie wird diese Konzeptualisiert? Ist es die Natur, von der Rousseau spricht? Also ein wünschenswerter Urzustand? Ist der Rousseauistische Ursprung mit dem Döblinschen "Urich" und "Ursinn" identisch? Sind die beiden "natürlich"? Ist der Sinn nur in der Natur auffindbar? Ist Natur etwas vor jeder Sinnggebung? Mir scheint, Rousseau imaginiert die Natur bzw. den Naturzustand als etwas das jeder kulturellen Sinnggebung vorausgeht. Ist Sinn etwas vor jeder kulturellen Sinnggebung? Unsere Antwort muss lauten: Sinn ist immer schon kulturell verformt! Sinn entsteht durch Kultur, durch kulturelle Zuschreibungen, indem die Arbitrarität genutzt wird, um Zuschreibungen vorzunehmen.

13) Handeln und Ich

Während im Daoismus Handeln und Nichthandeln einander nicht gegenübergestellt werden, sondern einander bedingen, ist dies im Deutschen Idealismus nicht der Fall. Bei Fichte ist das Handeln gleich dem "Ich", denn das Ich setzt sich und stellt damit Sinn her. So ist möglicherweise auch Döblin zu verstehen: dieser Sinn, den er durch die Setzung erzeugt, ist er bereits Teil der Kultur oder dieser vorgängig? Oder ist er in gewisser Weise "natürlich"? Das sogenannte Natürliche verschleiert oftmals seine Kulturabhängigkeit. Im Daoismus ist Schwäche in der Stärke miteingeschlossen: die Infragestellung der gesellschaftlichen Verantwortung des Menschen wird bei Döblin anders gewendet: in die geschichtliche Verantwortung des Menschen, sein Handeln muss Konsequenzen haben. Warum haben sozialistische Autoren ein so starkes Interesse am Daoismus, obwohl er doch eine gewisse Handlungsunfähigkeit zum Ziel setzt? Die marxistischen Autoren entkleiden den Daoismus konsequent seiner Passivität. Ein Grund könnte sein, dass für diese Autoren Passivität gleichzusetzen ist mit Antimetaphysik? Auf diese Weise ließe sich der Passivität etwas Positives abgewinnen.

14) Der Weg nach Innen

Welt und Ich werden bei Döblin und den Daoisten unterschiedlich verhandelt. Bei den Daoisten gibt es kein Ich-Ego: das Ich ist ausschließlich durch die Selbstreflexion charakterisiert (und damit nicht der Rede wert). Das daoistische Weltmodell besteht aus "Mitte" und "Außenbezirk": dabei bildet das Ich-Ego nicht den Mittelpunkt, sondern ist im Außenbezirk lokalisiert. Die innere Mitte ist egofrei, wo die "Ablenkungen durch die Außenwelt" verworfen werden und man damit "in einen Raum höherer Dimension [gelangt], der sich nach Höhe und Tiefe ins Unendliche verliert" [5]. Um zur transzendentalen Vereinigung mit dem Dao zu gelangen, muss das Ich aufgegeben werden, weil es der Außenwelt angehört und somit voller Gegensätze

ist, die überwunden werden müssen. Zur Wahrheit gelangt man nur, wenn man eine Position jenseits der Gegensätze einnimmt. Zugang zum Verständnis von Mensch und Natur erhält man erst, wenn man sich vom äußeren Geschehen absondert und das persönliche Ich ablegt. Erst der Weg nach Innen ermöglicht Erleuchtung. Um sich vom Ich zu befreien, muss man entweder über das Äußere gehen, als ob ein Leben ohne Begierden leben oder aus der Welt gehen, indem man den Weg des Dao geht.

15) Der Weg zum Sinn

In einer Fichte'schen Lesart kann der Urgrund nicht der Sinn und das Ich sein, wie es der Daoismus annimmt. Dennoch: könnte es auf einer höheren Ebene eine Übewindung und Versöhnung der Gegensätze kommen. "Das Wort kann sich nicht im Sinn erschöpfen, aber es führt zum Sinn" [5; S. 62]. Ließe sich das Dao so interpretieren, dass es zum Sinn führt, also zu dem, was es selbst sein soll? Es ist nicht dieser Sinn, es ist die unendliche Bewegung, dorthin zu führen, die sich nie erschöpft und nie zum Ziel gelangt: das Dao ist das Ganze, das zu erreichen die menschliche Aufgabe ist. Diese Aufgabe bleibt unerreichbar. Auf dieser Ebene werden die Gegensätze zwischen Döblin und den Daoisten überbrückt und versöhnt. Es kann nur einen Weg zum Sinn geben und dieser heißt Dao. Indem der Mensch es auf sich nimmt, diesen Weg des Erlebens des Dao zu gehen, verwirklicht er das Dao. Indem er so Konkretes mit Abstraktem versöhnt, wird auf einer höheren Ebene Harmonie erzeugt, die dem Dao am nächsten kommt. Dieses ist ein Zu-sich-selbst-Kommen. Die Kreisbewegung ist zwar im Daoismus nicht vorgesehen, steht ihm aber auch nicht konträr gegenüber, da die Selbstreflexion im Daoismus eine Schlüsselstellung einnimmt. Indem wir mit Fichte annehmen, dass der Mensch sich selbst durch ein Ich setzt, dann bezeichnet der Weg eine Rückwärtsbewegung, ein ewiges Auf-sich-selbst-Bezugnehmen. Diese Kreisbewegung sieht dem Daoismus ähnlich, der ja vom Außenbezirk zum Ich zurückfindet. Erst die Bewegung nach Innen ermöglicht den Bezug auf ein Ich, das aber nicht Fichte'sch gedacht ist, sondern jenseits eines zentrierten Egos. Setzen und Auflösen des Ichs – beides ein Weg, zu sich selbst zu kommen. Damit beschreiben beide unterschiedliche Wege, mit demselben Ziel: Ich-Vervollkommen und Ich-Einholen, ein Zurückkehren zum Ich (ob zentriert oder nicht). Hier ist es Sinn, dort ist es Bedeutung, um mit Frege zu sprechen. Frei nach Jorge Borges [1] sind es die Wege von Sinn und Bedeutung, die sich verzweigen.

References

1. Borges, Jorge. Fiktionen. Erzählungen 1939–1944. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag. 1992.
2. Fichte, Johann Gottlieb. Selbstverhältnisse. Gedanken und Auslegungen zu den Grundlagen der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart: Reclam. 1993.
3. Foucault, Michel. Die Ordnung der Dinge. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2012.
4. Kristeva, Julia. Die Revolution der poetischen Sprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1978.
5. Ma, Jia. Döblin und China. Untersuchung zu Döblins Rezeption des chinesischen Denkens in seiner literarischen Darstellung Chinas in "Drei Sprünge des Wang-lun". Frankfurt am Main [u.a.]: Lang. 1993.

Библиографический список

1. Borges, Jorge. Fiktionen. Erzählungen 1939–1944. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag. 1992.
2. Fichte, Johann Gottlieb. Selbstverhältnisse. Gedanken und Auslegungen zu den Grundlagen der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart: Reclam. 1993.
3. Foucault, Michel. Die Ordnung der Dinge. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2012.
4. Kristeva, Julia. Die Revolution der poetischen Sprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1978.
5. Ma, Jia. Döblin und China. Untersuchung zu Döblins Rezeption des chinesischen Denkens in seiner literarischen Darstellung Chinas in "Drei Sprünge des Wang-lun". Frankfurt am Main [u.a.]: Lang. 1993.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 801.73

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.11.20.016

*Государственный университет Акакия
Церетели
кандидат филологических наук, профессор-
ассистент департамента славянской
филологии Сичинава Н.Г.
Грузия, г. Кутаиси, тел. (+995) 599 413 487
e-mail: nelli.sichinava@yandex.ru*

*Akaki Tsereteli State University
Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor of Department of Slavic
Philology Sichinava N.G.
Georgia, Kutaisi, tel. (+995) 599 413 487
e-mail: nelli.sichinava@yandex.ru*

Н.Г. Сичинава

СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОВЕЛЛЫ И.А. БУНИНА «ВОРОН» В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования основ филологического анализа и интерпретации художественного текста на материале новеллы И.А. Бунина «Ворон». Автор обосновывает необходимость интеграции лингвистического, лингвострановедческого и литературоведческого анализа для обеспечения максимально полного восприятия художественного дискурса инофонами. Зависимость понимания художественного текста и получаемого при его чтении эстетического эффекта от глубины восприятия словесно-художественных образов автор продемонстрирует на материале новеллы И.А. Бунина «Ворон». Средствами создания образов в рассказе являются символика имени; прямая или косвенная характеристики; портрет героя; действия и поступки героя; образы-детали; описание психологического состояния героя; изображение внутреннего мира героя через воспоминания; речь. Как показал анализ, в тексте бунинского рассказа значительный лексический пласт образуется за счет прецедентных феноменов. Процесс их декодирования можно рассматривать как важное средство экспликации текстовой информации. Прежде всего, в исследовательский объектив попадают прецедентные имена. Именно через них можно установить ассоциативные связи с теми понятиями-образами, которые были характерны для российского общества описываемой эпохи или русского лингвокультурного сообщества в целом. В раскрытии образов важную роль играют имплицитные детали, актуализация которых в ряде случаев происходит через комментарии, заранее подготовленные преподавателем. Особый интерес вызывает проблема смыслового восприятия и понимания имени героини новеллы. Декодирование символики имени героини происходит на основе прецедентных текстов. Данная стратегия формирует у студентов способность узнавать, понимать и адекватно интерпретировать смысл художественного текста с интертекстуальными включениями. Кодирование культурной информации, которая впоследствии должна быть разгадана читателем, имеет место при введении в контекст новеллы определенных лексических единиц.

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, прецедентный феномен, образ, язык, И.А. Бунин.

N.G. Sitchinava

STRATEGIES FOR INTERPRETING I.A. BUNIN'S SHORT STORY "THE RAVEN" IN THE CONTEXT OF INTEGRAL ANALYSIS

The article is devoted to the problem of forming the foundations of philological analysis and interpretation of a fiction text based on the material of I. A. Bunin's short story "The Raven". The author justifies the need to integrate linguistic, linguistic-cultural and literary analysis in order to ensure the fullest possible perception of fiction discourse by foreign speakers. The author demonstrates the dependence of the understanding of a literary text and the aesthetic effect obtained when reading it on the depth of perception of verbal and artistic images based on the material of I. A.

Bunin's Novella "the Raven". The means of creating images in the story are: symbolism of the name; direct or indirect characteristics; portrait of the hero; actions and actions of the hero; images-details; description of the psychological state of the hero; image of the inner world of the hero through memories; speech. Explication of the information contained in the text can proceed along the path of decoding precedent phenomena. When using a precedent name, the author appeals to certain concepts-images that were well known to him and his contemporaries, but do not mean anything to the modern reader. Thus, decoding hidden information requires knowledge accumulated in a given linguistic and cultural community or by humanity as a whole. Implying details play an important role in the disclosure of images, which in some cases are updated through comments prepared in advance by the teacher. Of particular interest is the problem of semantic perception and understanding of the name of the heroine of the novel, which contains references to precedent texts. Decoding the symbolism of the heroine's name gives students the ability to recognize, understand and adequately interpret the meaning of an artistic text with intertextual inclusions. The encoding of cultural information, which must later be unraveled by the reader, takes place when certain lexical units are introduced into the context of the novel.

Keywords: fiction text, interpretation, precedent phenomenon, image, language, I. A. Bunin.

Актуальной для современной вузовской образовательной парадигмы остается проблема формирования основ филологического анализа художественного текста в рамках интеграции лингвистического, лингвокультурологического и литературоведческого подходов как у студентов-носителей языка, так и студентов-инофонов. Общность методических подходов к изучению художественного слова в его эстетической функции обуславливается общностью целей и задач, направленных на развитие связной устной и письменной речи обучающихся и познание ими важнейших особенностей языка русской классической литературы. Наряду с этим происходит знакомство с реалиями и ранее неизвестными сторонами национальной и инациональной культуры, решаются задачи нравственного и эстетического воспитания.

Организация мыслительно-речевой деятельности студентов-инофонов при анализе и интерпретации художественного текста предполагает одновременную работу и над содержанием произведения, и над его языком. Задача такого интегрирования – «изучение единиц языка с точки зрения их функций в создании текста» [1, 6]. Ведущие российские специалисты в области РКИ настойчиво продвигают мысль о необходимости интегрального подхода при исследовании художественного текста, основываясь на современной общенаучной стратегии междисциплинарности и мультипредметности [2; 3].

Работа над текстом художественного произведения в иностранной аудитории требует от преподавателя создания более широкой ориентировочной основы (четкость инструкций, дополнительные пояснения, различного рода комментарии) и опор для речевой деятельности. Нестандартность построения, сложность предикативной структуры, образность, отсутствие эксплицитно выраженной идеи – все то, что составляет специфические признаки художественной литературы, требует четкого выделения необходимой последовательности умственных операций и реализации наиболее эффективных приемов изучения языковых явлений. Опорами для речевой деятельности обучающихся будут различные формы предъявления ключевой лексики изучаемого текста. Активизируется прежде всего лексика нравственно-психологической характеристики человека и эмоционально-оценочная лексика. Соотнесенность слова с конкретным фактом, явлением, характером в литературном произведении способствует возникновению устойчивых ассоциаций с определенной жизненной ситуацией.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного исходит из признания значительной роли произведений художественной литературы на разных ступенях обучения. В «Общевропейских компетенциях владения иностранным языком» национальная художественная литература рассматривается как ценный общий ресурс, а чтение художественной литературы – как средство достижения не столько эстетических, сколько образовательных, интеллектуальных, духовных и эмоциональных целей [4, 58]. Изучению коммуникативного и обучающего потенциала художественного текста посвящен курс «Анализ художественного текста», который используется при обучении языку как специальности в практике подготовки иноязычных студентов-филологов. Развитие навыков грамотного анализа и интерпретации художественного текста «чрезвычайно значимо для учащихся, так как опирается на естественную для филологов мотивацию изучения иностранного языка – чтение художественной литературы в оригинале» [5, 7].

Достаточно ли для понимания текста просто знать соответствующий язык? Надо ли специально учить искусству быть читателем художественной литературы? Давая ответ на данные вопросы,

исследователи исходят из того, что языковая компетенция обеспечивает лишь восприятие значения, но не смысла читаемого. При таком подходе интерпретация текста рассматривается как учебная и исследовательская деятельность, основная задача которой заключается в том, чтобы «извлечь из текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нем помимо авторской воли» [6, 10]. Поэтому, чтобы сформировать из студента вдумчивого читателя, нужно научить его способам извлечения речевого смысла, в том числе и «приращений смысла», с которыми он встретится при чтении художественной литературы.

Раскрытие идейно-художественного богатства текста основывается прежде всего на глубоком анализе его языковой структуры, исследовании системы словесных образов, отобранных автором. Знакомясь с образцами интерпретации художественного текста, студенты не только овладевают приемами работы с текстом, но и создают новые варианты его восприятия, дают собственную оценку прочитанному, делятся своими мыслями и переживаниями, включаются в дискуссию.

Зависимость понимания художественного текста и получаемого при его чтении эстетического эффекта от глубины восприятия словесно-художественных образов можно продемонстрировать на материале новеллы И.А. Бунина «Ворон», одного из 38 рассказов сборника «Темные аллеи», написанного в 1937-1945 годы. О значении этих рассказов в творчестве И.А. Бунина можно судить по его же собственной оценке: «Темные аллеи» считаю, может быть, самой лучшей моей книгой в смысле сжатости, живости и вообще литературного мастерства» [7, 513].

«Темные аллеи» по своему идейно-эстетическому и структурному содержанию относятся к жанру новеллы, основным признаком которой является краткость. В центре повествования – изображение отдельного жизненного события или случая, в основе которого любовные отношения. Неслучайно «Темные аллеи» называют «энциклопедией любви». Описание самых различных моментов и оттенков в отношениях двоих подчинено бунинской концепции мира и человека в нем: любовь, счастье, красота не вечны, они могут вспыхнуть лишь на миг, озарить жизнь человека и исчезнуть. Такое сочетание двух начал – безысходно-трагического и оптимистического – прозвучало уже в самом первом рассказе «Темных аллей» и определило общую тематическую интонацию всего сборника. Сам Бунин так писал об этом: «Все рассказы этой книги только о любви, о ее «темных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях».

В основе системы образов новеллы «Ворон» лежит любовный треугольник. Персонажи противопоставлены друг другу по нескольким направлениям: временное (весна, лето – осень, зима); место на социальной лестнице (власть имущие – бесправные); нравственное (истинная любовь – ложная любовь). Средством создания образов в рассказе являются: символика имени; прямая или косвенная характеристики; портрет героя; действия и поступки героя; образы-детали; описание психологического состояния героя; изображение внутреннего мира героя через воспоминания; речь.

Как показал анализ, в тексте бунинского рассказа значительный лексический пласт образуется за счет прецедентных феноменов. Процесс их декодирования можно рассматривать как важное средство экспликации текстовой информации. Прежде всего, в исследовательский объектив попадают прецедентные имена. Именно через них можно установить ассоциативные связи с теми понятиями-образами, которые были характерны для российского общества описываемой эпохи или русского лингвокультурного сообщества в целом. В раскрытии образов важную роль играют имплицитные детали, актуализация которых в ряде случаев происходит через комментарии, заранее подготовленные преподавателем.

Важный компонент анализа текста – поэтика заглавия. Необходимо выявить основные функции заглавия, прокомментировать символику и аллегорию в заглавии. Заглавие является своеобразным коммуникативным намерением автора, посредством которого в сознании читателя актуализируется информация, значимая для целостного восприятия произведения и его лейтмотива. О ком эта новелла? О слабом малодушном молодом человеке, не сумевшем бороться за свои чувства? О девушке, предавшей свои чувства ради богатства? Или о человеке, который стремится к безграничному доминированию любой ценой?

Название новеллы «Ворон» отличается своей яркой образностью, и в сознании носителей русского языка и культуры оно тесно связано с определенными представлениями. Для реципиента, который не обладает необходимыми фоновыми знаниями, процесс декодирования заложенной в заглавии имплицитной информации весьма затруднителен. Поэтому задача преподавателя – помочь студентам

понять и правильно оценить смысл подобранного заглавия. Его в полной мере можно считать «говорящим», несущим в себе определенную информацию о смысловых доминантах текста:

1) Вид птиц. Большая всеядная птица с блестящим черным оперением, питающаяся в том числе и падалью.

2) Ворон в славянской мифологии олицетворяет злую силу. В былинном эпосе если в тексте присутствует мифологема ворона, то это значит, что грядёт битва, смерть. В бытовых гаданиях, как и трактовке сновидений, ворон является, чаще всего, предвестником болезни и дурных событий.

3) Вороны в христианской мифологии олицетворяют зловещее, хищное начало и часто противопоставляются кроткому голубю.

4) Светлая сторона Ворона. Так как он живёт от 100 до 300 лет, его считают птицей вещей и даже мудрой.

Экспликационные сочетания, описывающие внешность отца («похож был на ворона», «сутулый, грубо-черноволосяый, темный», «большеносый», «в черном фраке», «своей большой вороньей головой», «косясь блестящими вороньими глазами» и др.), вызывают отталкивающее впечатление. Внешние характеристики начинают имплицировать отрицательные внутренние качества. Через имплицитные детали происходит раскрытие нюансов взаимоотношений героя с отцом. Герой не знал истинной родительской любви и ласки. Мы не видим благополучных – даже внешне – отношений между отцом и сыном.

Прецедентное имя «Наполеон» становится тем знаком, который помогает читателю понять мотивы поведения отца. Восприятие фигуры Наполеона в России во многом было сформировано отношением к нему А.С. Пушкина. «Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно...», – писал Пушкина в «Евгении Онегине», подчеркивая стремление современников, замороженных фантастической судьбой французского императора, быть или казаться похожим на него. Если перефразировать пушкинские строки, Наполеон – человек, который основал свою славу на бедствиях миллионов людей. Благодаря актуализации в сознании студентов переносного значения лексической единицы «ворон» и прецедентного имени «Наполеон», отец рассказчика предстает воплощением безнравственной силы, подавляющей чувства окружающих, приносящим их в жертву своим личным интересам.

В микроконтексте деталь, указывающая на образование героя-повествователя («учился в Катковском лицее») при первом прочтении новеллы воспринимается как эмоционально-нейтральная и констатирующая. Между тем обращение к социально-культурному комментарию позволяет установить тот факт, что лицей, который окончил герой, представлял собой закрытое учебное заведение для детей из высших слоев дореволюционного российского общества. Отсылка к реалии общественной жизни России через название учебного заведения того периода сообщает дополнительную информацию о герое, поэтому дешифровка данной имплицитной детали служит средством характеристики образования и воспитания, посредством которых герой приобщился к определенной системе ценностей.

Языковыми механизмами воплощения авторской идеи может выступать лексика определенных функциональных пластов. Для передачи особенности семейного уклада, в котором живет герой, автор привлекает православную лексику: «*святки*», «*под Петров день*», «*утром того дня отец уехал в собор*», «*часто, часто забил набат на колокольне Ивана Воина на Лавах*». Перед нами семья патриархального типа, основанная на полной и безграничной власти отца, мужского начала. Представители дворянского сословия воспитывались в православных традициях. Для них религиозное образование начиналось уже в детстве; практически одновременно с овладением грамоты дворянин постигал христианские заповеди. Религиозные чувства и обряды были неотъемлемой частью семейного и государственного уклада жизни дореволюционного дворянского общества. Таким образом, дешифровка религиозных реалий позволяет понять мотивы поведения героя-рассказчика, в основе которых православные традиции, не позволяющие сыну идти против воли отца.

Особый интерес вызывает проблема смыслового восприятия и понимания имени героини новеллы, содержащего отсылку к прецедентным текстам. Декодирование символики имени героини формирует у студентов способность узнавать, понимать и адекватно интерпретировать смысл художественного текста с интертекстуальными включениями. Прецедентное имя Елена напрямую связано со своим первоначальным денотатом, стоящим за ним представлением и сложившимся в сознании русского лингвокультурного сообщества образом. Имя Елена имеет греческие корни и

переводится как «сияющая», «светлая». В греческой мифологии спартанская царица Елена – прекраснейшая из женщин. Елена Прекрасная – персонаж русских народных сказок. Прецедентное имя главной героини несет в себе коннотации, выступающие средством дополнительной образности.

Глубинным смыслом обладает и отчество героини. На наш взгляд, изначальная мотивированность ее отчества реальным антропоним «Николай» (в переводе с греческого языка означает «победитель народов»), направляет внимание читателя на поиск более приемлемого объяснения, так как не добавляет ничего существенного к раскрытию образа героини. Но если принять во внимание звуковую ассоциацию, возникающую между отчеством и первой частью выражения «*ни кола, ни двора*», означающего наивысшую степень бедности, на первый план выступает социальный характер данного личного имени. Такое декодирование информации, заложенной в отчестве героини, сложно отрицать, так как в новелле акцентируются бедность героини и ее низкий социальный статус.

Неслучайно появление в тексте новеллы деталей, имеющих статус компонента когнитивной базы социума. Эти детали активно участвуют в процессе смыслообразования, позволяют автору опредмечивать представления, посредством которых осуществляется характеристика героев, раскрывается их внутреннее психологическое состояние. Кодирование культурной информации, которая впоследствии должна быть разгадана читателем, имеет место при введении в контекст новеллы лексической единицы «рубиновый». Эта лексема трижды упоминается автором: в начале новеллы, пытаясь манипулировать сознанием юной девушки, Ворон вызывает в ее воображении образ драгоценного украшения в виде «рубинового крестика»; а в финале новеллы мы видим героиню в театре с рубиновым крестиком на шее и рубиновым аграфом на плече. Декодировать данный образ можно двояко. С одной стороны, рубин – это камень планеты Солнце, один из редчайших и дорогих в мире, наряду с бриллиантом, сапфиром и изумрудом. Еще в древности камень был признан талисманом страсти, любви и власти. Крупные рубины использовали для украшения императорской короны и шапки Мономаха. С другой стороны, в символизме христианства рубин является выражением страстей Господних и символизирует кровь и страдание. Таким образом, декодирование данного образа-символа позволяет продемонстрировать драматизм положения, в котором оказалась героиня: внешнее фасадное благополучие и ее внутренние страдания.

Немаловажным элементом самовыражения автора является хронотоп новеллы. В частности, можно проследить смещение места действия, начало которому положено весной в казенной квартире отца, где «*холодно, пусто*»; а завершение происходит зимой в партере Мариинского театра. Театр – место, где актеры играют перед зрителями, можно рассматривать как ложное пространство, основанное на игре. В сознании читателя актуализируется представление об утрате надежд на счастье и любовь героем-рассказчиком и об отсутствии искренних чувств в отношениях Ворона и Елены.

Таким образом, в процессе интегрального анализа и интерпретации художественного произведения реципиенту-инофону становятся доступны новые ассоциативные смыслы, и текст воспринимается во всей глубине его идейно-эстетического содержания. Задача филологического образования – воспитать вдумчивых читателей, способных увидеть в фикциональном тексте дополнительный пласт информации, заложенной автором в его название, сюжет, детали, портреты персонажей, прецедентные феномены, хронотоп, что позволит максимально полно воспринять образность художественного дискурса.

Библиографический список

1. Белова Н.А. Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе: Учебно-методическое пособие. Мордов. гос. ун-т. Саранск, 2008. 205 с.
2. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб: Книжный дом, 2007. 472 с.
3. Июльская, Е.Г., Петривняя Е.К. Интегральная поэтика // Подготовка учителя русского языка и литературы в системе вузовского образования: проблемы и перспективы. Сборник научных статей по итогам III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2017. С. 134-136.
4. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка». Страсбург: Департамент по языковой политике, 2003. 256 с.
5. Кулибина Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М.: Рус. яз., 1987. 143 с.

6. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Уч. пособие. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2010. 304 с.
7. Бунин И.А. Ворон // Бунин И.А. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. – М.: Худож. лит., 1982. 535 с.

References

1. Belova N.A. Philological analysis of a fiction text: implementation of integration of linguistic and literary approaches in school: Educational and methodological guide. Saransk, 2008. 205 p.
2. Shirova I.A, Goncharova E.A. Multi-dimensionality of the text: understanding and interpretation: a Textbook. SPb, 2007. 472 p.
3. Iyul'skaya E.G., Petrivnyaya E.K. Integrated Poetics // Training of teachers of Russian language and literature in the system of higher education: problems and prospects. Collection of scientific articles. Moscow, 2017. P. 134-136.
4. Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. – Strasbourg: The Department for language policy, 2003. 256 p.
5. Kulibina N.V. Methods of linguistic and foreign studies work on an fiction text. Moscow: Рус. яз., 1987. 143 p.
6. Dolinin K.A. Interpretation of the text: French: Textbook. Moscow: КомКнига, 2010. 304 p.
7. Bunin I.A. The Raven // Bunin I.A. Works: In 3 V. V. 3. Moscow: Худож. лит., 1982. 535 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

10.36622/AQMPJ.2021.55.89.017

Воронежский государственный технический университет

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации*

Воронова Т.А.

Россия, г. Воронеж,

тел. +7-910-347-38-37

e-mail: invisible2editor@gmail.com

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication*

PhD, associate professor

Voronova T.A.

Russia, Voronezh,

tel. +7-910-347-38-37

e-mail: invisible2editor@gmail.com

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации*

Самойленко Н.С.

Россия, г. Воронеж,

тел. +7-960-113-89-80

e-mail: samoilenkons@gmail.com

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication*

PhD, senior lecturer

Samoilenko N.S.

Russia, Voronezh,

tel. +7-960-113-89-80

e-mail: samoilenkons@gmail.com

*магистрант 2 курса
направления «Журналистика»*

Казаков В.В.

тел. +7-900-961-87-52

e-mail: vitaly.kazakov.97@mail.ru

*Master student of the 2nd year
(qualification “Journalism”)*

Kazakov V.V.

тел. +7-900-961-87-52

e-mail: vitaly.kazakov.97@mail.ru

Т.А. Воронова, Н.С. Самойленко, В.В. Казаков

ДОСТУПНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ СМИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Понятие «доступная (городская) среда» – это социальное явление, направленное на создание и улучшение условий для всех маломобильных групп населения, включая людей с инвалидностью. В настоящее время люди с ограниченными возможностями активно вовлечены в процесс массовой коммуникации. СМИ как отражают, так и во многом формируют ценностные ориентации общества, в том числе и отношение населения к проблеме инвалидов. Инициаторами формирования доступной среды могут стать представители власти, негосударственные организации и отдельные заинтересованные лица. Говоря о доступной среде, следует учитывать все категории населения, испытывающие временные или постоянные трудности при самостоятельном передвижении или ориентировании в пространстве. В работе рассматривается роль СМИ и их вклад в формирование доступной среды и равного общества для всех граждан. Актуальность проблемы доступной среды, как и любого другого аспекта социальной жизни, определяется присутствием и развитием данной темы в средствах массовой информации. Наше исследование заключается в анализе материалов СМИ по заявленной тематике и влиянии журналистики на аудиторию в вопросах, касающихся создания безбарьерной среды и отношения к инвалидам.

Ключевые слова: доступная (безбарьерная) среда, маломобильные категории населения, СМИ, сетевые медиа, федеральная программа, аудитория, контент-анализ.

T.A. Voronova, N.S. Samoilenko, V.V. Kazakov

ACCESSIBLE CITY ENVIRONMENT: THE PARTICIPATION OF MASS MEDIA IN THE SALVATION OF THE PROBLEM

The notion of accessible (barrier-free) environment is a social one aimed at the creation and improvement of the conditions for all low-mobility groups of population including disabled people. At present time these groups of population are actively involved in the process of mass communication. Mass media both reflect and form values of society including the attitude to the problems of invalids. The formation of accessible environment can be initiated by the authorities, independent organizations or certain interested people. Talking about this problem, we must take into account all the categories of population having temporary or permanent difficulties with self-transportation or spatial orientation. In present work we study the role and impact of mass media in formation of accessible environment and society of equal rights and opportunities. The relevance of this problem as well as other aspects of social life is defined by the presence and development of this subject in mass media. Our research is aimed at analysis of mass media publications on the declared subject and their influence on the readership in the issues which refer the creation of barrier-free environment and the attitude to invalids in general.

Key words: accessible (barrier-free) environment, low-mobility groups of population, mass media, Internet media, federal program, readership, content analysis.

Проблема формирования доступной (или безбарьерной) городской среды для групп населения, относящихся к т.н. маломобильным, является в настоящее время одной из самых актуальных для всех прогрессивных государств. Вторая половина XX века сделала эту тему одной из актуальных для мирового сообщества, поскольку создание доступной, или безбарьерной, среды затрагивает интересы достаточно многочисленной социальной группы; справедливо это утверждение и для Российской Федерации. Так, согласно статистическим данным на 2020 год, в нашем государстве число граждан с инвалидностью составляет 11 миллионов 875 тысяч человек [1], что составляет 8% всего населения страны

Само понятие «маломобильные группы населения» включает в себя всех, кто испытывает большие (по сравнению с подавляющим большинством населения) трудности с передвижением в городской среде и с получением каких-либо услуг. Помимо инвалидов, в эту категорию включаются пожилые люди, дети дошкольного возраста, временно нетрудоспособные лица (например, травмированные), беременные женщины, люди с объемным грузом или детской коляской.

В наиболее развитых странах мира решению проблемы формирования безбарьерной среды уделяется большое внимание [2, с. 365]. Основная цель подобных инициатив – дать маломобильной части населения возможность вести полноценный и достаточно активный образ жизни. Создание доступной среды в первую очередь подразумевает систематическое внедрение приспособлений для людей с ограниченными возможностями. К ним относятся: специальные пандусы для инвалидных колясок, подъемники в метро, специально оборудованные автобусы, особые лифты в многоэтажных помещениях, стоянки для инвалидов и т.д.

Опыт развитых стран в вопросах формирования доступной городской среды насчитывает не одно десятилетие; данный факт отчасти связан с некоторыми историческими событиями, которые в свою очередь привели к созданию определенного законодательного фундамента. Нельзя при этом сбрасывать со счетов и отношение общества к инвалидам, которое претерпело изменения благодаря перечисленным факторам. Так, в Великобритании еще в 1944 году (очевидно, события Второй мировой войны сыграли здесь не последнюю роль) был принят «Акт о трудоустройстве и занятости инвалидов». В Соединенных Штатах Америки движущей силой для принятия аналогичного закона стали бывшие американские военнослужащие, получившие увечья в ходе боевых действий во Вьетнаме и вынужденные бороться за свои права и возможность вести в обществе полноценную жизнь. Стандарт о доступности зданий для инвалидов был принят в США в 1961 году, то есть задолго до окончания самой войны.

Упомянутый документ послужил своего рода отправной точкой для создания нормативно-законодательной базы по данному вопросу. В дальнейшем список юридических актов такого рода расширился, и законодательная база, регулирующая права инвалидов, вышла уже на мировой уровень: в 1975 г. в ООН была принята Декларация о правах инвалидов, в 1982 г. последовала Всемирная программа действий в отношении инвалидов, в 2006 г. – Конвенция о правах инвалидов. Список документов, определяющих права людей с ограниченными возможностями, разумеется, не

исчерпывается вышеперечисленными; нами названы лишь наиболее важные, которые последовательно воплощаются в жизнь в развитых странах, в том числе и с соблюдением принципа непрерывности безбарьерной среды.

Что же касается законодательства Российской Федерации в интересующей нас области, то можно отметить некоторое отставание нашей страны от развитых государств. Так, федеральная программа «Доступная среда» была принята только в 2011 году; ее реализация продлена до 2025 года. В отечественной юридической базе имеются отдельные документы, нацеленные на облегчение передвижения инвалидов в городской среде, однако они не представляют собой системы и зачастую трудно применимы на практике. Так, пандус для инвалидных колясок облегчит инвалиду въезд в само здание, однако проблема транспортировки «колясочника» к этому зданию остается нерешенной.

Данный пример наглядно иллюстрирует важность следования принципу *непрерывности* безбарьерной городской среды, а не просто внедрения единичных приспособлений для лиц с ограниченными возможностями. Особое внимание при этом необходимо уделять таким территориям, как: тротуары, пешеходные дорожки, аллеи в парках и скверах, подходы к общественным зданиям, магазинам, банкоматам; остановки общественного транспорта и т.д.

Иными словами, в создании доступной городской среды необходимо придерживаться системного подхода. Немаловажным фактором для достижения этой цели является общая осведомленность и информированность населения о данной проблеме.

Средства массовой информации имеют достаточно большой потенциал влияния на массовую аудиторию, и, регулярно освещая проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды, могут способствовать их пониманию и активизации гражданских инициатив со стороны населения. В том числе это касается и проблемы формирования доступной городской среды.

Некоторые исследователи в своих работах в числе основных функций журналистики называют «непосредственно-организаторскую» [3, с. 34]. В какой мере эта функция выполняется СМИ? Попытка ответить на данный вопрос предпринимается в данной статье. Также более подробно в указанном контексте мы рассмотрим то, как проблематику доступности среды освещают различные виды СМИ, и существует ли разница в подходе к освещению этой темы. Сравнение коснется так называемых «классических СМИ» (то есть издания, имеющие как печатную версию, так и интернет-сайт) и сетевые медиа (под последними мы подразумеваем информационные ресурсы, имеющие только Интернет-версию и не выпускаемые в печатном виде).

В ходе данного исследования нами были рассмотрены, во-первых, частота упоминания данной проблемы в сильной позиции текста (заголовке), а во-вторых, характер публикаций, посвященных созданию безбарьерной среды в Воронеже и Воронежской области.

Из «традиционных СМИ» в наш обзор были включены такие периодические издания, как «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Российская газета», а также газета «Моё!» (как представитель региональных СМИ). Наш выбор мотивирован тем, что именно эти издания входят в число самых популярных печатных СМИ согласно рейтингу «Медиалогия» [4]. Рассмотренные нами материалы были опубликованы в период с августа 2016 по декабрь 2019 года.

«*Российская газета*». За указанный период опубликовано 12 материалов по данной теме. Большинство публикаций написаны в оптимистичном духе и в основном посвящены тому, насколько успешно реализуется федеральная программа «Доступная среда»: журналисты «Российской газеты» чаще всего освещают финансовую сторону вопроса, сообщают о дальнейших перспективах проекта, ссылаются на многочисленные нормативные документы. Положительная оценка программы, преподнесение ее как успешно реализуемой и перспективной, заключены уже в самих заголовках: «Среда станет комфортнее», «Долой бордюры», «Свободный доступ», «Каждому – по возможностям» и т.д. Как известно, заголовок является одной из сильных позиций текста и представляет собой его содержание в «концентрированном» виде; таким образом, по заголовкам можно судить об идеологическом модусе самих публикаций.

Важно отметить тот факт, что значительная часть оценок и комментариев, приведенных в публикациях, дана представителями местных властей, включая мэра Воронежа В.Ю. Кстенина (из чего можно сделать осторожный вывод о том, что в какой мере оптимизм «Российской газеты» является заказным).

«*Комсомольская правда*». Представлено 10 статей по рассматриваемой теме, 8 из которых рассказывают об инициативах, которые планируется реализовывать, или об уже воплощенных в

жизнь проектах: к примеру, «30 воронежских улиц сделают доступными для инвалидов, стариков и мам с колясками» и «Еще один сад стал для малышей доступным в Вологде». И лишь 2 статьи посвящены проблемам, связанным с темой доступности городской среды, и пытаются подчеркнуть важность решения данных проблем.

«Коммерсантъ». За указанный период в газете размещено 18 публикаций по теме, которые носят уже более проблемный характер и рассматривают не только успехи, но и препятствия на пути к реализации федеральной программы. Данное издание заостряет внимание аудитории и на проблемах инвалидов в целом, затрагивая при этом и такую немаловажную тему, как образование для лиц с ограниченными возможностями – в частности, говорится о нехватке специалистов для реализации инклюзивного образования: «По мнению Ключко, система образования не готова к инклюзии: педагоги в школе и детском саду не знают, как работать с ребенком с аутизмом или синдромом Дауна; у образовательных учреждений нет мотивации на работу с детьми с особенностями развития; коэффициенты малы, и школе невыгодно обучать особенного ребенка; подушевое финансирование делает обучение детей с особыми потребностями затруднительным – если в классе 30 человек, то учитель просто не справится с ребенком-инвалидом» [6]. Доступность учебных заведений для инвалидов также не ускользает от внимания «Коммерсанта»: «Общероссийский народный фронт не нашел среди российских вузов доступные для всех категорий инвалидов» [5]. Ряд материалов посвящен финансированию федеральной программы: в них сообщается о средствах, выделенных из бюджета на реализацию тех или иных проектов федеральной программы или об уже потраченных на эти проекты деньгах. Об этом свидетельствуют характерные заголовки статей: «Областная Дума скорректировала бюджет-2016», «На развитие доступной среды для инвалидов регионам Черноземья выделяют 210 млн. рублей», «Бюджет садится за парты» и др.

«Моё!». В данном периодическом издании представлено 7 материалов по теме, среди которых, как и в предыдущих изданиях, встречаются статьи, посвященные реализованным или запланированным проектам: например, новостной материал «К 1 сентября под Воронежем откроется новая уникальная школа» содержит информацию о школе, в которой будут соблюдены все стандарты проекта «Доступная среда». Отличительной особенностью местного издания стало наличие нескольких материалов, повествующих о проблемах конкретных людей. К примеру, в статье «Одинокому парню-инвалиду воронежцы собирают деньги на новый дом» говорится о том, что молодой человек проживает в условиях, не подходящих для инвалида-колясочника, но проблематика доступной среды в целом не поднимается.

Для анализа материалов Интернет-СМИ нами были выбраны два воронежских ресурса, попавших в ТОП-20 наиболее цитируемых СМИ Воронежской области по версии Медиалогии. Это порталы «360n.ru» и «Блокнот Воронеж».

360n.ru. На портале за указанный период представлено 18 материалов, связанных с проблемой создания доступной среды. Тематика статей разнообразна, и сложно выделить какую-либо преобладающую. Присутствуют статьи, сообщающие:

а) о финансировании и распределении бюджета на реализацию проекта: «На «Доступную среду» для инвалидов Воронежская область получит 47 млн. рублей», «113 млн. рублей выделяют на ремонт тротуаров в Воронеже в 2020 году», «На помощь инвалидам в Воронежской области выделено 120 миллионов рублей», «30 млн. 265 тысяч рублей получит Воронежская область на создание «Доступной среды»;

б) о мерах, которые будут приняты в будущем для решения проблемы: «В Воронеже 30 улиц полностью адаптируют для маломобильных граждан», «Воронежские соцучреждения вместо пандусов оборудуют лифтами», «Объекты инфраструктуры Воронежа проверят на доступность для инвалидов», «В Воронеже появится пляж для людей с ограниченными возможностями»;

в) о событиях и мероприятиях, связанных с доступной средой: «В Воронеже пройдет первая экскурсия для слабослышащих», «В Воронеже инвалидов учат избавляться от жалости к себе», «Федеральный центр оценит воронежский вариант «Доступной среды».

К сожалению, следует также отметить тот факт, что статьи, описывающие проблемы, связанные с темой доступности городской среды, и пытающиеся донести до читателя их важность, на портале отсутствуют.

«Блокнот Воронеж». На данном портале представлено уже 23 материала по интересующей нас теме. Ситуация здесь практически идентична таковой на предыдущем ресурсе: тематика статей так же разнообразна, лишь немногим чаще в «Блокноте» говорится о финансировании программы.

Следует, однако, отметить, что к реальным проблемам самих инвалидов авторы рассмотренных публикаций обращаются значительно реже. Чаще всего в статьях говорится о средствах, выделенных на финансирование и выполнение программы «Доступная среда», и о реализации (настоящей или будущей) соответствующих проектов и инициатив; можно сказать, что подавляющее число материалов носят официально-отчетный характер.

Проанализировав полученную в ходе данного исследования информацию, можно сделать вывод о том, что кардинальных отличий в освещении темы доступной среды между печатными СМИ и сетевыми медиа нами не обнаружено. В обеих группах источников создание безбарьерной городской среды входит в тематический реестр, но как в печатных, так и в сетевых источниках указанная тема поднимается относительно нечасто и не относится к «топовым». Как следствие, СМИ не привлекают достаточного внимания массовой аудитории к проблемам инвалидов, что в свою очередь не может способствовать развитию гражданских инициатив и конструктивной критики со стороны населения.

Библиографический список

1. Росинфостат [Электронный ресурс]: Количество инвалидов в России и размер ЕДВ. URL: <https://rosinfostat.ru/invalidy/> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Скобелина Н.А. Исследование доступной среды для маломобильных групп населения инструментами институциональной теории // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Москва: МГПУ, 2019. С. 365 - 366.
3. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. Москва: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. 367 с.
4. Медиалогия [Электронный ресурс]: Рейтинги СМИ. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/> (дата обращения: 14.10.2020).
5. Куколева Е. День закрытых дверей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2764050> (дата обращения: 15.10.2020).
6. Алленова О. Школа обязана создать условия для ребенка. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2850893> (дата обращения: 15.10.2020).

References

1. Rusinfostat [Electronic resource]: The number of disabled people in Russia and the amount of monthly compensation. URL: <https://rosinfostat.ru/invalidy/> (date of application: 14.10.2020).
2. Skobelina N.A. The study of the accessible environment for low-mobility groups of population with the tools of institutional theory // The ways of Russian political development: institutions, projects, subjects. Moscow, 2019. P. 365 - 366.
3. Prokhorov E.P. Introduction to the theory of journalism. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2005. 367 p.
4. Medialogy [Electronic resource]: The ratings of mass media. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/> (date of application: 14.10.2020).
5. Kukoleva E. Day of closed doors. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2764050> (date of application: 15.10.2020).
6. Allenova O. School must create conditions for children. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2850893> (date of application: 15.10.2020).

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.64.26.018

*Сибирский федеральный университет
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории германских языков
и межкультурной коммуникации
Магировская О.В.*

*Россия, г. Красноярск,
тел. +7(391) 206-27-10*

e-mail: magirovskayaov@yandex.ru

*Сибирский федеральный университет
магистрант 2 курса*

Влодарчик Е.А.

Россия, г. Красноярск, тел. +79658965577

e-mail: katyavlod@mail.ru

Siberian Federal University

*The Germanic Languages Theory and
Intercultural Communication Department,
head of department, Doctor of philology, associate professor
Magirovskaya O.V.*

*Russia, Krasnoyarsk,
tel. +7 (391) 206-27-10*

e-mail: magirovskayaov@yandex.ru

Siberian Federal University

Master student

Vlodarchik E.A.

Russia, Krasnoyarsk, tel. +79658965577

e-mail: katyavlod@mail.ru

О.В. Магировская, Е.А. Влодарчик

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ ЭКСПЕРТНЫХ БЛОГОВ ВРАЧЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье впервые выявляются и анализируются вербальные способы репрезентации научного знания в одном из новых и наиболее активно развивающихся жанрах интернет-дискурса – жанре экспертного блога. Новизна данной проблемы обусловлена отсутствием лингвистических исследований как медицинских экспертных блогов, так и особенностей концептуализации научного знания в них, его адаптации к восприятию широким кругом лиц, не владеющих специальным научным знанием. Предметом исследования выступают лексические и стилистические способы и средства как основные инструменты языковой реализации научного знания, представленного в дискурсе медицинских экспертных блогов. На материале англоязычных и русскоязычных блогов, размещённых в сети Instagram в 2019-2020 гг., решается цель исследования, которая заключается в выявлении закономерностей и особенностей языковой организации экспертных блогов как особого дискурсивного пространства трансляции новых форм экспертного знания в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Проведённый анализ позволяет указать на тенденцию к трансформации научного знания, что обусловлено возможностью вовлечения в это знание широкой общественности благодаря развивающимся социальным сетям, а также выявить лингвокультурную специфику, которая чётко проявляется в рамках происходящего процесса. Трансформация научного знания в анализируемых лингвокультурах получает свою репрезентацию в (1) степени проявления формальности научного стиля, (2) обязательном наличии ономастических единиц экспертности, (3) использовании специфических лексических и стилистических способов представленности терминологического знания. Как следствие, результаты исследования расширяют представления о развитии новых форм научного знания в сети Интернет и доказывают детерминированность особенностей их репрезентации лингвокультурной принадлежностью их авторов. Сформулированные выводы могут найти применение в научных исследованиях в области лингвистики, посвящённых проблеме прагматического потенциала и когнитивно-коммуникативной организации экспертных блогов.

Ключевые слова: блог, экспертный блог, медицинский экспертный блог, интернет-дискурс, научное знание.

О.В. Magirovskaya, Е.А. Vlodarchik

SCIENTIFIC KNOWLEDGE REPRESENTATION IN THE DISCOURSE OF MEDICAL EXPERT BLOGS (THE CASE OF ENGLISH AND RUSSIAN-LANGUAGE BLOGS)

The article focuses on the verbal features of scientific knowledge representation in a new and actively developing genre of Internet discourse, the genre being that of expert blogs. The novelty of this issue is determined by the lack of linguistic research of both medical expert blogs and peculiarities of scientific knowledge conceptualization in them. It is also for the first time that the article covers the problem of knowledge adaptation to the minds of a broad range of individuals not proficient in special scientific knowledge. The subject of the research is lexical and stylistic features functioning as the major tools of language manifestation of scientific knowledge in the discourse of medical expert blogs. Basing on the material of English-language and Russian-language blogs published on *Instagram* in 2019-2020 the research aims to identify patterns and features of language organization in expert blogs as a special discursive space, which represents new forms of expert knowledge in English and Russian linguistic cultures. The analysis has revealed the current trend towards the scientific knowledge transformation that is in the process due to the wide public's involvement in it through actively developing social networks. The transformation of scientific knowledge in the linguistic cultures under the analysis is reflected in (1) the degree of the scientific style formality, (2) the mandatory presence of onomastic units of expertise, (3) the use of specific lexical and stylistic means of representing terminological knowledge. It has been also proved that these ways of scientific knowledge representation are determined by the expert authors' linguocultural identity. The theoretical prerequisites stated can be based upon in further research of pragmatic potential and cognitive-communicative organization of expert blogs.

Key words: blog, expert blog, medical expert blog, internet discourse, scientific knowledge.

На сегодняшний день глобальная сеть Интернет оказывает большое влияние на различные сферы жизни современного общества. Пользователи Интернета становятся участниками новой виртуальной реальности, где они могут обмениваться информацией, высказывать своё мнение, знакомиться, развлекаться, совершать покупки и др. В рамках интернет-дискурса возникает новое социокультурное пространство, где впоследствии формируются и развиваются различные жанры виртуального дискурса. Согласно их функции, степень проявления которой в каждом жанре различна, выделяют информационные, директивные, фатические, презентационные, эстетические и развлекательные жанры [1; с. 174]. Достаточно быстро меняется направленность интернет-дискурса. В настоящее время одной из его основных задач является удовлетворение наибольшего числа потребностей пользователей и, как следствие, реализация максимального числа функций интернет-коммуникации. Это во многом обуславливает появление синтезированных жанров в Сети [2; с. 131]. К одному из таких жанров относится блог.

Первые блоги появились сравнительно недавно - в 1990 г. На этапе возникновения они представляли собой краткую сводку новостей с ссылками на первоисточник или обсуждения актуальных проблем, также дополненных ссылками [Цит. по: 3; с. 519]. С развитием Интернета и появлением платформ для ведения блога его формат данного жанра изменился и -на данный момент блог представляет собой сайт или раздел сайта, включающий датированные записи текстового и мультимедийного характера с возможностью комментирования, которые, в свою очередь, расположены в обратном хронологическом порядке и открыты для чтения и комментирования другими пользователями [4; с. 125].

Блог как отдельный жанр интернет-дискурса имеет ряд специфических черт, которые отличают его от других жанров, существующих в Интернете. К основным жанровым особенностям блога относятся:

- *композиционные признаки*: аккаунт автора, организованный в обратном хронологическом порядке, и комментарии к нему;
- *когнитивные и прагмасемантические характеристики*: интерактивность, мультимедийность, гипертекстовость, полифоничность, анонимность, дистантность и добровольность контактов;
- *реализуемые функции*: информационная, консолидирующая, контактоустанавливающая, экономическая, политическая, презентационная, релаксационная, образовательная функции и функция социализации;
- возможность автора конструировать *собственную идентичность*, что обеспечивается анонимностью и дистантностью данного жанра интернет-коммуникации;
- формирование *креативных и рецептивных компетенций* автора, обусловленных тем, что блогер не только создаёт посты, но и взаимодействует с читателями, отвечая на их комментарии;
- использование автором разных *коммуникативных стратегий и тактик* в зависимости от интенции и желаемых результатов [5; с. 129].

В течение последних лет блоги пользуются большой популярностью среди интернет-пользователей, что подтверждается растущим числом платформ для ведения блогов, а также их ак-

тивным развитием и распространением во всём мире. В свою очередь, развитие жанра блога и его микрожанров обуславливает увеличение числа выполняемых им функций, реализация которых зависит от интенции автора и выбранной тематики блога. Выделяют ряд основных функций, выполняемых блогом в современном интернет-дискурсе:

- 1) *контактоустанавливающая функция*: установление контакта между участниками общения, поддержание коммуникации, проверка работы канала связи;
- 2) *консолидирующая функция*: объединение пользователей в группы по интересам, укрепление социальных связей между участниками группы;
- 3) *информационная функция*: предоставление и получение данных, касающихся интересующей темы, информирование участников коммуникации в определённой области знания;
- 4) *экономическая функция*: получение заработка в результате продажи товаров, услуг или знаний;
- 5) *политическая функция*: создание условий для поиска единомышленников, ведения политической дискуссии, продвижения политической идеи;
- 6) *релаксационная функция*: обеспечение развлечений, досуга пользователей;
- 7) *функция социализации*: участие в блогерской деятельности, общение с единомышленниками, ведение дискуссий и т.д. [Там же].

К вышеперечисленным функциям реализуемым современными блогами, представляется необходимым также отнести *образовательную* функцию, которая получила свое развитие в рамках информационной функции, но значительно расширила свои границы и на данный момент может считаться ключевой и наиболее активно распространяющейся. Благодаря данной функции блог становится платформой для репрезентации и популяризации теоретического знания и обучения практическим навыкам в специфической области. Данный факт подтверждается растущим числом страничек, посвящённых определённой области знания, задачей которых является представление и распространение тематической информации. В результате активного развития образовательной функции возникает особый жанр блога – экспертные блоги, авторы которых делятся своими знаниями, опытом и умениями в определённой сфере [3; с. 522].

Цель экспертного блога заключается в информировании заинтересованной аудитории по определённой теме в той или иной сфере жизни общества путём предоставления переработанной информации и фактов, касающихся данной темы, подкреплённых личными убеждениями, идеями и опытом автора. Популярность блогов, авторами которых являются врачи различных специальностей, обусловлена актуальностью и значимостью темы здоровья для большого числа пользователей Интернета, необходимостью поиска простых ответов на сложные медицинские вопросы. Об этом также свидетельствует количество подписчиков на страницах экспертов в области медицины в сети *Instagram* – их число варьируется от 100 тысяч до 7,8 миллионов человек. Данный факт обуславливает актуальность изучения экспертного блога как особого и наиболее популярного жанра интернет-дискурса.

Анализ текстов англоязычных и русскоязычных блогов врачей в социальной сети *Instagram* позволяет выявить целый ряд особенностей языковой организации экспертных блогов как особого пространства репрезентации профессионального знания. К основным из них относятся:

- разная степень проявления научного стиля;
- использование ономастических единиц экспертности;
- специфическое использование терминологической лексики;
- высокая частотность употребления стилистических средств.

В отличие от всех типов дискурсивного представления научного знания для дискурса экспертных блогов врачей характерна определённая степень адаптации научного стиля, включение элементов популяризации знаний. Это во многом объясняется целью большинства авторов-экспертов доступно донести информацию до читателей, не обладающих глубокими научными знаниями по данной тематике. Степень проявления научного стиля обусловлена особенностями лексической и стилистической составляющих текстов блогов. Основные инструменты языковой реализации научного знания, представленного в дискурсе медицинских экспертных блогов – лексические и стилистические средства и приемы – позволяют формировать необходимое концептуальное пространство, воспринимаемое всеми членами социума как общее разделяемое знание. Представляется необходимым отметить, что все выявленные особенности языковой организации блогов исследуемого типа обладают лингвокультурной спецификой.

Обязательной лексической единицей каждого аккаунта в социальной сети *Instagram* выступает ономастическая единица интернет-дискурса – никоним, или никнейм [6; с. 3]. Никнейм является своеобразной визитной карточкой блога. Он соотносится с его тематикой и является простым для восприятия, что значительно облегчает поиск нужного аккаунта для заинтересованных пользователей.

Большинство ников медицинских экспертных блогов включают в себя указание на концепт *doctor*, что обусловлено его семантическим значением, указывающим на экспертность и профессионализм объекта данной номинации. Семантическое поле данного концептуального пространства также включает в себя указание на дидактическое и поучительное функциональное воздействие блога на аудиторию. Представляется важным отметить, что выбор ономастической единицы блога, в основе которой лежит концепт *doctor*, характерен для обеих культур, в том числе ввиду отсутствия возможности использования русского языка при создании никнейма в сети *Instagram*.

Так, концепт *doctor* получает свою репрезентацию с помощью ряда наиболее частотных единиц:

- существительного *doctor* (*doctor.mike*, *thesunshinedoctor*, *doctor_annamama*, *doctor_komarovskiy*, *regina_doctor*, etc.);
- синонимического существительного *medic* (*thefoodmedic*, *themedicmummy*, *hopefulmedic*, etc.);
- общепринятого сокращения *dr* (*dralexgeorge*, *dr.philipp*, *drwillcole*, *dr_sychev*, etc.);
- сокращения *dok/doc* (*cardiodok*, *detsdoc*, *zloy.doc*, etc.), которое наиболее ярко подчёркивает стиливую сниженность русскоязычных экспертных блогов.

Использование в никнеймах англо- и русскоязычных блогов концепта *doctor*, репрезентированного за счёт языковых единиц с семантикой экспертности, обеспечивает реализацию основной коммуникативной интенции автора – создание положительного имиджа в сети, стремление произвести впечатление на аудиторию, привлечение внимания к своему блогу как можно большего числа подписчиков. Использование ономастических единиц экспертности также способствует повышению доверия и лояльности аудитории к автору.

Другой лексической особенностью, характерной для экспертных блогов врачей, является большое количество терминологической и специальной лексики. Термин представляет собой название определённого понятия какой-либо специальной области науки [7; с. 795], что делает его использование обязательным для всех типов дискурсивного представления научного знания. Важно отметить, что специфика использования терминов в дискурсе экспертных блогов во многом обусловлена их лингвокультурными особенностями.

Так, характерной чертой русскоязычных экспертных блогов выступает использование специальной лексики с пояснением её значения, если, по мнению автора, определение термина может быть неизвестным или непонятным читателю. Например:

- Антиперспиранты «выключают» появление запаха благодаря сужению потовых желёз и их закупорке, что может привести к неприятным последствиям, к примеру, развитию *гидраденита* (*гнойного воспаления потовых желез*) (*doctor_zubareva*, 5 июня 2019);
- Если воспаление продолжается, может развиться либо *атрофический гастрит* (*состояние, при котором исчезают железы слизистой оболочки желудка*), либо язва (*doctor.khayrov*, 4 июня 2019).

В данном случае наименования заболеваний сопровождаются комментарием, раскрывающим их суть, т.е. репрезентация научного знания реализуется посредством пояснения значения медицинских терминов. Как правило, комментарием сопровождаются наименования заболеваний, которые не входят в общую когнитивную базу большинства представителей русскоязычной лингвокультурной общности. Данный приём подчёркивает стиливую сниженность текстов русскоязычных экспертных блогов, что, в свою очередь, обеспечивает упрощение восприятия научной информации неподготовленными читателями.

В англоязычных экспертных блогах, напротив, преобладают медицинские термины и специальная лексика без дополнительного пояснения. Например:

- Moreover, magnesium loss is exacerbated with *comorbid medical conditions* as well as with *physical exertion, perspiration, urination, and defecation* as well as during periods of *up-regulated stress hormone production* (*empowerdautoimmune*, 21 ноября 2019);

– The viral infection causes a respiratory illness called *Acute Respiratory Distress Syndrome (ARDS)* by infecting the *respiratory epithelial cells*, but there is a question of *viral gastrointestinal infection* and a *fecal-oral transmission route* (angie.sadeghi, 7 апреля 2020).

Как следствие, отсутствие комментирования специфических терминов в англоязычных блогах обуславливает большую формальность стиля повествования, адресованного заинтересованным читателям, открытым к получению и самостоятельному освоению нового знания.

Не менее распространённым способом репрезентации научного знания в русскоязычных блогах выступает использование метафорических лексических единиц вместо специальной медицинской терминологии:

– Сначала вирус “*восседает*” на слизистых оболочках (носа, глотки, тонкого кишечника), далее, когда накапливается необходимая ударная концентрация, он выходит в кровь и начинает перемещаться по кровяному руслу и лимфе к разным органам» (dr.philipp, 15 октября 2019);

– Терапия заключается во введении в организм пациента малых доз аллергена, что приводит к «*привыканию*» иммунной системы к данному аллергену (doctor_anna_mama, 30 января 2020).

Например, в предложении «Сначала вирус “*восседает*” на слизистых оболочках (носа, глотки, тонкого кишечника), далее, когда накапливается необходимая ударная концентрация, он выходит в кровь и начинает перемещаться по кровяному руслу и лимфе к разным органам» метафорически используется глагол *восседать*. Его книжное значение торжественности воспроизводимого действия при описании жизнедеятельности вируса на ранней стадии развития заболевания способствует возникновению в сознании читателя яркого образа, что значительно облегчает восприятие научной информации неподготовленным читателем и располагает к усвоению научного знания.

Нередко метафорические единицы несут яркую эмоциональную нагрузку и выражаются с помощью ненормативной лексики или просторечий, вызывая в сознании читателя ещё более яркие ассоциации и снижая научность текста до минимума:

– Бактерии, это как микроорганизмы, которые “*жрут*” ткань, *плодятся* и *гадят*. Вирус не *жрёт* ткань, а заражает её, заставляя работать на себя (dr.philipp, 8 февраля 2020);

– Это прям какой-то *факинг бич* современной психиатрии. Каждому третьему пациенту *тупо* не хватает дозы (dr_sychev, 28 марта 2020).

Как и в случае с тактикой пояснения, стилевая сниженность текста как способ представления научного знания обеспечивает эффективное восприятие неподготовленной аудиторией сложных медицинских процессов, что в значительной степени повышает заинтересованность читателей в обсуждаемом вопросе.

Важно отметить, что отсутствие примеров пояснения и метафорической репрезентации медицинских терминов и процессов в англоязычных блогах подчёркивает большую формальность стиля англоязычных блогов, их близость к наиболее традиционному типу репрезентации научного знания – дискурсу научных статей, потенциальные читатели которых достаточно подготовлены для понимания как специфических медицинских терминов, так и ключевых характеристик паталогических процессов.

Лингвокультурная обусловленность разной степени проявления научного стиля в экспертных блогах прослеживается также на стилистическом уровне. Для русскоязычных блогов врачей характерно использование большого количества стилистических средств для облегчения понимания сложных медицинских процессов. Стилистические фигуры и тропы обеспечивают доступность научного знания читателям, не являющимся специалистами в области медицины. Основными средствами выступают следующие стилистические средства и приемы.

1. *Олицетворение.*

Например, при объяснении особенностей протекания болезни в предложении «В чём суть болезни? – по каким-то причинам иммунная система что-то там *шепчет* клеткам верхних слоёв кожи и те начинают усиленно делиться и прорасти сосудами, образуя бляшки» (dr.philipp, 29 января 2019) глагол *шептать* позволяет персонифицировать иммунную систему и ее деятельность как активную живую систему, что помогает адаптировать сложное теоретическое знание для восприятия любым заинтересованным пользователем;

2. *Метафора.*

Проведение аналогии отказа от использования очков и отказа от употребления наркотиков с помощью метафорического использования словосочетания *слезть с иглы* в предложении «Если хоти-

те «*слезть с иглы*» очков или линз – смело записывайтесь и корректируйте зрение» (dr.philipp, 28 марта 2019) вызывает в сознании читателей яркую ассоциацию, мотивирующую их на проведение операции;

3. Сравнение.

Во фрагменте блога об особенностях работы иммунитета «В определённых условиях, таких как СПИД, многие из этих белых кровяных клеток повреждены или мертвы. В таких случаях термин иммунодефицит явно уместен. *Обстоятельство аналогично армии, в которой, скажем, нет оружия*» (doctor.khaugov, 19 августа 2019 состояние иммунитета при иммунодефиците уподобляется армии без оружия как хорошо знакомому образу, сформированному в сознании представителей русскоязычной лингвокультурной общности, что в результате облегчает осмысление протекания сложных физиологических процессов.

4. Парцелляция.

В контексте описания эффективных препаратов фолиевой кислоты «Есть препараты ФК, лекарственные, на них кучу крупных исследований, и все эти перечисленные выше про 90гг вплоть до 2020 именно про них. *Они. Реально. Работают. И они. Безопасны. Это проверено*» (regina doctor, 2 марта 2020) приём парцелляции способствует акцентированию внимания читателя на особенностях рекомендуемых автором медикаментов за счёт намеренного членения предложения.

Так, использование данных стилистических средств способствует упрощению процесса восприятия информации читателями, формированию в сознании аудитории уверенности в простоте протекания описываемых биологических и химических процессов.

В англоязычных медицинских блогах стилистические средства и тропы встречаются реже. В основном они представляют собой стёртые метафоры и общеязыковые олицетворения, фигуральный характер которых не воспринимается читателями ввиду утраты семантически мотивированных связей значений. Например:

– Researchers in fact suggest that because the fetal testis may *be the main target* of endocrine-disrupting chemicals (EDCs) such as BPA, BPS, and BPF, we may anticipate higher incidence of male reproductive disorders to come (doctor.g_, 3 апреля 2020).

– *Supplements* are typically regulated as “foods stuffs” and therefore *do not undergo* the same checks for safety and efficacy that medicines do (thefoodmedic, 10 сентября 2019).

– Eating too much salt may impair the body’s ability to *fight infections*, at least in studies in mice and in small groups of human volunteers (dr_jenna_macciocchi, 27 марта 2020).

Отсутствие в англоязычных медицинских блогах образных выражений, ярких сравнений и других средств художественной выразительности подчёркивает более формальный стиль представления научного знания читателем, которые или уже владеют медицинским знанием, или готовы самостоятельно им владеть.

Таким образом, выявленные в результате анализа особенности репрезентации научного знания в экспертных блогах врачей (разная степень проявления научного стиля, использование ономастических единиц экспертности, специфическое использование терминологической лексики и стилистических средств) обуславливают особый стиль представления экспертного научного знания, а именно, тенденцию к научно-популярному стилю его изложения. Выявленные закономерности указывают на процесс трансформации научного знания в дискурсивном пространстве экспертных блогов как новых форм трансляции экспертного знания. Данная специфика, а также высокая степень детерминированности репрезентации научного знания особенностями лингвокультурной принадлежности авторов экспертных медицинских блогов обуславливают необходимость дальнейшего лингвистического анализа экспертных блогов в перспективе работы над проблемой их когнитивно-прагматического потенциала с целью выявления и систематизации тенденций организации текстов экспертных блогов на разных языках и в различных сферах научного знания.

Библиографический список

1. Щипицина Л.Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия: Филология. 2009. Вып. 144. С. 171-178.
2. Распопина Е.Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет-дискурса // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. 2010. Вып. 3. С. 125-131.
3. Jurida S.H. Linguistic Properties and Aspects of Blogging within the Context of Netspeak // Jezikoslovlje. 2013. 14 (2-3). P. 517-536.
4. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125-131.
5. Максимова Т.О. Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: Филологические науки. 2017. № 1. С. 124-131.
6. Варнавская Е.В. Сетевой медицинский дискурс в блогосфере: социолект и специфика онлайн-общения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. №5. С.1-10.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

References

1. Shchipsina I. Y. Functional classification of computer-mediated genres // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Philology. 2009. Vol.144. P. 171-178.
2. Raspopina E.Y. Differential and genre features of computer Internet-discourse // The Bulletin of Irkuts State Linguistic University. Philology. 2010. Vol.3. P.142-149.
3. Jurida S.H. Linguistic Properties and Aspects of Blogging within the Context of Netspeak // Jezikoslovlje. 2013. 14 (2-3). P. 517-536.
4. Bazhenova E.A., Ivanova I.A. Blogs as an Internet genre // The Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2012. Vol. 4(20). P. 125-131.
5. Maksimova T.O. S blog in the Internet communication: structure, function, literary potential // Cherepovets State University Bulletin. Philological Science. 2010. Vol.1. P.124-131.
6. Varnavskaya E.V. Digital medical discourse in the blogosphere: sociolect and online communication specificity // Scientific and methodical electronic magazine Concept. 2019. Vol.5. P.1-10.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 2004. 994 p.

УДК 811.112.2'42:32

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.23.91.019

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко*

*старший преподаватель кафедры
романо-германской филологии*

Мифтахова О.В.

ЛНР, г. Луганск, тел. +3(8099)7950001

e-mail: olga_miftakhova@mail.ru

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

*студент 3 курса филологического факультета
специальность немецкий, английский язык*

и литература

Мокрова К.Г.

ЛНР, г. Луганск, тел. +3(8099)7632194

Lugansk Taras Shevchenko National University

*The department of Romance-Germanic Philology,
senior lecturer*

Miftakhova O.V.

LPR, Lugansk, tel. +3(8099)7950001

e-mail: olga_miftakhova@mail.ru

Lugansk Taras Shevchenko National University

*the student of the 3d course, the Faculty of Philology
specialty: German, English and Literature*

Mokrova K.G.

LPR, Lugansk, tel. +3(8099)7632194

О.В. Мифтахова, К.Г. Мокрова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛАХ СМИ ГЕРМАНИИ)

Данная статья освещает специфику языковых средств, используемых в немецких СМИ для создания образа политического деятеля. Поскольку средства массовой информации обладают мощнейшим манипулятивным действием, они играют ведущую роль в формировании массового сознания и социального мнения. В СМИ специально создаются политические образы не только отдельных представителей власти, но и государств в целом. Политический имидж лидеров стран влияет на развитие международных отношений: от положительной или негативной окраски того или иного государственного деятеля напрямую зависит успешность проведения внешней политики страны. Цель статьи – рассмотреть на примере двух немецких политиков, Сары Вагенкнехт и Аннегрет Крамп-Карренбауэр, языковые средства создания имиджа, формирующие у аудитории данных деятелей субъективное мнение о них. СМИ выступает мощнейшим оружием в данном вопросе, придавая особую значимость тем или иным высказываниям политиков. Выражая собственную оценку, средства массовой информации незаметно влияют на сознание и суждения людей. Предмет исследования – средства выразительности, которые оказывают воздействие на создание положительных или негативных медиаобразов политиков Германии. Актуальность темы проявляется в необходимости правильно трактовать тонкости речи и письма, которые могут формировать оценочные мнения о том или ином политическом деятеле.

Ключевые слова: СМИ (средства массовой информации), имидж, политик, языковые средства, дискурс, политический дискурс, медиадискурс, мнение.

O.V. Miftakhova, K.G. Mokrova

LANGUAGE MEANS OF CREATING POLICIAN'S IMAGE (ON GERMANY MEDIA MATERIALS)

This article considers the issues of language means of creating the image of a politician used in the German media. Since the media have a powerful manipulative effect, they play a leading role in creating mass consciousness and social opinion. In the media, political images are specially formed not only of individual representatives of the government, but also of the state as a whole. The political image of the leaders of states have the influence the development of international relations: the success of the country's foreign policy directly depends on the positive or negative coloring of a statesman. The purpose of the article is to examine, using the example of two German politicians, Sarah Wagenknecht and Annegret Kramp-Karrenbauer, as language means for creating an image, forming a subjective opinion of them among the audience. The media act as a powerful weapon in this matter, attaching particular importance to

certain statements of politicians. Expressing their own assessment, the media imperceptibly affect the consciousness and judgments of people. The subject of the research is the means of expression that influence the creation of positive or negative media images of German politicians. The relevance of the topic is manifested in the need to understand the intricacies of speech and writing, which can form evaluative opinions about a concrete political figure.

Key words: media (mass media), image, politician, language means, discourse, political discourse, media discourse, opinion.

В настоящее время СМИ активно влияют на сознание человека. Общественное политическое мнение формируется вследствие восприятия и обработки материала как из традиционных средств массовой коммуникации, так из интернет-СМК. При этом важно отметить, что аудитория получает нужную, выгодную для адресанта информацию. В некоторых случаях это может осуществляться прямо, а может косвенно – через использование разнообразных языковых средств, которые, в свою очередь, являются стилистическими оборотами, способствующими увеличению выразительности речи и вносящими в нее особую коннотацию. В политическом дискурсе при создании имиджа политика подобные обороты получают широкое распространение, обогащая различного рода выступления и агитационные обращения к народу.

Современный человек хочет знать о происходящем в общественной и политической жизни, он хочет разумно и объективно оценивать ситуацию не только в своей стране, но и на мировой арене. СМИ превращаются в мощнейший способ влияния на людей, контролируя всю информацию, имея к ней доступ и пропуская через себя, они выделяют то, что, по их мнению, является важным, опуская те элементы, которые считают менее значимыми. Обработывая информацию, передавая ее читателям, объясняя и ранжируя последние события, СМИ все чаще отклоняются от нейтрального тона, занимая определенную позицию или сторону. В.В. Абрамеева утверждает, что СМИ, создавая социальное мнение, консолидируют общественность вокруг значимых политических фигур, помогают в осуществлении демократических реформ. Таким образом, СМИ оказывают значительное влияние на развитие современного общества [1; с. 4].

Передавая определенную новость реципиенту, журналисты зачастую кратко говорят о фоновых событиях, а большую часть репортажа отводят оцениванию ситуации, передаче своей точки зрения. Аудитория чаще всего сталкивается с аргументами и мнениями, а не напрямую с событием и его последствиями. Статьи политической направленности имеют особое значение: они не только показывают события в «чистом виде», но и способствуют формированию оценочных суждений, оказывающих определенное давление на граждан.

В бесконечном потоке различных сенсаций СМИ выявляют наиболее острые и актуальные социальные и политические явления, а уже потом освещают их. Стоит учесть, что именно журналисты определяют повестку дня, а значит, они создают окружающую реальность. Целенаправленное акцентирование внимания на одних новостях может отвлекать реципиентов от более глобальных проблем, которые не придаются огласке. В ситуации современных реалий, при которых характер международных отношений напрямую зависит от характеристик лидеров государств, средства массовой информации играют особую роль.

По мнению Гади Вольфельд, если государственный деятель не значится в СМИ, то он не значится как политик [2; с. 153]. Средства массовой информации служат источником информации обо всех политических субъектах. В конкурентной политической борьбе информационные ресурсы занимают главенствующее положение вследствие возможности оказания определенного воздействия на аудиторию.

Термин «дискурс» (от фр. discours, англ. discourse <= лат. discursus ‘рассуждение, довод’) широко используется в различных науках и имеет различные интерпретации у исследователей. Теория дискурса отражает общую устремленность к интеграции новейших научных знаний. Существует огромное многообразие подходов к изучению данного понятия. Но есть два основных направления. В первом случае стоит рассматривать дискурс как коммуникацию, практику речевых навыков, как интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения. Что касается второго случая, дискурс понимается как вариация соотнесенных по темам текстов, взаимосвязь множества текстов, функционирующих в пределах одного коммуникативного вида;

это «социальная деятельность, осуществляемая с помощью языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей» [3; с. 21].

Стоит также осветить вопросы медийного и политического дискурсов. Медиадискурс – система продуктов и процессов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем разнообразии и сложности их взаимодействия [4; с. 263]. Массовая коммуникация, в свою очередь, является «последовательным распространением сообщений среди больших аудиторий, цель которого – подтверждение духовных ценностей и оказание идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, суждения и поведение людей» [5; с. 256]. Согласно Т.Г. Добросклонской, «если СМИ понимаются как совокупность технических средств, общественных организаций и человеческих ресурсов, которые задействованы в массовом распространении информации, то массовая коммуникация представляет собой сам процесс распространения этой информации» [6; с. 286].

Политический дискурс – это использование языка не только в социальной и политической сфере жизни, но также в области публичного общения. Его целью является приобретение и сохранение власти. Политик воздействует на потенциальную аудиторию посредством использования в своей речи разнообразных языковых средств. Исследовать политический дискурс необходимо не только для того, чтобы политик мог выявить оптимальные способы воздействия на людей с помощью языка, но и для того, чтобы слушатели могли понимать скрытое влияние и манипуляции со стороны представителей власти.

Г.Г. Почепцов отмечает, что «лидер не борется, чтобы оказаться в центре публичного внимания, его интересует положительная окраска собственного образа» [7; с. 16].

Политический имидж – специфический вид имиджа, который включает в себя не только общие, присущие ему политические и психологические особенности, но и признаки, принадлежащие лишь конкретному типу политического образа. Затрагивая политический имидж, специалисты нередко идентифицируют его как целенаправленно формируемый и пропагандируемый образ кандидата, партии, общественного или политического движения, не акцентируя внимание на том, что имидж в политической сфере является феноменом массового сознания независимо от реализации предвыборных технологий [8; с. 6-7].

Политический имидж – сложный, многофакторный феномен, его особенности связаны со свойствами политики как вида деятельности, с ее значимостью в человеческой жизни и инициативностью политического лидера или организации. Постоянный приток лояльной к политическому деятелю аудитории является признаком его успеха.

Ученые говорят о существовании двух ведущих механизмов возникновения и формирования политического имиджа – «стихийного» и «искусственного». В первом имеется в виду непринужденный, естественный способ создания имиджа политического деятеля «в головах» избирателей, получающийся с помощью социально-перцептивных механизмов восприятия. «Искусственный» происходит за счет демонстрации определенного выгодного образа, который создают имиджмейкеры, специалисты PR и сам политик.

Политические деятели активно примеряют на себя роли патриотов и державников, поскольку именно они пользуются большой популярностью в современном мире. Патриот, он же «Слуга Народа», «Голос Народа», типичен и предсказуем в своих речах, а вот сами избиратели значатся как «простые люди».

Имидж политика создается в СМИ благодаря оценке журналистов, выражающих свое субъективное мнение о том или ином деятеле [8; с. 7]. Суждения прессы зависят от публичной работы, которую проделывает политик. Это могут быть выступления, появления на различных мероприятиях, общение с представителями СМИ. Журналисты прибегают к использованию в своих статьях языковых средств, чтобы полномерно обозначить качества политического деятеля. Народ выбирает те суждения, которые ему предлагаются, несмотря на то, что сформированный образ может не совпадать с реальным портретом политика. Имидж – своего рода посредник между известной персоной и ее аудиторией. Он создается и совершенствуется в расчёте на положительное его восприятие другими людьми [8; с. 34].

Актуальным вопросом остается то, какие языковые средства используются в СМИ, какое влияние они оказывают на создание образа политика. Многие учёные-лингвисты считают метафору наиболее часто встречающимся лингвистическим средством воздействия в политическом контексте,

которое позволяет наиболее метко охарактеризовать политического лидера. Н.И. Андреев считает, что «политическая метафора – это не просто приём иносказательности для украшения и образности речи, а средство мышления, познания окружающего мира, коммуникации и манипуляции сознанием» [9; с. 78]. Главная функция политической метафоры – речевое воздействие, которое формирует у общества или отдельного субъекта положительную или негативную оценку относительно того или иного политического явления. Выражение эмоций способствует проявлению в речи элемента артистизма, за которым следует метафора. Она, в свою очередь, является уже готовым штампом и образом, именно поэтому о ней говорят, как о лучшем средстве манипуляции. Подобное влияние не вызывает отторжения и даже больше, остается незамеченным. Внимание читателей привлекает и удерживает краткость, информативность и содержательная насыщенность интересующей информации.

Язык средств массовой информации воспроизводит убеждения и мысли политиков страны и, таким образом, общий настрой народа. Этот факт вытекает из особенностей языка, которые применяются, в основном, в виде стилистических приемов, благодаря которым и создается образ политика в СМИ. Языковые средства выразительности придают высказываниям наполненность, блистательность, эмоциональную выразительность.

Сара Вагенкнехт – яркий пример немецкой оппозиции, лидер парламентской фракции Левой партии, на примере которого можно изучить некоторые речевые уловки, используемые как, непосредственно, в ее речи, так и в суждениях журналистов. Немецкая газета «Süddeutsche Zeitung» 12 ноября 2019 года опубликовала статью под названием «Immer noch linker als die Linke», в которой представлен политический путь Сары Вагенкнехт от самого его начала и до сегодняшнего дня. Там отмечается, что «*Wagenknechts Erfahrungen mit der Politik sind anfänglich eher negativ*» (Опыт Вагенкнехт в политике изначально скорее негативный) [10]. Использование данного предложения практически в самом начале статьи направлено на повышение внимания читателей. Благодаря этому высказыванию, у потенциальных реципиентов появляется заинтересованность ходом дальнейших событий в жизни политического деятеля. Также это подведение к тому, что несмотря на наличие трудностей в начале своей карьеры, Сара все же смогла преодолеть их и стать лидером Левой партии.

В статье также говорится о том, что у Вагенкнехт есть «*die weitgehende Forderungen*» (Далеко идущие требования) из-за которых «*Wagenknecht stößt weiterhin auf innerparteiliche Gegner*» (Она продолжает сталкиваться с внутривнутрипартийными противниками) [10]. Данные слова дают представление об этой женщине, как о человеке сильном, целенаправленном, не обращающим внимание на неприятелей. В число ее требований входили: преодоление капитализма и контроль государства над важными областями жизни – над жильем, образованием, энергоснабжением, банками и важными отраслями промышленности. Позитивная оценка Сары формируется благодаря ее стремлению к улучшению основных сфер жизни населения.

В конце статьи освещается актуальный момент, касающийся объявления Вагенкнехт о том, что она больше не будет баллотироваться на пост председателя парламентской группы левых.

Та же «Süddeutsche Zeitung» называет Сару Вагенкнехт «*Die Frau, die geht und bleibt*» (Женщина, которая идет и остается). Несмотря на положительную характеристику, указывающую на непрерывное развитие, далее говорится, что «*Wagenknecht stand im Verdacht, eine Konkurrenz zur eigenen Partei aufzubauen*» (Она подозревалась в создании конкуренции в собственной партии) [11].

Многие вздохнули с облегчением, узнав о нежелании женщины быть в политике, ведь она являлась серьезным конкурентом для многих. Вдумчивая позиция Сары четко просматривается в следующих словах: «*Sie sagt: «Ich glaube, dass ich mehr verändern kann, wenn ich wieder mehr Zeit habe, zu lesen und zu denken*» (Она может изменить больше, если у нее вновь появится больше времени, чтобы читать и думать) [11].

По мнению эксперта и тренера по риторике Юргена Холла, Сара Вагенкнехт – один из лучших ораторов. «*Sie nutzt meisterlich eine bildhafte Sprache und arbeitet mit allen möglichen rhetorischen Stilmitteln. In ihren Reden wirkt sie sehr kraftvoll, kämpferisch und erzeugt Emotionen. Zudem verfügt sie über ein gutes Gespür für Betonung*» (Она мастерски использует визуальный язык и работает со всеми видами риторических и стилистических приемов. Своими высказываниями она производит мощное впечатление и порождает эмоции. У нее есть талант к акцентированию) [12].

Аннегрет Крамп-Карренбауэр – еще один небезызвестный политик, председатель Христианско-демократического союза; также она является преемницей Ангелы Меркель. Немецкая газета «Spiegel» выпустила статью, в которой ставится под сомнение то, что Карренбауэр станет хорошим

кандидатом в канцлеры. Она признала свои ошибки в управлении за год нахождения на должности председателя ХДС. Крамп-Карренбауэр утверждает, что *«Das ist natürlich nicht spurlos an mir vorübergegangen»* (Это, конечно, не прошло для меня бесследно). Несмотря на наличие слова «конечно», которое должно подействовать на аудиторию как раскаяние в действиях, это стало почвой для подозрений в ее некомпетентности.

Аннегрет выражает понимание того, что в партии ее критикуют. Она говорит, что *«Eine Partei, die CDU insbesondere, will natürlich immer eine Vorsitzende, von der sie weiß: Die steht da vorne, auf die kann ich mich verlassen, die macht keine Fehler»* (Партия хочет председателя, о котором она знает: на него можно положиться, он не допускает ошибок). Это выражает ее понимание и принятие своих ошибок. Публикой и партией она воспринимается положительно, так как своими изречениями указывает на наличие недостатков, прослеживающихся в политической деятельности, которые она старается устранить.

По мнению *«Deutschlandtrend»* и, непосредственно, интернет-ресурса от телевизионной программы *«tagesschau. de»*, который выпустил статью *«Kramp-Karrenbauer unter Druck, Erfolge krampfhaft gesucht»* (Крамп-Карренбауэр, судорожно ищущая успех, находится под давлением), *«Es läuft nicht wirklich rund für die CDU-Chefin»* (Дела у лидера ХДС идут не очень хорошо) [13]. Один из подзаголовков к данной статье гласит: *«Zweifel in den eigenen Reihen»* (Сомнение в собственных рядах). Там указано, что Аннегрет отстаёт по популярности от других немецких политических деятелей. *Auch in den eigenen Reihen ist ihre Position nicht sicher, vor allem nicht im Hinblick auf eine mögliche Kanzlerkandidatur* (Даже в их собственных рядах ее позиция не определена, особенно в отношении возможной кандидатуры канцлера) [13]. *Offen sagt das niemand, doch hinter den Kulissen schüttelt manch einer den Kopf und wünscht sich, dass Kramp-Karrenbauer das eine oder andere Interview so besser nicht gegeben hätte.* (Открыто об этом никто не говорит, но за спиной некоторые люди качают головой и хотят, чтобы Крамп-Карренбауэр не давала интервью) [13].

Другой подзаголовок данной статьи утверждает, что *«Merkel hat ihr den Weg bereitet»* (Меркель проложила ей дорогу). Далее задается волнующий многих людей вопрос: *«CDU-Chefin, Verteidigungsministerin und am Ende Kanzlerin?»* (Глава ХДС, министр обороны и, в конце концов, канцлер?). *«...Bundeskanzlerin Angela Merkel hat ihr den Weg bereitet, sie zur Generalsekretärin gemacht, ihr den Platz am Kabinettstisch angeboten. Ausfüllen muss sie die Aufgaben allein. Vom Saarland nach Berlin - das war ein temporeicher Aufstieg, der manche Hürde mit sich bringt und den Kreis der politischen Freunde kleiner werden lässt»* (Канцлер Ангела Меркель проложила ей дорогу, сделала ее генеральным секретарем и предложила ей место в кабинете. Она должна выполнять работу в одиночку. От Саара до Берлина – это было быстрое восхождение, которое вызвало некоторые препятствия и сузило круг политических друзей) [13].

Становится понятно, что Аннегрет Крамп-Карренбауэр с самого начала ее пути, до момента, когда она стала преемницей Ангелы Меркель, и по сегодняшний день, находится под пристальным контролем не только представителей прессы, но и политических деятелей. Каждый ее шаг оценивается, каждое высказывание подвергается сомнениям, но, в конечном счете, никто не может открыто пойти против нее. Актуальным остается вопрос о том, станет ли она в дальнейшем новым канцлером Германии. Мнения разделяются и независимо от мнения политиков, нельзя утверждать, как поведут себя избиратели.

«...Die Konkurrenz schläft nicht - und Kramp-Karrenbauer braucht ein Thema, mit dem sie glänzen kann.» (Конкуренция никогда не спит и Крамп-Карренбауэр нуждается в теме, в которой она сможет засветиться) [13].

В недавнем комментарии Штефана Ланге на сайте *«Ausburger Allgemeine»* указывается положительная оценка действий Аннегрет. *«Annegret Kramp-Karrenbauer agiert als CDU-Vorsitzende sehr zurückhaltend. Kritik und schlechte Umfragewerte nimmt sie dabei in Kauf»* (Аннегрет Крамп-Карренбауэр в качестве председателя ХДС действует очень осторожно. Она принимает во внимание критику и плохие результаты опроса) [13]. Это также говорит о ней, как о руководителе, который способен не сдаваться при негативной оценке журналистов, избирателей или коллег, а целенаправленно идти по намеченному пути, не сходя с дистанции. В условиях реальности это – действительно важные качества для политического деятеля любого государства. Нейтральное восприятие ею критики говорит о холодном рассудке, обладать которым важно, чтобы думать не только о себе и своих приоритетах, но и об окружающих.

Позиция лидера ХДС остается и неизменной. Несмотря на недоверие в собственных рядах, давление конкурентов и нестабильную мировую ситуацию, которую ей нужно брать во внимание как назначенному министру обороны Германии, она призывает: «*Bisschen weniger jammern, mehr arbeiten*» (Чуть меньше ныть, больше работать) [14].

При рассмотрении сформированных средствами массовой информации образов двух немецких политиков, можно сделать вывод, что большое значение имеют высказывания политических деятелей. Основной посыл несут их изречения, а журналисты в своих работах добавляют словам политиков определенные оттенки, приукрашают их, делая понятными для аудитории. Также они обрабатывают материал таким образом, чтобы «на выходе» создался именно такой имидж политика, который был бы им выгоден.

Средства массовой информации оказывают воздействие на все сферы жизни человека. В наибольшей степени это воздействие проявляется в формировании общественного мнения и сознания, ведь именно с подачи СМИ формируется определенное разъяснение того или иного события. СМИ в настоящее время можно отнести к первоисточникам политических сведений.

Медиаобразы политических деятелей создаются с учетом уже составленных журналистами представлений, которые они передают читателям и зрителям. Медиаобразу присущи субъективность и динамичность.

Медиа-политический дискурс невозможно представить без языковых средств выразительности, которые способствуют формированию запоминающихся образов политических деятелей, а также оценочного отношения аудитории к ним.

СМИ специально создают определенный имидж политикам, таким образом, у них появляется возможность управлять сознанием людей, чтобы последние, в свою очередь, воспринимали определенную политическую фигуру в позитивном или негативном контексте, в зависимости от того, что более выгодно для прессы и самого политика.

Библиографический список

1. Абрамеева, В.В. Средства массовой информации в процессе формирования общественного мнения в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Абрамеева Валерия Владиславовна. Саратов, 2006. 21 с.
2. Вольсфельд, Г. Создание смысла средств массовой информации и политики: пять принципов в политической коммуникации / Г. Вольсфельд. Нью-Йорк: Тейлор и Френсис, 2011. 153 с.
3. Шерковин, Ю. А. Массовая коммуникация / Ю.А. Шерковин // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. 348 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
5. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
6. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2005. 286 с.
7. Почепцов, Г. Г. Профессия: имиджмейкер / Г.Г. Почепцов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетей, 2000. 256 с.
8. Лозовский Ю.Г. Языковые средства создания имиджа известной личности (на материале СМИ Приморского края) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Владивосток, 2009. 6-7 с.
9. Андреев Н.И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе / Вестник Московского университета. Сер. 22. 2011. № 3. 72-86 с.
10. «Süddeutsche Zeitung» / «Immer noch linker als die Linke». URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/sahra-wagenknecht-linkspartei-karriere-bilder-1.4678496>
11. «Süddeutsche Zeitung» / «Die Frau, die geht und bleibt». URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/sahra-wagenknecht-1.4619331>
12. «Bild» / «Die Tops und Flops am Rednerpult». URL: <https://www.bild.de/politik/inland/bundestag/politiker-im-rede-check-das-sind-deutschlands-beste-und-schlechteste-redner-40302382.bild.html>
13. «tagesschau.de » / «Kramp-Karrenbauer unter Druck, Erfolge krampfhaft gesucht». URL: <https://www.tagesschau.de/inland/kramp-karrenbauer-unter-druck-101.html>

14. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» / «Neujahrsrede in Bitburg. Bisschen weniger jammern, mehr arbeiten». URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/neujahrsrede-in-bitburg-bisschen-weniger-jammern-mehr-arbeiten-16577609.html>

References

1. Abrameytseva, V.V. Mass media in the process of forming public opinion in modern Russia: author. dis. ... cand. watered Sciences: 23.00.02 / Abrameytceva Valeria Vladislavovna. Saratov, 2006 . 21 p.
2. Wolfsfeld, G. Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication / G. Wolfsfeld. New York: Taylor & Francis, 2011. 153 p.
3. Sherkovin, Yu.A. Mass communication / Yu.A. Sherkovin // Philosophical Encyclopedic Dictionary. M., 1983. 348 p.
4. Dobrosklonskaya, T. G. Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (Modern English media speech): textbook. allowance / T.G. Dobrosklonskaya. M. : Flint: Nauka, 2008. 263 p.
5. Mikhaleva, O. L. Political discourse: Specificity of manipulative influence / O. L. Mikhaleva. M.: Book House "LIBROCOM", 2009. 256 p.
6. Dobrosklonskaya, T. G. Issues of studying media texts: the experience of studying modern English media speech / T. G. Dobrosklonskaya. 2nd ed., Erased. M.: URSS editorial, 2005. 286 p.
7. Pocheptsov G.G. Profession: image maker / G.G. Pocheptsov. 2nd ed., Rev. and add. SPb. : Aletheia, 2000. 256 p.
8. Lozovsky Yu.G. Language means of creating the image of a famous person (based on the media of the Primorsky Territory) // Abstract of dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Vladivostok, 2009. 6-7 p.
9. Andreev N.I. Features of a metaphor in German political discourse / Bulletin of Moscow University. Ser. 22. 2011. No. 3. 72-86 p.
10. «Süddeutsche Zeitung» / «Immer noch linker als die Linke». URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/sahra-wagenknecht-linkspartei-karriere-bilder-1.4678496>
11. «Süddeutsche Zeitung» / «Die Frau, die geht und bleibt». URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/sahra-wagenknecht-1.4619331>
12. «Bild» / «Die Tops und Flops am Rednerpult». URL: <https://www.bild.de/politik/inland/bundestag/politiker-im-rede-check-das-sind-deutschlands-beste-und-schlechteste-redner-40302382.bild.html>
13. «tagesschau.de » / «Kramp-Karrenbauer unter Druck, Erfolge krampfhaft gesucht». URL: <https://www.tagesschau.de/inland/kramp-karrenbauer-unter-druck-101.html>
14. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» / «Neujahrsrede in Bitburg. Bisschen weniger jammern, mehr arbeiten». URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/neujahrsrede-in-bitburg-bisschen-weniger-jammern-mehr-arbeiten-16577609.html>

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 372.881.116.11:378

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.58.72.020

Воронежский институт ФСИН России
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных
языков инженерно-технического факультета
Булгакова И.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +79507636854
e-mail: irina-v-bulgakova@yandex.ru

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia
The engineering and technical department
The chair of Russian and foreign languages of PhD,
associate professor
Bulgakova I.V.
Russia, Voronezh, tel. +79507636854
e-mail: irina-v-bulgakova@yandex.ru

Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета
Панова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79103498506
e-mail: mvpanova@mail.ru

Voronezh State University
The chair of Slavonic philology
PhD, associate professor
Panova M.V.
Russia, Voronezh, tel. +79103498506
e-mail: mvpanova@mail.ru

Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
филологического факультета
Швецова О.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79036569654
e-mail: see76@mail.ru

State University
Philological department
The chair of Russian language
PhD, associate professor
Shvezova O.A.
Russia, Voronezh, tel. +79036569654
e-mail: see76@mail.ru

И.В. Булгакова, М.В. Панова, О.А. Швецова

АНАЛИЗ УРОВНЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВОРОНЕЖСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ПРОЦЕССА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В данной статье говорится о важности повышения уровня читательской грамотности как одной из стратегических целей в решении задач повышения качества российского высшего образования. Поставленная в исследовании проблема представляется одной из ключевых в современной педагогической ситуации, о чем свидетельствует ряд постановлений правительства Российской Федерации, которые приводятся в представленной статье. Авторами настоящего исследования отмечается необходимость опоры при языковой подготовке обучающихся в системе высшего образования на современные требования к профессиональной компетентности будущих специалистов. В статье показана значимость расширения системы знаний, умений и навыков, важных для эффективной профессиональной деятельности выпускников. Доказывается необходимость улучшения читательской грамотности студентов нефилологических факультетов образовательных организаций, функционирующих на уровне высшего образования. В практической части представленного исследования авторами анализируется уровень читательской грамотности обучающихся нефилологических факультетов воронежских вузов, причем именно в аспекте процесса повышения качества образования в высшей школе.

Ключевые слова: читательская грамотность, высшее образование, языковая подготовка, качество образования, нацпроект, PISA.

I.V. Bulgakova, M.V. Panova, O.A. Shvetsova

ANALYSIS OF READING LITERACY LEVEL OF STUDENTS OF NON-PHILOLOGICAL DEPARTMENTS OF VORONEZH HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE ASPECT OF ENHANCING OF HIGHER EDUCATION QUALITY

The given article focuses on the importance of enhancing the reading literacy quality as one of the strategic targets in solving the problems of enhancing of Russian higher education quality. The problem researched in the article is thought to be among the central ones in the modern educational situation, which is proved by a set of governmental documents of Russian Federation mentioned in the article. The necessity of basing on modern requirements to the professional competence of future specialists in the student language training in the system of higher education is emphasized by the authors. The importance of developing the system of knowledge, skills and accomplishments, urgent for graduates' professional activities, is demonstrated in the given research. The necessity of improving reading competency of the students of non-philological departments of higher education institutions is proved. In the practical segment of the given research the level of reader competency of the students of non-philological departments of Voronezh higher education institutions in the aspect of the process of enhancing high school education quality is analyzed.

Keywords: reading literacy, higher education, language training, quality of education, National Project, PISA.

*Чтение – вот лучшее учение.
А.С. Пушкин*

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём указе 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поручил Правительству при разработке национального проекта в сфере образования исходить из того, что в 2024 году необходимо обеспечить модернизацию профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ, а также формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретение ими новых профессиональных навыков [1]. Поэтому задача, стоящая сегодня перед высшей школой, – не только улучшить качество высшего образования в Российской Федерации, совершенствовать и модернизировать федеральные государственные образовательные стандарты на основе анализа результатов различных процедур оценки качества образования, но и повысить заинтересованность всех участников образовательного процесса в совершенствовании образовательной деятельности.

Мы должны понимать, что для обеспечения прорывного улучшения качества образования недостаточно оперировать средними и массовыми показателями. Помимо нацеленности на достижение высоких образовательных результатов в целом или в среднем по стране система образования должна помогать обучающимся найти себя, реализоваться, быть успешными. Она должна также мотивировать каждого обучающегося на максимальную вовлечённость в образовательный процесс, на достижение результатов, важных именно для его развития.

Новая образовательная эпоха требует новых принципов методологии. К ним, по мнению директора Национального института качества образования, генерального директора издательства «Национальное образование» И.Е. Федосовой, относятся ориентация на потребности и интересы обучающихся; ориентация на ФГОС; развитие современных инструментов оценки качества образования; ориентация на оценивание как подготовки обучающихся, так и образовательной деятельности; проведение ежегодного комплексного анализа данных о качестве образования; ориентация на сравнительные международные исследования TIMSS, PIRLS и PISA в качестве примеров воплощения практики международных исследований качества подготовки обучающихся (об этом И.Е. Федосова говорила в докладе «Новая методология и критерии оценки качества общего образования в общеобразовательных организациях на основе практики международных исследований качества подготовки обучающихся», сделанном в Москве на VIII Всероссийской научно-практической конференции «Методика обучения русскому языку в контексте Федеральных государственных образовательных стандартов» 27.09.2019). Все эти принципы, характеризующие процесс повышения качества образования в средней школе, могут быть с успехом применены и в высшей школе.

Не случайно в современном мире информационных технологий особенно возрастает роль читательской грамотности современных специалистов, формируемой на основе устойчивого интереса подрастающего поколения к чтению книг. Понимая актуальность данной проблемы, президент РФ Владимир Путин на одной из встреч с писателями и редакторами поддержал идею пропаганды чтения детской литературы. Глава государства подчеркнул, что проводником в Интернет-пространстве могут быть только морально-нравственные принципы, которые вырабатываются в семье, прежде всего, на основе чтения. По его мнению, здесь нужен программный подход. «Мне кажется, это должен быть один из компонентов обучения чтению, выбора литературы, подачи литературы», – заявил президент [2].

Идеи необходимости формирования у россиян интереса к чтению, высказанные президентом на встрече с литературной общественностью, нашли свое воплощение в распоряжении правительства Российской Федерации № 1155-р от 03.06.2017 года, утвердившего Концепцию программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. Основная цель программы – повышение статуса чтения, читательской активности и улучшение качества чтения, развитие культурной и читательской компетентности детей и юношества, а также формирование у подрастающего поколения высоких гражданских и духовно-нравственных ориентиров [3].

Кроме того, в России с 2007 по 2020 год реализуется Национальная программа поддержки и развития чтения, разработанная Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям совместно с Российским книжным союзом. Данная программа направлена на повышение роста престижности чтения как культурной ценности. В ней чтению отводится ключевая роль в процессе «интеграции личности в многонациональную и многослойную российскую культуру». Будучи «важнейшим способом освоения жизненно значимой информации», чтение формирует высокий уровень культурной компетентности личности, которому придается сейчас стратегическое значение. Именно «от уровня культурной компетентности граждан во многом зависят экономика, политика, национальная безопасность и конкурентоспособность страны» [4].

Национальная программа поддержки и развития чтения направлена на повышение читательской компетентности граждан России, а также рост читательской активности. При этом под *читательской компетентностью* понимается совокупность знаний и навыков, позволяющих человеку отбирать, понимать, организовывать информацию, представленную в печатной (письменной) форме и успешно ее использовать в личных и общественных целях [4].

Важнейшей сферой реализации программы должна стать система образования Российской Федерации как важнейший институт формирования и социализации личности, в котором закладываются основы для будущих социальных достижений обучающихся.

Языковая подготовка обучающихся в системе высшего образования предполагает опору на современные требования к профессиональной компетентности будущих специалистов и направлена на расширение системы знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной профессиональной деятельности выпускников.

В рамках данной статьи нам бы хотелось остановиться на таком показателе эффективности учебного процесса, как степень сформированности читательской грамотности у студентов нефилологических факультетов. Не случайно, например, во ФГОС (3++) по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция (уровень бакалавриата) говорится о формировании общекультурной компетенции (ОК-5) как способности «к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» и общеобразовательной компетенции (ОПК-5), которая формулируется следующим образом: «способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь» [5]. Поэтому освоение таких учебных дисциплин, как «Русский язык в деловой документации», «Русский язык и культура речи», «Деловое общение», «Филологическое обеспечение профессиональной деятельности и деловой коммуникации», базируется на компетенциях, сформированных при освоении общеобразовательной программы и предполагает наличие у обучающихся читательской грамотности.

Словосочетание «читательская грамотность» появилось в 1991 г., когда IEA (International Association for the Evaluation of Educational Achievement) – организация, инициировавшая сравнительное исследование качества чтения, – искала понятие, определяющее чтение не только со стороны техники, но и в широком функциональном контексте (как возможность размышлять о прочитанном и использовать прочитанное для достижения личных и общественных целей, в первую очередь) для дальнейшего обучения.

Считается, что к тому моменту, когда дети оканчивают начальную школу (в России это четвероклассники), у них настолько развиты навыки чтения и работы с текстом, что они становятся базой для учёбы в средней и старшей школе. Как школьники умеют читать и понимать тексты, проверяет международное тестирование PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study), которое проходит циклично – раз в пять лет. С 2001 года его проводили уже четыре раза, в последний раз – в 2016 году. В этом тестировании в разное время участвовало от 35 до 50 стран. В PIRLS оценивают два вида чтения: чтение для приобретения читательского литературного опыта и чтение для освоения и использования информации.

Для проверки школьникам дают два текста: научно-популярный (информационный) и художественный. После чтения дети должны ответить на несколько вопросов к каждому. Вопросы к текстам оценивают четыре навыка: находить информацию; формулировать выводы; интерпретировать и обобщать информацию; анализировать и оценивать содержание, языковые особенности и структуру текста.

В первом исследовании PIRLS-2001 Россия заняла только 16-е место из 35 стран. В конце 2017 года появились результаты последнего исследования PIRLS-2016, в котором участвовали школьники из 50 государств и в котором российские школьники заняли первое место. Не случайно теперь перед российской школой стоит задача к 2024 году обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования, вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования.

Другое крупнейшее международное широкомасштабное мониторинговое исследование в области образования – PISA (Programme for International Student Assessment). «Международная оценка образовательных достижений учащихся» – программа, которая осуществляется Международной организацией экономического сотрудничества и развития ОЭСР (OECD – Organisation for Economic Co-operation and Development). В тестировании принимают участие учащиеся 15-летнего возраста, обучающиеся в образовательных учреждениях общего и профессионального образования, и оценивается, насколько они «готовы к жизни», т. е. способны использовать полученные в школе знания и умения для решения проблем, с которыми могут встретиться во взрослой жизни. Здесь оцениваются образовательные достижения учащихся в области математики, естествознания, финансовой грамотности и чтения.

Участие в исследовании PISA позволяет определить, как выпускники российской основной школы готовы к продолжению обучения; выявить направления совершенствования общего образования в стране; сравнить достижения учащихся, а также образовательный процесс в школах разных стран. Уникальность инструментария международного экзамена PISA в том, что он определяет те умения обучающихся, которые будут способствовать успешности выпускника школы в полной реализации его как личности во взрослой жизни.

Подобного рода исследований, посвящённых изучению читательской грамотности студентов нефилологических факультетов, к сожалению, пока не существует. Однако мы считаем, что участие российских студентов в таких исследованиях одного из аспектов качества образования нужно для того, чтобы объективно оценить уровень образования и степень конкурентоспособности выпускников российских вузов. Для этого следует применять самые современные мониторинговые технологии. И Россия может использовать данный опыт в проведении собственных исследований на федеральном и региональном уровнях.

Мы решили проверить, как сформирована читательская грамотность у магистрантов-гуманитариев (нефилологического профиля) ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», а также курсантов-бакалавров ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России». Для этого бакалаврам и магистрантам были предложены примеры открытых заданий по чтению PISA-2009 (по материалам аналитического отчета «Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2009»), опубликованные на сайте Центра оценки качества образования (Министерство просвещения Российской Федерации ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования») [6].

В опросе приняли участие 50 магистрантов-гуманитариев в возрасте 21-22 лет, окончивших школу в 2016 году, и 50 курсантов-бакалавров в возрасте 17-19 лет, окончивших школу в 2019 и 2020 году. Им был предложен 21 вопрос на основе 4 текстов различных типов: «Как вы чистите зубы?» (короткий описательный текст), «Воздушный шар» (неплохой описательный текст – с включением иллюстраций, графических изображений), «Сдача крови» (объявление), «Скупой и его золото» (повествование иносказательного характера). Результаты тестирования проводятся в таблице, данной ниже.

*Результаты анализа уровня читательской компетентности студентов воронежских вузов
(сравнительная характеристика)*

1- магистранты-гуманитарии, 2 – курсанты-бакалавры

№ п/п	Цель вопроса	Кол-во правильн. ответов		Кол-во неправильн. ответов		Ответ отсутств	
		1	2	1	2	1	2
<i>«Как вы чистите зубы?»</i>							
1	Обобщение и интерпретация. Углубленное понимание. Определить основную идею короткого описательного текста	0	50	0	0	0	0
2	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти синонимическое совпадение в коротком описательном тексте.	50	50	0	0	0	0
3	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти информацию в коротком описательном тексте	50	50	0	0	0	0
4	Рефлексия и оценка. Размышление и оценка формы текста. Определить цель использования аналогии в коротком описательном тексте.	9	49	1	1	0	0
<i>«Воздушный шар»</i>							
5	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти информацию, явно выраженную в несплошном описательном тексте	50	50	0	0	0	0
6	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти два отрывка информации, явно выраженной в несплошном описательном тексте	2 отр. инф. ф. 38	2 отр. инф. 27	1 отр. 10 Не найдено - 2	1 отр. 22	0	1
7	Рефлексия и оценка. Размышление и оценка формы текста. Определить назначение иллюстрации в несплошном описательном тексте	6	39	14	11	0	0
8	Рефлексия и оценка. Размышление и оценка формы текста. Оценить значимость графического изображения в несплошном описательном тексте	38	38	12	10	0	2
9	Рефлексия и оценка. Размышление и оценка формы текста. Определить назначение связанных между собой иллюстраций в несплошном описательном тексте	50	43	0	5	0	2
10	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти информацию, явно выраженную в несплошном описательном тексте	49	45	1	3	0	2
11	Обобщение и интерпретация. Углубленное понимание. Определить главную идею несплошного описательного текста.	50	47	0	1	0	2
<i>«Сдача крови»</i>							
12	Обобщение и интерпретация Углубленное понимание. Определить главную задачу объявления	45	50	5	0	0	0
13	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти информацию, явно выраженную в тексте	45	37	5	10	0	3

Продолжение таблицы

14	Обобщение и интерпретация Интерпретация. Связать отдельные части короткого текста, чтобы сделать вывод	47	45	3	1	0	4
15	Рефлексия и оценка. Размышление и оценка формы текста. Определить убедительную направленность фразы в объявлении	49	44	1	2	0	4
16	Обобщение и интерпретация. Интерпретация. Использовать набор критериев. Указанных в объявлении, по отношению к другим случаям	49	46	1	1	0	3
<i>«Скупой и его золото» (басня)</i>							
17	Обобщение и интерпретация. Интерпретация. Определить последовательность событий в повествовании	50	46	0	3	0	1
18	Обобщение и интерпретация. Углубленное понимание. Определить главную идею назидательного рассказа	50	45	0	3	0	2
19	Обобщение и интерпретация. Интерпретация. Соотнести отдельную деталь в басне с ее моралью, общей идеей	39	38	11	6	0	6
20	Рефлексия и оценка. Размышление и оценка формы текста. Предположить причину поступка персонажа, сочетая ранее полученные знания и информацию из текста	43	46	7	2	0	2
21	Поиск и извлечение информации. Нахождение информации. Найти информацию, явно выраженную в начале короткого текста	48	50	2	0	0	0

Мы видим, что не вызвали затруднений в обеих испытуемых группах: 1) вопросы, связанные с поиском и извлечением информации в коротком описательном тексте, а также с его обобщением и интерпретацией; 2) вопросы, связанные с рефлексией и оценкой формы несплошного описательного текста, его обобщением, интерпретацией и углубленным пониманием; 3) вопросы по обобщению и интерпретации повествовательного текста (последовательность событий в повествовании), определении главной идеи назидательного рассказа.

Ответы на другие вопросы обнаруживают некоторые различия.

Магистранты-гуманитарии

Незначительные затруднения (1-3 ошибки) зафиксированы в следующих случаях: 1) рефлексия и оценка формы текста – определение цели использования аналогии в коротком описательном тексте; 2) нахождение информации, явно выраженной в несплошном описательном тексте; 3) интерпретация информации, представленной в объявлении); определение убедительной направленности фразы в объявлении; 4) поиск и извлечение информации, явно выраженной в начале короткого повествовательного текста.

Среднее количество ошибок (от 4 до 7) допущено: 1) при обобщении и интерпретации, углубленном понимании объявления (определение главной задачи объявления), а также нахождении информации, явно выраженной в тексте; 2) при рефлексии и оценке формы повествовательного текста (предположение причины поступка персонажа на основе ранее полученных знаний и информации из текста).

Наибольшие затруднения (10-14 ошибок) вызвали: 1) нахождение информации в несплошном описательном тексте (поиск двух отрывков явно выраженной информации), размышление и оценка формы несплошного описательного текста (определение назначения иллюстрации), рефлексия и оценка его формы – значимости графического изображения; 2) обобщение и интерпретация повествовательного текста – соотнесение отдельной детали в басне с ее моралью, общей идеей.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что уровень читательской компетентности магистрантов-гуманитариев следует признать удовлетворительным, потому что испытуемые, полностью справившись с наименее сложными вопросами, все же допустили значительное ко-

личество ошибок в заданиях, связанных с углубленным пониманием текста делового стиля, с поиском информации вне основного текста, а также с интерпретацией и оценкой содержания повествовательного текста.

Бакалавры-курсанты

Наибольшие затруднения у курсантов вызвали следующие вопросы, предполагающие: 1) поиск и извлечение информации в коротком описательном тексте (нахождение двух отрывков информации, явно выраженной в несплошном описательном тексте (22 ошибки), поиск и извлечение информации, явно выраженной в тексте (13 ошибок); 2) рефлексии и оценку формы несплошного описательного текста (определение назначения иллюстрации в несплошном описательном тексте (11 ошибок), оценку значимости графического изображения в несплошном описательном тексте (10 ошибок), определение назначения связанных между собой иллюстраций в несплошном описательном тексте (5 ошибок)); 3) обобщение и интерпретацию повествовательного текста (соотнесение отдельной детали в содержании текста с общей идеей (6 ошибок), определение последовательности событий в повествовании (3 ошибки), определение главной идеи назидательного рассказа (3 ошибки), причем не вызвали затруднений вопросы, связанные с необходимостью определить основную идею короткого текста и главную задачу объявления).

В отличие от магистрантов, не вызвали затруднений вопросы, предполагающие определение главной задачи объявления.

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом. Курсанты 1 и 2 курсов Воронежского института ФСИИ России продемонстрировали удовлетворительный уровень читательской компетентности, соответствующий современному представлению о грамотности чтения, согласно которому «выпускник основной школы должен понимать тексты различных видов, размышлять над их содержанием, оценивать их смысл и значение и излагать свои мысли о прочитанном» [7].

Однако результаты опроса вскрыли и наличие отдельных проблем в области формирования читательской компетентности обучающихся нефилологических факультетов. Анализ ответов обеих групп респондентов показывает, что наиболее сложным для обучающихся является: 1) умение находить информацию и устанавливать последовательность или комбинацию информации, выраженной в тексте; 2) умение рефлексии и оценивания, когда требуется определить цель иллюстрации, оценить значимость одной или нескольких связанных между собой иллюстраций, определить идею текста или выдвинуть гипотезу на основе знаний, полученных вне школы.

Понимание сплошных текстов (тексты «Как вы чистите зубы?», «Скупой и его золото»), как правило, не вызвало у испытуемых затруднений. Трудности возникли с пониманием несплошных текстов (тексты «Воздушный шар», «Сдача крови»), где требовалось установить характер связи частей информации, представленной в виде короткого объявления («Сдача крови») или нескольких детализированных иллюстраций, сопровождающих короткий текст («Воздушный шар»), и использовать внешнюю информацию по отношению к основной. При этом реципиенты должны были обнаружить, что для полного понимания данных текстов требуется правильно интерпретировать графические элементы данного документа (иллюстрации). Иллюстрации, графические изображения, сопровождающие текст «Воздушный шар», можно отнести к предметно-познавательным, так как их роль – наглядно проиллюстрировать суть события, помочь читателю осмыслить его значение посредством аналогии и сравнения, что предполагает наличие соответствующих навыков. В методической литературе мы находим мысли о необходимости поэтапного обучения школьников и студентов освоению текстовых иллюстраций, так как «иллюстрация помогает читателю моделировать тот фрагмент действительности, который в произведении опосредован словесно; иллюстрация является регулятором не только смыслового, но и эмоционально-эстетического освоения читаемого; иллюстрация помогает ребенку получить первый опыт чтения между строк, то есть открыть то, о чем прямо не говорится в тексте» [8].

Трудности вызвало понимание текста басни «Скупой и его золото», жанра дидактической литературы, имеющей особенности интерпретации. Данную басню можно отнести к группе «басни без морали» в классификации Е.П. Грасс, которую исследовательница приводит в статье «Интерпретация басен: уровни смысла аллегорических образов» [9]. Характеристика людей в таких баснях схематична (например, бедняк, богач, скупой) и помогает читателю правильно интерпретировать характер героев. Как пишет ученый, «герои данной басни представляют определенные модели социальных от-

ношений, которые помогают в интерпретации» [9]. Ошибочные ответы на вопросы, касающиеся обобщения и интерпретации басни как художественного повествовательного текста, связаны, видимо, с недостаточной сформированностью у выпускников школ навыков понимания текстов данного жанра. Причину этого мы видим в том, что современная школьная программа по литературе отводит только несколько часов на изучение такого жанра, как басня (в начальной школе, затем, как правило, в пятом и шестом классах). Кроме того, как пишет М.С. Вольхин в статье «Социокультурный аспект изучения басни в школе», школьное обучение анализу басни требует некоторых уточнений и корректировок. При рассмотрении текстов данного жанра не следует забывать о риторико-логической сущности басни: «Басня является не просто примером подтверждения известной истины, правила, нормы, а своеобразной формой мысли, которая позволяет обнаружить эту истину, причём зачастую обнаружить впервые». Ведь басня – это средство познания, это путь познания, это и само нравоучение [10].

Таким образом, в ходе проведённого исследования было обнаружено, что, демонстрируя достаточно высокий уровень классической академической подготовки, студенты, как и всё современное общество, определённым образом переживают кризис чтения, испытывая затруднения с применением знаний в реальных или незнакомых ситуациях, о чём свидетельствуют их относительно невысокие результаты в проведённом исследовании. Считаем, что на занятиях по русскому языку не только в школе, но и в вузе необходимо развивать критическое мышление через чтение и письмо, ведь основными миссиями чтения являются формирование человека духовного, помощь в получении образования, обучение пониманию, усвоению и использованию информации. «Умение читать и писать – важнейшие «академические» навыки. Овладение ими – реальный путь к успеху, настоящему успеху в жизни, в профессии, в творчестве: ведь мы живём в мире текстов, и поэтому должны уметь их читать, понимать, воспроизводить и создавать», – подчёркивают Г.В. Пранцова и Е.С. Романичева в учебном пособии «Современные стратегии чтения. Смысловое чтение и работа с текстом» [11].

Библиографический список

1. Указ президента РФ 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 06.11.2020).
2. Путин считает, что интерес к чтению нужно прививать не только детям, но и родителям. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4525674> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Концепция Программы поддержки детского и юношеского чтения. URL: <https://consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Национальная программа поддержки и развития чтения. URL: http://www.library.ru/1/act/doc.php?o_doc=1122&o_s (дата обращения: 06.11.2020).
5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71579274/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 06.11.2020).
6. Примеры открытых заданий по чтению. PISA 2009. URL: http://centeroko.ru/pisa18/pisa2018_rl.html (дата обращения: 06.11.2020).
7. Ковалева Г.С., Красновский Э.А. Новый взгляд на грамотность [Электронный ресурс] // Журнал «Русский язык». URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200501401> (дата обращения: 06.11.2020).
8. Зевакова И.С. Текстовая иллюстрация как средство формирования вдумчивого читателя. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie/2013/08/16/tekstovaya-illyustratsiya-kak-sredstvo-formirovaniya> (дата обращения: 06.11.2020).
9. Грасс Е.П. Интерпретация басен: уровни смысла аллегорических образов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-basen-urovni-smysla-allegoricheskikh-obrazov/viewer> (дата обращения: 06.11.2020).
10. Вольхин М.С. Социокультурный аспект изучения басни в школе [Электронный ресурс] // Журнал «Молодой ученый». URL: <https://moluch.ru/archive/113/29475/> (дата обращения: 06.11.2020).
11. Пранцова Г.В., Романичева Е.С. Современные стратегии чтения. Смысловое чтение и работа с текстом. М.: Неолит, 2019. 368 с.

References

1. The decree of the president of RF 07.05.2018 № 204 (ed. of 19.07.2018) «About national purposes and strategic tasks of development of Russian Federation during the period till 2024». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (date of application: 06.11.2020).
2. Putin thinks that interest in reading should be brought up not only in children but in their parents too. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4525674> (date of application: 03.11.2020).
3. The conception of support program of reading for children and. URL: <https://consultant.ru> (date of application: 03.11.2020).
4. National program of reading support and development. URL: http://www.library.ru/1/act/doc.php?o_doc=1122&o_s (date of application: 06.11.2020).
5. The decree of education and science ministry of RF from December 1, 2016, № 1511 “About the establishment of federal state educational standard of higher education, specialization 40.03.01 Law (bachelor level) (with changes and additions)”. URL: <https://base.garant.ru/71579274/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (date of application: 06.11.2020).
6. The examples of open reading tasks. PISA 2009. URL: http://centeroko.ru/pisa18/pisa2018_rl.html (date of application: 06.11.2020).
7. Kovaleva G.S., Krasnovsky E.A. New look at literacy // Journal «Russian language». URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200501401> (date of application: 06.11.2020).
8. Zevakova I.S. Illustrations to the text as a means of attentive reading formation. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie/2013/08/16/tekstovaya-illyustratsiya-kak-sredstvo-formirovaniya> (date of application: 06.11.2020).
9. Grass E.P. Interpretation of fables: allegoric images and levels of their real meaning. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-basen-urovni-smysla-allegoricheskikh-obrazov/viewer> (date of application: 06.11.2020).
10. Volhin M.S. Social and cultural aspect of study of fables at school // Journal «Young scientist». URL: <https://moluch.ru/archive/113/29475/> (date of application: 06.11.2020).
11. Prantsova G.V., Romanicheva E.S. Modern reading strategies. Smyslovoe Essential reading and work with the text. Moscow, 2019. 368 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2021.78.96.001

*Самарский государственный социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
Клюшина А.М.*

Россия, г. Самара,

тел. 89297014908

e-mail: klyushina@pgsga.ru

Самарский государственный технический университет

преподаватель кафедры «Иностранные языки»

Хохлова А.А.

Россия, г. Самара

тел. 89272637966

e-mail: khokhlova.anna@mail.ru

Samara State University of Social Sciences and Education

candidate of philological sciences,

associate professor of English Philology and Cross-Cultural Communication Department

Klyushina A.M.

Samara, Russian Federation

tel. +79297014908

e-mail: klyushina@pgsga.ru

Samara State Technical University

Lecturer of Foreign Languages Department

Khokhlova A.A.

Samara, Russian Federation

tel. +79272637966

e-mail: khokhlova.anna@mail.ru

А.М. Клюшина, А.А. Хохлова

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМАНТИКЕ И ГРАММАТИКЕ» (НАУЧНАЯ ШКОЛА Е.П. ИВАНЯН)

А.М. Klyushina, А.А. Khokhlova

THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL METHODOLOGICAL SEMINAR "DYNAMIC PROCESSES IN SEMANTICS AND GRAMMAR" (SCIENTIFIC SCHOOL OF E. P. IVANYAN)

5 ноября 2020 г. состоялся международный методологический семинар научной школы профессора Е.П. Иванян «Динамические процессы в семантике и грамматике» с участием ученых из Армении и России, аспирантов и магистрантов Самарской области. Семинар был организован на базе Самарского государственного социально-педагогического университета и проходил в он-лайн формате на платформе Zoom. Филологи таких городов как Самара, Ереван, Тольятти, Сызрань и др. выступили с докладами и обсуждениями результатов проведенных исследований. В работе семинара участвовали ученые Национальной Академии наук Республики Армения, Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Поволжского православного института имени Святителя Алексия, Митрополита Московского (ППИ), филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (ВУНЦ ВВС «ВВА»), Самарского государственного технического университета (СамГТУ), Самарского лицея информационных технологий (СамЛИТ), средней общеобразовательной школы с. Кротовка Самарской области (МБОУ СОШ с. Кротовка). Слушателями семинара были аспиранты проф. Е.П. Иванян и М.Ю. Михайловой (СГСПУ) и магистранты академической магистратуры «Русский язык в среднем общем и высшем образовании» (руководитель программы магистратуры – проф. Е.П. Иванян).

Старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абегайна Национальной Академии наук Республики Армения Заруи Геворковна Айрян украсила методологический семинар активным участием (выступлением, комментариями, вопросами и размышлениями, а также конструктивными предложениями). Доклад З.Г. Айрян был выполнен в русле изысканий ученого [ср.: 1; 2], и раскрывал вопрос многовековых русско-армянских литературных связей на материале ашугской лирики Саят-

Новы в русских переводах В.Я. Брюсова. Исследовательница отметила, что армянская литература всегда являлась объектом внимания выдающихся русских поэтов-переводчиков. Серьезным событием стало издание в России онтологии «Поэзии Армении с древнейших времен до наших дней» под редакцией В. Брюсова в 1916 г. Многие переводы В. Брюсова, А. Блока, А. Веселовского, Ф. Сологуба, С. Шервинского до сих пор являются образцами высокого переводческого искусства. Шедевры поэтического искусства Армении разных исторических эпох и литературных направлений вошли в онтологию и стали достоянием русскоязычных читателей (Г. Алишан, Н. Кучак, Г. Нарекаци, Фрик, С. Шах-Азис, и др.). Выступление З.Г. Айрян сопровождалось информативной и красочной презентацией с музыкальной композицией – песней Саят-Новы «Назани», что вызвало неподдельный интерес и обсуждение среди участников методологического семинара.

Профессор СГСПУ Е.П. Иванян осветила разные формы бытования научного диалога в лингвистических изысканиях, отмечая необходимость учета лингвоэкологического аспекта [ср.: 3]. Профессор СГСПУ М.Ю. Михайлова в докладе «Специфика интернет-коммуникации (на примере репрезентации семантики невыразимого в «Котоматрице»)» описала новую сферу бытования функционально-семантической категории невыразимого [о данной категории см.: 4] – в интернет-коммуникации неинституционального модуса на сайте «Котоматрица», заключив, что конститuentы семантики невыразимого образуют тесный сплав с лингвокреативными практиками интернет-пользователей данного сайта.

Доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры дошкольного образования СГСПУ И.В. Гуровой был посвящен блогу как пространству лингвистического креатива. Предметом исследования И.В. Гуровой был выбран блог Е. Касперского – одного из ведущих специалистов в области IT-технологий. В центре внимания докладчика находились авторские эвристические стратегии, сопряжённые с приёмами словообразовательной игры: обыгрывание омонимии словообразовательных элементов; использование каламбурных образований; рефлексия над суффиксальными способами образования номинаций; образование окказионализмов по моделям сложных слов с интерфиксом -о- и сложносоставных слов. В заключении был сделан вывод о принадлежности языковой личности Е. Касперского к элитарному типу. Исследование выполнено в русле изучения современных русских окказионализмов [ср.: 5].

В сообщении заведующего кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ кандидата филологических наук, доцента О.Д. Паршиной говорилось о явлении рекурсии понятия *столица* в семантическом пространстве русской провинции; было показано, что на рубеже XX-XXI веков перифрастические конструкции с компонентом *столица* в отношении русской провинции получают широкое употребление в связи со стремлением обретения провинциальными городами новой идентичности. О.Д. Паршина подчеркнула, что выявление проблематики оппозиции «столица – периферия» актуально в ценностно-смысловом аспекте. При этом, согласно работе О.Д. Паршиной и Е.П. Иванян, выделение ядра семантики провинции осуществляется с учетом диалектического противоречия между столицей и провинцией [6; с. 124]. О.Д. Паршина отметила, что в национальной языковой картине мира пространство страны представляется полицентрической структурой; рекурсивное движение номинаций из центра на периферию осуществляется на основании моделей, трансформирующих семантику столицы в отношении ценности места или его атрибута.

Кандидат педагогических наук, доцент ТГУ М.Г. Соколова раскрыла роль тропов с компонентом-дендронимом в формировании метаметафоры в поэзии метареалистов. Представленное исследование осуществлялось автором в русле системно-функционального подхода к анализу дендронимов в русской поэзии [7; 8]. Основное внимание в данном выступлении уделялось способам и особенностям моделирования метаметафорического образа с помощью тропов «дерево – человек», которые получают развертывание и реализацию в виде серии производных образов сравнения, служат способами семантизации других тропов в метафорическом контексте.

Доцент ППИ, кандидат филологических наук О.Ю. Лысова в докладе «Архетипная символика огня в семантике русских фразеологизмов» представила многоуровневый лингвокультурологический анализ внутренней формы идиом с компонентом «огонь». На большом фактическом материале докладчик показала, что этимология, семантика и функционирование отобранных ею устойчивых сочетаний различны, отличаются и культурно-символьные смыслы этих выражений. Компонент *огонь* в составе большинства русских фразеологизмов выступает в качестве квазисимвола, обозначая, с одной стороны, опасную, разрушительную силу, яростное и мстительное оружие (*огнём и мечом; преда-*

вать огню и мечу), а с другой стороны – пламя с очищающим воздействием, обладающее свойством уничтожать злых духов, возрождать к новой жизни (*стать новой водой, огнём и трубами*), воплощать творческое, активное начало (*священный, божественный огонь, огонь поэзии; с огнём делать, исполнять что-л.*). В целом, образ огня выступает в русских фразеологизмах как активная и живая сакральная сущность, являющаяся одной из важнейших стихий мироздания и наделённая амбивалентной символикой. О.Ю. Лысова предложила системный подход к описанию образной внутренней формы идиом, содержащих в своём составе компонент, наделённый особыми, символическими смыслами. Ученый активно применяет полученные результаты в своей педагогической деятельности [ср.: 9; 10].

Кандидат филологических наук, доцент СГСПУ А.М. Ключина затронула проблему выражения семантики крайности в русской лингвокультуре. В сообщении ученый подчеркнул важность применения функционально-семантического подхода в лингвистике [11], отметил разработанность семантики умолчания [12], пассивности [13; 14], неуловимого [15], градуальности [16] и др. В выступлении А.М. Ключиной показано, что в отечественной русистике пока что нет специального исследования семантики крайности, о данной семантике говорится лишь попутно, [напр.: 17]. Особое внимание в докладе А.М. Ключиной уделялось семантике крайности в значениях ‘крайняя степень, чрезмерное проявление чего-либо, излишество’ [ср.: 18; 19], и ‘противоположность’.

Доцент СГСПУ Н.В. Гоннова подготовила сообщение о моде на некоторые слова. Описывая семантические и структурные особенности модных слов, влияющие на характер их употребления в русской речи, ученый обратил внимание на те или иные классификации номинаций данного вида. Кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы СамЛИТ (базовая школа РАН) А.Н. Моргунова раскрыла особенности функционирования омокомплекса *оно* как эвфемизма в русском дискурсе, отметив грамматические, стилистические и семантические аспекты исследуемого омокомплекса на материале «Национального корпуса русского языка».

Доцент кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Сызрань) О.А. Васильева доложила о языковых штампах в публичных выступлениях жанра *Stand up*, осветив тему влияния медийных продуктов на формирование эстетической категории комического, проанализировала речевые публичные выступления стендап-комиков с точки зрения изучения языковой игры; рассмотрела структуры шуток. В заключении О.А. Васильева охарактеризовала современных юмористов как «проводников» комического в средства массовой информации. Аспирант СГСПУ, преподаватель кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Сызрань) Н.Н. Немич раскрыла проблему дифференциации понятий «газетный стиль» и «газетный дискурс», с опорой на научные труды по исследованию газетного дискурса и стиля определила сходства и различия [ср.: 20].

Доклад аспиранта СГСПУ Н.Д. Осиповой продолжил исследование особенностей современных российских прагматонимов – названий конфет [ср. : 21], в нем были раскрыты принципы моделирования ономастического поля отонимных прагматонимов – наименований конфет, с учетом специфики языкового материала выделены три основных фактора сегментирования поля: узнаваемость (брендовость) прагматонима, денотативная частотность (представленность на российском рынке) и ориентация на определенный сегмент потребительской аудитории.

В докладе преподавателя кафедры иностранных языков СамГТУ, аспиранта А.А. Хохловой затронута проблема определения частоты употреблений лексических единиц, составляющих ядро поля «Общение» в поэтическом языке на материале «Национального корпуса русского языка». Исследовательница привела сравнительный анализ частотности употребления коммуникативной лексики поэтического языка и языка художественной литературы, продолжая магистральное изучение функционального аспекта поэтической речи [ср. 22]. Доклад аспиранта Е.Н. Поляковой был посвящен изучению одной тематической группы эвфемизмов в сопоставительном аспекте их бытования в печатных изданиях 1920-х гг. (журналах «Смена», «Молодая гвардия», «Красная новь») и 2010-х гг. (газете «Комсомольская правда»). Исследователь предложил солидный языковой материал 129 и 1241 языковых единиц соответственно.

В докладе магистранта СГСПУ, учителя русского языка МБОУ СОШ с. Кротовка П.С. Ивановой «Функционирование запахов в произведениях с названиями, включающими слово запах» нашло развитие изучение ольфакторного модуса перцепции в художественных текстах [ср.: 23; 24]. Анализировалось соотношение названия и содержания. П.С. Иванова убедительно показала, что ольфак-

торная художественная деталь способна участвовать в определении персонажа-преступника, а запах может становиться особым языком.

В заключении подчеркнем, что все сообщения были посвящены разнообразным актуальным проблемам семантики и грамматики, отличались актуальностью и новизной исследования. Они получили благожелательные отзывы аудитории, сопровождались живым обменом мнениями. Участники научной школы профессора Е.П. Иванян отметили продуктивность, важность и актуальность проведения подобных методологических семинаров. Уважаемая гостья из Национальной Академии Наук Республики Армения З.Г. Айрян подчеркнула высокую научную подготовку докладов участников методологического семинара и предложила продолжить плодотворное сотрудничество в рамках международных и межвузовских конференций и семинаров.

Библиографический список

1. Айрян З.Г. Ашугская поэзия Саят-Новы в русских переводах // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 132-145.
2. Айрян З.Г. Любовная лирика Аветика Исаакяна в переводческом наследии Михаила Дудина // Научный диалог. 2017. № 4. С. 111-119.
3. Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24-25 ноября 2017 г.) / ред. кол.: Н. Б. Самсонов (отв. ред.), М. В. Головня (зам. отв. ред.), П. А. Лекант и др. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 331-333.
4. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке: монография. Самара: СГСПУ, 2017. 243 с.
5. Гурова И.В. Гейт-производные в медиадискурсе: лингвокреативный аспект // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. №2. С. 142-148.
6. Паршина О.Д., Иванян Е.П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. 2020. № 8. С. 123-140.
7. Соколова М.Г. Полевая структура образной парадигмы «тополь – предмет» в русской поэзии XVIII-XIX веков // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018. Междунар. науч. конференция (г. Москва, 23-24 ноября 2018 г.) / отв. ред. Н.Б. Самсонов. Москва: МГОУ, 2018. С. 240-244.
8. Соколова М.Г. Устойчивые тропеические номинации дендронима клен в поэтическом языке XIX-XX веков // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 445-451.
9. Лысова О.Ю. Компетентностный подход при обучении русской фразеологии на филологическом факультете // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 1486-1490.
10. Лысова О.Ю. Формирование лингвострановедческой компетенции студентов-филологов средствами русской фразеологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11-14 октября 2018 г.). СПб.: РОПРЯЛ, 2018. С. 1253-1258.
11. Ключина А.М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Вып. 10. С. 113-118.
12. Иванян Е.П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 33-35.
13. Ключина А.М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2013. 23 с.
14. Стойкович Г.В., Ключина А.М. Категориальные и некатегориальные средства выражения пассивности в английском научном, художественном и политическом дискурсах. Под науч. редакцией Нечаева М.П., Чебоксары, 2014. 65 с.
15. Калинина Л. В. Языковые средства выражения семантики неуловимого в поэзии раннего О.Э. Мандельштама // Филология и культура. 2015. №4 (42). С. 76-80.
16. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка. М.: Флинта, 2018. 232 с.

17. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке. М.: Изд-во Московского гос. ун-та печати, 2004. 76 с.
18. Ключина А.М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020. С. 138-144.
19. Ключина А.М. Проявление семантики крайности в персонификации В.С. Высоцкого // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 2020-а. Издательство: МГОУ. С. 247-250.
20. Немич Н.Н. Газетный дискурс как часть массово-коммуникативного пространства // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 29-33.
21. Осипова Н.Д. Социокультурное значение прагматонимов – названий конфет // Волжский вестник науки. 2017. № 4-6 (8-10). С. 67-69.
22. Хохлова А.А. Реалии современной русской поэзии // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020. – С. 65-71.
23. Иванян Е.П., Иванова П.С. Персонификация в сравнениях с прецедентными онимами в текстах произведений З. Прилепина и Н. Абгарян // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 48-58.
24. Иванян Е.П., Иванова П.С. Представленность тематических групп в сравнениях ольфакторного модуля перцепции // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8. № 1 (26). С. 54-60.

References

1. Aryan Z.G. Ashug poetry of Sayat-Nova in Russian translations // Scientific Dialogue. 2016. No. 3 (51). P. 132-145.
2. Aryan Z.G. Love poetry of Avetik Isahakian in the translation heritage of Mikhail Dudin // Scientific Dialogue. 2017. No. 4. P. 111-119.
3. Ivanyan E.P. Metaphors of pedagogical speech: linguoecological aspect // Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored scientist of the Russian Federation, Honorary Professor of the Moscow state regional University, doctor of Philology, Professor Pavel Alexandrovich Lekant (Moscow, November 24-25, 2017) / ed. col.: N. B. Samsonov (ed.), M. V. Golovnya (deputy ed.), P. A. Lekant et al. Moscow: IJU MSOU, 2017. - P. 331-333.
4. Mikhailova M.Yu. Semantics of inexpressible and means of its transmission in Russian: monograph. Samara: SSPU, 2017. 243 p.
5. Gurova I.V. Gate-derivatives in media discourse: linguistic and creative aspect // Ural philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity. 2018. №2. P. 142-148.
6. Parshina O.D., Ivanyan E.P. Axiology of the province phenomenon in Russian mass media of the beginning of the XXI century // Scientific dialogue. 2020. №. 8. Pp. 123-140.
7. Sokolova M.G. Field structure of figurative paradigm «topol – subject» in Russian poetry of XVIII-XIX centuries. The Rational and emotional in Russian – 2018: proceedings of the International scientific conference (Moscow, 23-24 November 2018). Executive editor N.B. Samsonov. Moscow, Moscow state open University Publ., 2018. PP. 240-244.
8. Sokolova, M.G. Sustainable shaped the category of dendronim maple in the poetic language of the 19th-20th centuries. In Actual problems of modern linguistics and methods of language teaching. Collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of Professor Ivan Figurovsky. Elets, Elets'kii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina, 2019. Pp. 445-451).
9. Lysova O.Yu. Competence approach in teaching Russian phraseology at the faculty of Philology // Dynamics of language and cultural processes in modern Russia [Electronic resource]. Issue 5. Materials of the V Congress of ropryal (Kazan, October 4-8, 2016). - Spb.: Ropryal, 2016. - 1 electron. opt. disk (CD-R). P. 1486-1490.
10. Lysova O. Yu. Formation of linguistic and cultural competence of students-philologists by means of Russian phraseology // Dynamics of language and cultural processes in modern Russia [Electronic resource]. - Vol. 6. Materials of the VI Congress of ropryal (Ufa, October 11-14, 2018). - St. Petersburg: Ropryal, 2018. P. 1253-1258.
11. Klyushina A.M. The Problem of functional-semantic approach existence in linguistics: systematic review // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2020. Volume 13. Issue 10. P. 113-118.
12. Ivanyan E.P. Representation of semantics of omission in modern Russian discourse // Baltic Humanitarian Journal. 2015.No. 1 (10). P. 33-35.
13. Klyushina A.M. Means of expression of passivity in the English language in the synchrony and diachrony: abstract of thesis ... PhD in philology. Samara, 2013. - 23 p.
14. Stoikovich G.V., Klyushina A.M. Categorical and non-categorical means of expressing passivity in English scientific, fiction and political discourses. Under the scientific editorship of M.P. Nechaev, Cheboksary, 2014. 65 p.
15. Kalinina L.V. Language means of expressing the semantics of the elusive in the poetry of early O. E. Mandelstam // Philology and culture. 2015. №. 4 (42). P. 76-80.

16. Kolesnikova S.M. Gradualnost' in the Russian language system. Moscow: Flinta, 2018. 232 p.
17. Senichkina E.P. Specifics of the category of uncertainty in the Russian language. M.: Moscow state publishing house. UN-TA press, 2004. 76 p.
18. Klyushina A.M. The Combination of particles for transmitting the semantics of extreme in the work of A. Gelasimov // Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers. Kirov: Russian language publishing house Raduga-PRESS, 2020, P. 138-144.
19. Klyushina A.M. Representation of semantics of extreme in the personosphere of V.S. Vysotskiy // Lekantovskie chteniya: materials of the International scientific conference. Moscow, 2020. MGOU. P. 247-250.
20. Nemich N.N. Newspaper discourse as part of mass communication space // Theoretical and practical problems of the development of modern Humanities. Materials of the VI International scientific and practical conference. Ufa, 2020. P. 29-33.
21. Osipova N.D. Sociocultural meaning of pragmatonyms-names of sweets // Volga journal of science. 2017. No. 4-6 (8-10). P. 67-69.
22. Khokhlova A.A. The realities of modern Russian poetry // Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers. Kirov: Raduga-PRESS Publishing house, 2020, P. 65-71.
23. Ivanyan E. P., Ivanova P. S. Personosphere in comparisons with precedent onyms in the texts of works by Z. Prilepin and N. Abgaryan // Ecology of language and communication practice. 2017. No. 4 (11). P. 48-58.
24. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Representation of thematic groups in comparisons of olfactory mode of perception // Volga Pedagogical Bulletin. 2020. Vol. 8. No. 1 (26). P. 54-60.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(40) 2021

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 31.03.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,7. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84